ДРЕВНОСТИ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ (СЕРЕДИНА V – СЕРЕДИНА VI В.) В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Михаил Михайлович Казанский
Национальный центр научных исследований (CNRS), Париж, Франция,
michel.kazanski53@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0306-0936

Аннотация. Рассмотрены памятники степных кочевников – погребения и поминальные комплексы постгуннского времени (середина V – середина VI в.). Их характер соответствует первой, самой примитивной форме кочевания, когда номады объединяются в многочисленные группы и постоянно передвигаются по степи. Для этой формы кочевания характерны и основные черты их цивилизации – высокая милитаризация, отсутствие устойчивых «этнографических» черт материальной культуры, большая этническая смешанность степных коллективов, где доминировал военно-политический фактор, а не этнокультурный. Появление «княжеских» погребений свидетельствует о кристаллизации военной аристократии. Начинают формироваться и региональные черты материальной культуры. В то же время в материальной культуре наблюдается средиземноморское и центрально-азиатское влияние, что отражает основные направления культурных и военно-политических контактов кочевников постгуннского времени.

Ключевые слова: степь, постгуннское время, погребения, поминальные комплексы, гунны, болгары

THE ANTIQUITIES OF THE STEPPE NOMADS OF THE POST-HUNNIC PERIOD (MID-FIFTH TO MID-SIXTH CENTURY) IN EASTERN EUROPE

Michel M. Kazanski
National Centre for Scientific Research (CNRS), Paris, France,
michel.kazanski53@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0306-0936

Abstract. This article analyses the sites of the steppe nomads, such as burials and commemorative monuments, from the Post-Hunnic period (mid-fifth to mid-sixth century). Their nature corresponds to the first and the most primitive form of nomadism, when the nomads united into numerous groups constantly moved along the steppe. The given form of nomadism corresponds to the main civilization features of the people in question, such as high militarization, the absence of stable "ethnographic" features of the material culture, and a great ethnic heterogeneity of steppe collectives, with predominant military-political and not ethnocultural factor. The appearance of "princely" graves indicates the formation of military aristocracy. Simultaneously, the regional features of material culture started shaping. Moreover, the material culture reveals Mediterranean and Central Asian influences reflecting the main directions of cultural and military-political contacts of the Post-Hunnic nomads.

Keywords: steppe, Post-Hunnic period, burials, commemorative assemblages, Huns, Bulgars

© Казанский М. М., 2020

Древности постгуннского времени в восточноевропейских степях, соотносимые в первую очередь с гуннами, болгарами и уграми, в качестве особой группы были определены в ходе дискуссии между А. К. Амброзом и И. П. Засецкой о хронологии степных памятников эпохи Великого переселения народов [4; 26, с. 111–131]. Вскоре за ними закрепилось название «шиповского» горизонта, они стали сюжетом специальных исследований [2; 100; 85; 56; 31], отдельные работы посвящены хронологии этих памятников [56; 47], их социальной интерпретации [2; 52; 44], географии центров власти и расселения отдельных племен [125; 42; 43; 45]. В данной работе мне хотелось бы подвести итог результатам исследований постгуннских памятников. Поскольку данная работа претендует на обобщающий характер, здесь придется повторить в переработанном виде некоторые сюжеты моих более ранних работ.

Принципы выделения и хронология памятников

Количество ныне известных памятников не велико (см. Приложение, далее по тексту ссылки на номера), при этом их концентрация наблюдается близ устьев Южного Буга и Днепра, в Крыму, на Нижнем Дону и в Заволжье (рис. 1)[1]. Памятники «шиповского» или постгуннского горизонта (430/470–530/570 гг.) с точки зрения хронологии находятся между гуннским периодом (360/370–470/480 гг.) и горизонтом «геральдических» поясов (горизонты Суханово и Сивашовка по А. В. Комару) (550–670/700 гг.).

Степные древности постгуннского времени выделяются по устойчивому набору вещей. Отчасти они имеют аналоги на обширной территории, в западноевропейской и балкано-дунайской зоне, где разработана аргументированная датировка древностей V–VI вв., а также в хорошо изученных регионах Крыма, Северного Кавказа и Абхазии. В этот набор входят как «мужские», так и «женские» вещи, их хронология уже была предметом обсуждения – византийские мечи с инкрустированной гардой, сегментовидные низкие и треугольные вытянутые металлические накладки на седла, накладки конской сбруи, в т. ч. «византийские» с декором в стиле перегородчатой инкрустации, типа Апахида-Чулек и «восточные», типа Шамси-Боровое, псалии с В-образными петлями, пряжки и ременные наконечники стиля клуазоне средиземноморской традиции, пряжки «шиповского» типа, ранневизантийские пекторальные цепи с медальонами и подвесками, некоторые виды перстней и сережек-височных подвесок, зеркала с длинной ручкой-штырем, аппликации с тисненым декором в виде личин или с «дерюжным» орнаментом [см. подробнее: 47].

[1] Целый ряд находок, обнаруженных на «пограничных» территориях и часто относимых к числу «кочевнических», таковыми, скорее всего, не является. Это могилы воинских предводителей в Бабичах в Среднем Поднепровье, в ареале раннеславянской (антской) пеньковской культуры [см.: 46, с. 92, 93, там же библиография] и погребение с мечем из Тамани, вероятно принадлежавшее представителю позднебоспорской знати [45, там же библиография]. А. В. Комаром к «кочевническим» находкам постгуннского времени (группа Лихачевка, см. ниже) второй половины V – первой половины VI в. отнесены погребения в Сахарной Головке в Крыму и в Животинном на Верхнем Дону [56]. Однако эти два захоронения обнаружены в некрополях бесспорно оседлого населения и не содержат вещей, характерных только для степняков.

Время наибольшего бытования хронологических индикаторов степных древностей «шиповского» или постгуннского горизонта определяется в рамках середины V – середины VI в. Впрочем, некоторые вещи – сегментовидные седельные накладки, «гвоздики» с сердоликовыми инкрустациями от конского убора, «калачевидные» серьги, височные подвески с инкрустацией, перстни с трехчастным щитком – имеют более широкую дату и частично охватывают и горизонт геральдических поясов. Выделяются предметы, характерные для ранней стадии постгуннского горизонта. Это «византийские» сбруйные накладки, мечи с инкрустированной гардой, ременная гарнитура средиземноморской традиции. С другой стороны, такие вещи как оружие с Р-образной портупейной скобой и ранние элементы геральдической гарнитуры маркируют конец постгуннского периода и датируются юстиниановской эпохой, т. е. временем около второй трети VI в.[2] Поэтому ряд находок я отношу к ранней стадии постгуннского периода, ориентировочно к середине – второй половине V или самому началу VI в. (№ 1.1, 1.2, 1.4, 2.2, 3.1)[3], другие же к ее финалу: первой половине – второй трети VI в. (№ 3.4, 4.1, 4.2, 4.4) [47, с. 110].

Помимо учтенных здесь памятников, имеются и погребения, дата которых может охватывать как шиповский горизонт, так и горизонт геральдических поясов Суханово. Это, прежде всего, находки на Южном Буге, Новая Одесса-I, курган 7, погр. 4 и Новая Одесса-IV, курган 1, погр. 3 [57, с. 94–95], а также захоронение Лебеди VIII, курган 2, погр. 6 в Восточном Приазовье [90, с. 29–30]. Здесь были найдены пряжки, форма которых хорошо известна повсюду в Европе в V – начале VI в., но которые могли существовать и позднее. С другой стороны, некоторые комплексы, отнесенные к горизонту геральдических поясов, такие как Царева, курган 66, погр. 2 на Нижней Волге (№ 5.4) [57, с. 97–99], на мой взгляд, датируются более ранним време-

[2] Согласно А. В. Комару, в степи к постгуннскому времени второй половины V – первой половины VI в. относятся две территориальные группы степных древностей: Шипово в Поволжье и группа Лихачевка в северопричерноморских степях. Последняя представлена такими памятниками как Животинное, Сахарная Головка, Лихачевка, Константиноград, Старая Сарата, Ново-Подкряж [56]. По мнению А. В. Комара, находки группы Лихачевка отражают появление новой волны кочевников. Ее характеризуют впускные ямные ингумации с ориентировкой на север и северо-восток, присутствие сосуда в головах покойных. От гуннских памятников предшествующего времени перечисленные памятники отличает отсутствие костей коня и сбруи и наличие бытовых предметов – горшков, ножей, пряслиц [56, с. 192]. Но погребения в Сахарной Головке и Животинном, как уже говорилось, не принадлежат кочевникам, остальные перечисленные А. В. Комаром памятники имеют более широкую дату, включающую и гуннское время [см. подробнее: 31, с. 109–110]. Поэтому выделение группы Лихачевка вряд ли можно признать удачным. Так же дискуссионным является и отнесение к постгуннскому времени крымских могил в Изобильном и Марфовке [2, с. 208], поскольку найденные там вещи, в том числе пряжки, по которым их, собственно, и датировали постгуннским временем, вполне соответствуют гуннской эпохе. Так, прямоугольные пряжки, вроде найденной в Изобильном, известны в контексте гуннского времени на Кубани [64, рис. 2,7] или в Бржизе (Bříza) [151, Abb. 247,1–4], а пряжки с полой овальной рамкой, как в Марфовке [см. дискуссию: 32], известны уже в гуннское время, например, в гуннском поминальнике Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) [151, Abb. 238,9].

[3] Здесь и далее номера в круглых скобках указаны по Приложению.

нем, поскольку здесь встречена пряжка с костяной рамкой, что типично именно для постгуннского времени (см. ниже)[4].

Погребения

Все достоверные погребения постгуннского времени в степи являются ингумациями. Наиболее распространены захоронения под земляными или каменно-земляными курганами: Лисьи могилы (№ 1.3), Чикаренко (№ 2.2), Ясырев-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2) (рис. 12,*1*), Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2), Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (№ 4.3), Хасав-Юрт (№ 4.5), Владимирское курган 4, погр. 2 (№ 5.3), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4), Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), Каменный Амбар-5, курган 6 (№ 6.2). При этом, в ряде случаев использовалась курганная насыпь более раннего времени.

В предшествующую гуннскую эпоху, в последней трети IV – первой половине V в. трупоположения под курганами также известны, причем преимущественно в степях к востоку от Днепра. Это погребения Изобильное, Совхоз Калинина, Богачевка, Воздвиженская, Ленинск, Переполовенка, Покровск, Бережновка, Верхне-Погромное, Мертвые Соли, возможно Новоиванковка и Павловка-Сулин. На более западных территориях гуннских курганов пока нет, если не считать таковыми аланские погребения гуннского времени в Бессарабии, на могильнике Кубей [124, p. 90; 50, с. 119].

Для шиповского горизонта известны и бескурганные ингумации, причем, в основном, в понтийском регионе: Дмитриевка-Вольная Вода (№ 1.6), Айвазовское (№ 2.4), Новопокровка (№ 2.3), Морской Чулек, погр. 1 и 2 (№ 3.1). Вне понтийского региона можно назвать находки в районе Ставрополя – Татарке (№ 4.4) и на Нижней Волге – Покровск-Восход (№ 5.2). В более раннее гуннское время грунтовые погребения хорошо представлены по всей степи [124, p. 97–98; 50, с. 115–116].

Ингумации совершены в простых грунтовых ямах, как это было широко распространено у кочевников и ранее, при этом погребенный помещался в деревянный гроб: Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4) (рис. 21,*14*). В ряде случаев в яме зафиксирована ступень: Ясырев-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2), Новопокровка (№ 2.3) (рис. 8,*1*), Каменный Амбар-5, курган 6 (с каменным закладом) (№ 6.2) (рис. 24,*23*). Имеются и погребения в ямах с подбоями: Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) (рис. 16,*1*), Нейзац, погр. 114 (№ 2.1) (рис. 6,*1*), Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (с каменным закладом) (№ 4.3) (рис. 19,*1*). Погребения с подбоем известны и ранее, в гуннское время. Назовем в качестве примера находки в Сексард (Szekszárd) в западной Венгрии, в Переполовенке и в Покровске, курган 36 в Поволжье [124, p. 98; 50, с. 116]

Костяки в погребениях обычно находились в вытянутом положении, на спине, реже на боку (Каменный Амбар-5, курган 6) (рис. 24,*23*). В ориентировке погребенных наблюдаются три вектора: 1 – северо-восточный и северо-северо-восточный:

[4] Более широкую дату для вещей из этого погребения не исключает и А. В. Комар [57, с. 103–104].

Новопокровка (рис. 8,*1*), Шипово, курганы 2 и 3, Царева, курган 66, погр. 2 (рис. 21,*14*), Каменный Амбар-5, курган 6 (рис. 24,*23*), Айвазовское, Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (рис. 19,*1*); 2 – северо-западный и западно-северо-западный: Нейзац, погр. 114 (рис. 6,*1*), Малаи, курган 1, погр. 12 (рис. 16,*1*), Владимирское, курган 4, погр. 2; 3 – западный: Ясырев-1, курган 2, погр. 1. Расположение погребенных в могилах головой на север, с отклонениями, типично и для погребений предшествующего гуннского времени: Антоновка, Ленинск, Беляус, Верхне-Погромное, Переполовенка, Покровск, курган 36 [124, p. 98; 50, с. 116].

Погребенных часто сопровождали кости животных. Так, останки коня отмечены в Дмитриевке-Вольная Вода (№ 1.6), Лисьих Могилах (№ 1.3), Нейзаце, погр. 114 (№ 2.1), Малаях, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) (рис. 16,*1*), Ясыреве-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2). В Татарке найдены конские зубы (№ 4.4), а в Цареве, курган 66, погр. 2 – кости конечностей и череп лошади, что указывает на захоронение здесь шкуры (чучела) животного (№ 5.4) (рис. 21,*14*). Помещение шкуры коня в могилу связывают с тюркскими погребальными традициями [72, с. 63–67]. Показательно, что кости конечностей и череп барана также найдены в Ясыреве-1, курган 2, погр. 1 (№ 3.2) и в Шипово, курган 3 (№ 6.1), а череп и кости конечностей молодого верблюда – в Каменном Амбаре, курган 5, погр. 6 (№ 6.2). Наконец, в Шипово, курган 2 (№ 6.1) были обнаружены кости ягненка.

Особое внимание привлекает захоронение тринадцати жертвенных лошадей в Малаях (№ 4.2). Такие коллективные захоронения коней в Европе того времени встречаются редко. Можно назвать знаменитое погребение франкского короля Хильдерика в Турнэ (Tournai), одно из погребений в «княжеском» кургане в Журани (Žuráň) в Южной Моравии и один из склепов могильника Сиреневая Бухта в Восточном Крыму [53, с. 38–39; 132, p. 293–295].

Наличие в погребениях костей лошади повсеместно распространено и у кочевников предшествующего гуннского времени. Скелеты лошади отмечены в Солончанке на Южном Урале и в Зеленокумске в Предкавказье. В ряде погребений гуннского времени был засвидетельствован обычай помещения шкуры лошади, когда сохраняются лишь череп и кости конечностей животного. Это находки в Беляусе, погр. 1, Покровске, курган Е25 и Верхне-Погромном. Наконец, кости черепа и зубы лошади были зафиксированы в погребениях Алешки (находка 1902 г.), Старая Игрень, Павловка-Сулин, Совхоз Калинина, Воздвиженская (Здвиженское), а также в Страже (Stráže) в Словакии. Данные находки, возможно, свидетельствуют о более широком распространении обычая помещения шкуры лошади в могилу. Этот обычай также известен и у кочевников гуннского времени в Казахстане, назовем такие памятники как Канаттас или Кара-Агач. Наконец, лошадиные кости присутствуют в гуннских погребениях Будапешт-Зугло (Budapest-Zúgló), Алешки-Саги, Пролетарка, Мелитополь, Богачевка, Кызыл-Адыр, для которых мы не располагаем подробной информацией о характере костных лошадиных остатков. В Поволжье и в Приазовье кочевнические погребения гуннского времени содержат кости овцы/

козы или быка (Переполовенка, Ленинск, Верхне-Погромное, Мелитополь). К западу от Днепра эта погребальная традиция не прослежена [124, p. 99; 50, с. 116, там же библиография].

Погребальный инвентарь постгуннских степных захоронений содержит вещи личного убора, оружие, конское снаряжение, сосуды. Среди вещей личного убора легко выделяются «женские» – диадемы, бусы, ожерелья, гривны, серьги и височные подвески, перстни, находившиеся, как правило, на теле погребенной. Также, видимо, к «женским» следует отнести туалетные предметы, такие как металлические зеркала и пинцеты. «Мужские» погребения сопровождаются элементами ременной гарнитуры, поясной и обувной. Они также находились непосредственно на костяках. Оружие – мечи, луки со стрелами, копья, панцири и кольчуги – также, надо полагать, типично для мужских погребений. Оружие располагалось, там, где это удалось проследить, около погребенного. Конский убор, встреченный как в мужских, так и в женских могилах, представлен аппликациями ременной гарнитуры и удилами, реже металлическими деталями седел. Эти предметы помещались около погребенных. Наконец, в нескольких погребениях (№ 2.2, 2.4, 3.2, 4.3) встречены керамические сосуды, поставленные в головах погребенного, в одном случае стеклянный сосуд (№ 2.2) и в одном случае – металлические котлы (№ 4.2).

Поминальные комплексы

К числу поминальных комплексов принято относить объекты, где прослеживаются следы каких-то ритуальных действий, но не встречены человеческие кости [3; 109, p. 129–135]. Как правило, это кострища под курганными насыпями – Покровск, курганы 17 и 18, где обнаружены кости животных (баран, лошадь) и побывавшие в огне предметы (№ 5.1), подчас с каменными закладами, как в Новогригорьевке, комплекс 7 (№ 1.5). Известны поминальные объекты и без кострищ, как например Ливенцовский-7, курган 35, где выявлена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей (№ 3.4) (рис. 13). Наконец, следует учесть и находку во Владимирском, курган 4, погр. 2, где в ингумации найдены обожженные вещи, но нет следов костра (№ 5.3). Вероятно, поблизости от погребения находилось место сожжения, где совершались какие-то ритуальные действия.

Поминальные комплексы восходят к гуннскому времени. Назовем такие памятники как Новогригорьевка VIII, IX, Солончанка I, Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós), Левице (Levice), Паннонхалма (Pannonhalma), Макартет. В Нижнем Поволжье и на Урале это большие кострища на древней дневной поверхности или под курганной насыпью, содержащие фрагменты поврежденных огнем вещей, кости животных, в частности лошади и овцы/козы, частично обожженные, а также фрагменты керамики [124, p. 99–100; 50, с. 116, 118][5].

[5] Для гуннского времени известны надежно документированные погребения по обряду кремации, с пережженными человеческими костями (напр. Зеельман-Ровное, Новофилипповка). Трупосожжения появляются в восточноевропейской степи только с приходом гуннов. Несколько более ранние погребения по обряду кремации известны в урало-казахстанских степях [50, с. 118, там же библиография].

Антропологические данные

К сожалению, информация об антропологии населения постгуннского времени отрывочна. Черепа со следами искусственной деформации были найдены в Нейзаце, погр. 114 (№ 2.1), в Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), возможно, в Морском Чулеке, погр. 2 (№ 3.1), Покровске-Восход (№ 5.2), Каменном Амбаре-5, курган 6 (№ 6.2), Малаях, курган 1, погр. 12 (№ 4.2). При этом явные следы монголоидности замечены на черепе из Нейзаца, погр. 114 и из Каменного Амбара-5, курган 6.

В гуннское время у степняков также повсеместно зафиксирован обычай искусственной деформации черепа: Дрславице (Drsalvice), Дульчанка (Dulceanca), Герасень (Gherăseni), Дьёндьёшапати (Gyöngösapáti), Сексард (Szekszárd), Беляус, Мелитополь. Также для гуннского времени в кочевнических могилах засвидетельствовано присутствие индивидуумов с монголоидными антропологическими чертами: Дрславице, Герасень, Вена-Зиммеринг (Wien-Simmering), Дьёндьёшапати, Сексард, Будапешт-Зугло (Budapest-Zúgló), Беляус, Верхне-Погромное [124, p. 99; 50, с. 118].

Материальная культура

Как уже говорилось, степные погребения содержат предметы личного убора, конского снаряжения, вооружения и повседневной жизни. Такой же набор предметов найден и в поминальных комплексах. Разумеется, выбор предметов, попавших в эти комплексы, не случаен и поэтому лишь частично отражает материальную культуру кочевников постгуннского времени.

Конское снаряжение

Металлические накладки на седла. Они подразделяются на два типа. Это прежде всего пластины вытянуто-сегментовидной формы, типа 4а,б, по классификации И. П. Засецкой или типа 4 по И. Р. Ахмедову [28, с. 145; 8, с. 23–25] (рис. 24,*22*). Они известны как в степи, в Ольвии (№ 1.2) и Шипово, курган 3 (№ 6.1), так и у оседлых соседей на окраинах кочевого мира. Назовем такие находки как Бабичи в Среднем Поднепровье [46, рис. 9,1], Дюрсо [21, рис. 4,1,3,4] и Мокрая Балка [7, рис. 137,7] на Северном Кавказе, Уфа-улица Тукаева на Южном Урале [4, рис. 34,8,9]. Восточнее, на Мангышлаке, седло с такими накладками было найдено в ограде 15 Алтынказгана [6, рис. 11,6,7]. Эти накладки типичны для второй половины V – первой половины VI в., в чем убеждают, прежде всего, находки на уже упоминавшемся могильнике Дюрсо [37, с. 54–55]. Похожие по форме седельные накладки, с отделкой края декором в стиле перегородчатой инкрустации, известны и на Западе, где особое значение имеет находка в «вождеском» погребении 1782 франкского могильника Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep) на Рейне [113, Kat. V.4.8, Abb. 192–196]. Эта могила принадлежит к фазе II раннемеровингских древностей, то есть ко второй трети VI в., и датируется по аналогиям с «княжеским» захоронением мальчика в Кёльне [113, Kat. VI.2.2, Abb. 346–349]. Дата кёльнского погребения определяется, в свою очередь, по дендрохронологии в пределах от 527 по 547 гг. [142, p. 250][6].

[6] Конечно, кое-где подобные накладки существовали и позже, как показывает, например, находка в

Металлические накладки вытянуто-треугольной формы, типа Засецкая тип 1б – Ахмедов 5 [28, с. 143; 8, с. 25–26] были найдены в памятниках постгуннского времени в Ялпуге и во Владимирском, курган 4, погр. 2 (рис. 2,*14*; 23,*12*). Эта форма пока известна только в Восточной Европе и в Центральной Азии: в Галайты в Чечне, в Керчи [8, рис. 3], в Среднем Поволжье в могильнике Коминтерн, погр. 46, возможно, погр. 42 [36, рис. 30,8; 36,4][7], на Южном Урале в Слончанке I [62, рис. 25,13,14], и далее на восток, в Казахстане в Боровом [157, Taf. 51,12]. Одна из находок, Солончанка I на Южном Урале, принадлежит гуннскому времени, поскольку здесь найдены хронологически показательные пряжки [62, рис. 23,1–3], находки во Владимирском и в Ялпуге – постгуннские. Датировку этих накладок постгуннским временем подтверждают и находки в закрытых комплексах на периферии степи, в поволжском могильнике Коминтерн II и в Галайты в Чечне [см. подробно: 127; 47, с. 107]. В письменных источниках, кажется, удается найти упоминание седел с металлическими накладками. Так, аварские послы, прибывшие к Юстиниану, получили от него, в числе подарков, седла. Скорее всего, речь идет о богато украшенных изделиях, которые называются в одном ряду с золотыми поясами [Иоанн Эфесский, Церковная история, кн. 6, гл. 24; цит. по: 76, с. 558].

Помимо металлических накладок, некоторые костяные узкие длинные пластины, вроде найденной в Малаях (рис. 18,*1*), по мнению ряда исследователей также представляют собой обкладки седел [64, с. 432], как и узкие металлические желобки, найденные в Покровске (рис. 22,*20*).

Накладки конской сбруи с декором в стиле перегородчатой инкрустации. Они найдены в Морском Чулеке (рис. 11,*1–10,20,21*) и в Ялпуге (рис. 2,*15*). Это круглые и пятиугольные накладки с декором в стиле перегородчатой инкрустации, явно средиземноморского, скорее всего, византийского происхождения [31, с. 60–75; 148]. Композиция, аналогичная узору на умбоновидной части круглых блях конских наборов из Морского Чулека и Ялпуга, украшает золотую бляшку из находки (курган 14?) 1886 г. близ с. Былым/Кудинетово на территории совр. Кабардино-Балкарии [92, с. 143, рис. 173; 4, рис. 39,5], возможно также принадлежавшую конскому убору. Встречены инкрустированные круглые бляхи и в кладе, найденном грабителями на территории совр. Глуховского района Сумской области, т. е. в зоне раннеславянской культуры Колочин [46, рис. 13,7]. Круглые бляхи очень хорошо датируются, прежде всего по дунайским аналогиям, таким как конский убор из погребения 2 гепидского предводителя в Апахиде (Apahida) (Трансильвания) второй половины V в. [47, с. 107–108]. Тождество стилистических, конструктивных и технологических особенностей наборов конской упряжи из Апахиды и Морского Чулека позволяет рассматривать их как продукцию одного центра производства. Б. Аррениус выделяет группу предметов со вставками, укрепленными на цементе, в том числе вещи из Апахиды, погр.

одном из курганов Чир-Юрта (Северный Дагестан) с монетой 582–602 гг. [4, рис. 41,10].

[7] Интересно отметить, что погребения содержали по степному обычаю кости ног и череп (т. е. шкуру) лошади (см. выше).

2 и могилы Хильдерика, которые она относит к продукции ювелирных мастерских Константинополя [103, p. 100–113]. Отметим, что, возможно, существовали и другие средиземноморские мастерские, в которых изготовлялись вещи с перегородчатой инкрустацией на «цементе», например, в Равенне или при везиготском дворе [129, p. 160]. Вероятно, что эти фалары входили в состав дипломатических подарков, полученных посольством оногур, сарагур и урогов в Константинополе в 463 г. [подробнее: 5, с. 62]. Показательно, что в том же погр. 2 обнаружены массивные золотые браслеты с расширенными концам с весовыми надписями, явно происходящие из императорских мастерских (см. ниже)[8].

«Восточная» конская гарнитура. Бляхи такой гарнитуры со вставками сердолика и стекла и зернью представлены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 11,*11–19*) и в Нейзаце (рис. 6,*8–33*). В Морском Чулеке это овальные бляхи на серебряной пластинчатой основе, с напаянными на нее золотыми деталями – гнездом из узкой полоски, ободками из зерни и припаянной лентой. В одной из бляшек сохранилась сердоликовая вставка. К тому же убору принадлежат семь бронзовых гвоздиков со шляпками, состоящими из серебряной пластины, покрытой сверху золотым листом с выпуклой вставкой сердолика или альмандинами в гнезде из напаянной золотой полоски. В погребении в Нейзаце найдены серебряные позолоченные бляхи двух типов – крупные овальные со стеклянными вставками и мелкие почковидные с пустыми гнездами для вставок. Они напоминают декоративные бляхи из «вождеских» находок степных кочевников Центральной Азии постгуннского времени в Шамси в Киргизии, Боровое в Восточном Казахстане, Аржан-Бугузун на Юго-Восточном Алтае. Упомянем и почкообразные накладки на ремень, обнаруженные в погр. 4 аланского могильника Мокрая Балка в Пятигорье (раскопки В. Б. Ковалевской), относящемся к шиповскому горизонту. В составе конского снаряжения почковидные инкрустированные бляхи найдены в Цебельде, под стенами крепости, вне контекста. Необходимо вспомнить и происходящую якобы из Керчи золотую почковидную пластину с гранатовой вставкой, с резным спиралевидным декором на камне. Спиралевидный декор типичен для украшений постгуннского времени в Центральной и Восточной Европе [98, с. 204, там же библиография].

Двучастные удила с кольчатыми окончаниями. Они встречены в ряде погребений и поминальнных комплексов: Нейзац (рис. 6,*5*), Покровск, курган 17 (рис. 22,*8*), Новогригорьевка (рис. 3,*7*), Царева (рис. 21,*26*), Шипово, курган 3 (рис. 24,*14*), Малаи (рис. 18,*20*), Владимирское (рис. 23,*9*). В эпоху Великого переселения народов этот тип удил очень распространен и встречается повсеместно. Насколько

[8] Впрочем, для дисковидных блях конского убора не исключены и сасанидские параллели. Так, округлые бляхи видны на ременных гарнитурах шахских коней на сасанидских блюдах [93, кат. № 3, 9, фото 8, 9, 19; 140, fig. 82, kat. 52, 61], в том числе на оголовьях [93, кат. № 17, фото 35; 140, fig. 94, kat. 50, 53, 54, 56]. Правда, пока сасанидские изделия с декором в стиле перегородчатой инкрустации известны недостаточно, а для конской сбруи на сегодняшний день предположительно идентифицированы только накладные диски без инкрустаций, с орнитоморфным штампованным декором [140, kat. 46, 47].

можно судить по имеющейся фотографии, в Ялпуге найдены кольчатые серебряные наконечники железных удил (рис. 2,*10*). Такие удила хорошо представлены уже в гуннское время, в частности у кочевников [26, с. 41].

Обоймы ремней конской узды. Такие обоймы вытянуто-миндалевидной формы из погр. 114 на могильнике Нейзац (рис. 6,*6,7*) имеют ряд параллелей в германских древностях раннемеровингского времени (середина V – первая половина VI в.). Назовем лангобардские удила из Вескень (Veszkény) в Венгрии, уже упоминавшееся погр. 2 в Апахиде, находку в Даллерупе (Dallerup) в Дании, аламанские удила в Альдингене (Aldingen), погр. 1969 г. и Плейдельсхайме (Pleidelsheim), а также тюрингские удила из погр. 9 в могильнике Деерсхайм (Deersheim) [98, с. 204–205, там же библиография].

Имеются и обоймы в виде пластин вытянуто-прямоугольной формы, в Ялпуге (рис. 2,*3*). Они восходят к образцам гуннского времени, хорошо представленным как у оседлого населения, например, в Керчи [многочисленные примеры: 25] или у восточных германцев Барбарикума, как в Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) или Качине [151, Abb. 124,1; 126,7,8], так и в степи [26, с. 41, табл. 1,11; 10,5,6; 11,10 и т. д.].

В-образные петли псалий. Они встречены в погребении 114 в Нейзаце (рис. 6,*6,7*). Подобные петли хорошо известны на удилах V–VI вв. Можно назвать такие памятники как Былым-Кудинетово на Северном Кавказе, Апахида, Деерсхайм, а также Кустул (Qustul) в Нубии, Сарды (Sardis) в Малой Азии, только что упомянутые Альдинген, погр. 1969 г., Плейдельсхайм и, наконец, Либенау (Liebenau) в Северной Германии [98, с. 205–206]. Не исключено, что В-образные петли имитируют роскошные зооморфные прототипы, вроде найденных в Ялпуге, в виде кошачьих хищников (рис. 2,*3*).

Костяные подпружные пряжки. У кочевников постгуннского времени эти пряжки известны по находке в Айвазовском (рис. 8,*14*). У кочевников они известны с гуннского времени (например, в Беляусе), встречаются они и у оседлых варваров, например, у славян, волжских финнов, а также в византийской крепости Ильичевка, на Тамани [41, с. 69, там же библиография].

Металлические подпружные пряжки с двойной рамкой. Они представлены в Ялпуге (рис. 2,*5*). Эти пряжки также распространены у степных кочевников уже в гуннское время, а также у оседлых варваров от Среднего Дуная до Северного Кавказа [см. подробнее: 41, с. 69].

Ременные накладки с имитацией полихромии. Вытянутые прямоугольные с тисненым орнаментом, имитирующим вставки камней и ободки из зерни, могли принадлежать как конскому снаряжению, так и костюму. Они встречены в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,*1–21*), в Шипово, курган 3 (рис. 24,*18*), в погребении Покровск-Восход (рис. 21,*12*). Эти накладки, несомненно, восходят к многочисленным прототипам гуннского времени [о них см.: 26, с. 42–44]. Надо упомянуть и накладные пластины из уже упоминавшегося франкского вождеского по-

гребения Крефельд-Геллеп 1782 [142, fig. 15,2–10], по мнению Б. Аррениус имеющие византийское происхождение[9].

Металлические сбруйные накладки с «дерюжным» декором. Этот орнамент, по мнению А. К. Амброза, является одним из главных индикаторов шиповского горизонта [многочисленные примеры: 4]. У таких предметов практически вся поверхность закрыта тисненым декором, действительно напоминающим дерюгу. Эти накладки представлены в Покровске, курган 17 (рис. 22,*7*), Новогригорьевке, комплекс 7 (рис. 3,*9,10*), Владимирском, курган 4 (рис. 23,*7,8*), Шипово, курган 3 (рис. 24,*5*), то есть, за исключением Новогригорьевки, исключительно к востоку от Волги и, возможно, представляют собой этнографическую особенность группы кочевников, проживавших на той территории. Появляется он и у живших с ними по соседству оседлых варваров, например, в Приуралье в Бирском могильнике [4, рис. 22,17; 34,15,25]. Еще восточнее дерюжный декор встречен на Мангышлаке, в Алтынказгане, вместе с пряжками предгеральдического времени, скорее всего, раннего VI в. (см. ниже) [6, рис. 13,13][10].

Аппликации с антропоморфными изображениями. Эти пластины из металлического листа, где тиснением изображены человеческие личины, являются хронологически показательными для степных постгуннских древностей. Они, как и пластины с дерюжным орнаментом, встречены, в первую очередь, в степных находках Заволжья: Покровск, курганы 17 и 18 (рис. 22,*5,16*), Покровск-Восход (рис. 21,*9*), Владимирское, курган 4 (рис. 23,*11*) и опять в приднепровском комплексе Новогригорьевка-7 (рис. 3,*3,4*). Отмечены они и в Алтынказгане [6, рис. 13,10], а также на Северном Кавказе в Верхней Рутхе [4, рис. 30,1]. По мнению К. фон Карнап-Борнхайм, эти личины представляют собой западное заимствование [156], что подтверждается находками подобных изображений на позднеримских и германских памятниках. Их сходство действительно бросается в глаза, остается однако непонятным, почему эти изображения у кочевников концентрируются прежде всего в Заволжье, т. е. в регионе, очень удаленном от границ римско-германского мира.

Тройники-соединители ремней в виде кольца с тремя округлыми обоймами. Они представлены в Ялпуге (рис. 2,*16*). В качестве параллелей можно назвать похожие тройники в аланских «княжеских» погребениях гуннского времени Брут-1 в Северной Осетии [17, рис. 8,1; 27,1–3].

Вооружение

Луки с костяными (роговыми) накладками. Это довольно многочисленная категория находок: Покровск, курганы 17 и 18 (рис. 22,*4,12–14*), Царева, курган 66, погр. 2 (рис. 21,*19,22*), Малаи, курган 1, погр. 12 (рис. 17,*11,12,14–16*). Их окончания имеют

[9] Эта гипотеза была ею высказана и обоснована в докладе на Саксонском симпозиуме в г. Кан в Нормандии в 1986 г. К сожалению, доклад остался неопубликованным.

[10] Возможно, реминисценции «дерюжного» стиля проявляются и на некоторых формочках для изготовления бляшек, обнаруженных в мастерской ювелира пражской культуры в Бернашевке на Днестре (поздний VI в.) [16, рис. 38, 39].

расширенные концы, что соответствует лукам «гунно-болгарского» типа [см.: 64, с. 432, там же библиография]. Хорошо известно, что до конца VI в. во всадническом снаряжении в Европе не было стремян, что затрудняло рукопашные схватки и придавало особую важность дистанционному бою с помощью стрелкового оружия. Поэтому тугой лук с костяными (роговыми) накладками становится основным оружием кочевников в начале средневековья [126, p. 194–196]. Степная конница предпочитала дистанционный стрелковый бой на расстоянии, необходимом для прицельной стрельбы из лука. При этом гунны, по сообщениям древних авторов, предпочитали атаковать противника первыми. Они вступали в бой в построении *cuneatim*, что, по мнению В. П. Никонорова, означает атаку в рассеянном формировании, с «лучшими», наиболее знатными воинами впереди [см. подробнее: 73][11].

Погребения эпохи переселения народов с костяными накладками на лук известны как у степных народов, так и у «оседлых» варваров [102, Karte 5, Fundliste 4]. Скорее всего, у оседлых варваров обычай помещения луков в захоронение появился под влиянием степных традиций. Что же касается луков у кочевников, то в погребальных обрядах они наверняка выполняли роль социального маркера [118; 136][12].

Стрелы. Они встречены в целом ряде погребений и поминальных комплексов: Ливенцовский (№ 3.4), Новогригорьевка (№ 1.5), Покровск, курган 17 (№ 5.1), Шипово, курганы 2 и 3 (№ 6.1), Царева (№ 5.4), Владимирское (№ 5.3). Для стрельбы кочевники чаще всего использовали стрелы с довольно крупным трехлопастным наконечником, обычно ромбической формы (рис. 3,*2*; 14,*59–65*; 21,*25*; 22,*2,3*; 23,*1–6*; 24,*13*). Они наносили противнику и, что немаловажно, его коням, большие открытые раны с обильным кровотечением. Трехлопастные, степные по происхождению, стрелы очень быстро распространяются в Европе и, начиная с V в., известны у самых различных народов на огромной территории от Галлии до лесной зоны современной России [124, p. 102].

В типах стрел проявляется восточное влияние. Как показала И. П. Засецкая [26, с. 39], центрально-азиатскими по происхождению являются «ярусные» трехлопастные стрелы, вроде найденных в Ливенцовском поминальном комплексе (курган 35 Ливенцовского могильника VII) на Нижнем Дону (рис. 14,*61*).

[11] Такой бой представляет Велизарий в «мастер-классе» для своего штаба, на примере столкновения гунно-анто-склавинского корпуса Мартина и Валериана с готами у стен Рима: «...почти все римляне и их союзники гунны являются хорошими стрелками из луков верхом, а из готов с этим делом никто не знаком, но их всадники привыкли пользоваться только дротиками и мечами; их же стрелки сражаются пешими и вступают в бой, прикрытые рядами тяжеловооруженных воинов. Поэтому их всадники, если идет не рукопашный бой, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луками, легко ими поражаемые [стрелами], гибнут, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников. Вследствие этого, утверждал Велизарий, варвары в этих столкновениях побеждаются римлянами» [80, I.27.25–29].

[12] Император Маркиан в ночь смерти Аттилы видел сон, в котором фигурировал сломанный лук этого великого гуннского вождя [34, с. 255], что явно указывает на символическую роль лука у гуннов.

Другие типы стрел представлены единичными находками: трехгранная черешковая стрела из Ливенцовского (рис. 14,*62*), черешковая стрела с широким ромбическим пером из Покровска, курган 18 (рис. 22,*15*).

Мечи. Они представляют собой длинные спаты, около 90–100 см, хорошо известные в степи уже в предшествующее время [26, с. 23–33]. Это находки в Новогригорьевке (рис. 3,*1*), Чикаренко (рис. 5,*14*), Покровске-Восход (рис. 21,*1,2*), Ялпуге (гарда) (рис. 2,*4*), Малаях (рис. 17,*1–5*), Дмитриевке (рис. 3,*11*). Судя по находкам из Покровск-Восход и Шипово, мечи имели черенок рукояти в виде штыря, с резким переходом от рукояти к лезвию. Меч из Покровска-Восход имеет очень узкое острие, предназначенное для нанесения колющих ударов, острия мечей в Дмитриевке, Шипово, Чикаренко более скругленные.

Четыре меча имеют инкрустированные гарды: Покровск-Восход, Ялпуг, Дмитриевка, Малаи. Эти мечи, скорее всего, византийского производства. По декоративным особенностям на гардах принадлежат разным группам. Меч из Дмитриевки принадлежит типу 3, находка в Покровске-Восход – типу 5, из Ялпуга и Малаев – скорее типу 1, хотя и несколько отличаются от него. Мечи с инкрустированной гардой суммарно датируются V – первой половиной VI в., их большая часть была найдена в понто-кавказском регионе [подробнее см.: 38].

Мечи из Дмитриевки и Малаев имеют характерную для эпохи переселения народов бусину-подвеску (рис. 3,*11*; 17,*5*) [о них см.: 157, S. 26-37; 102, S. 99–114]. Их часто считают «магическими», хотя предложены и более прозаические интерпретации – это могут быть подвески темляка [см. напр.: 117, p. 43–45] или элементы фиксации портупейных ремней [11, с. 177–178]. Меч из Покровска-Восход имеет нефритовую портупейную скобу китайского происхождения или, что вероятнее, их дериват, подражающий китайским образцам [94, с. 173–175] и, по-видимому, ранее принадлежавший какому-то мечу II–III вв. [26, с. 32].

Вытянутая инкрустированная пластина подтреугольной в сечении формы с зооморфным изображением на конце из Ялпуга (рис. 2,*8*), тоже может быть интерпретирована как портупейная скоба меча, хотя я и не могу назвать надежных аналогий. Отмечу лишь, что зооморфные изображения известны на концах портупейных скоб, например, у меча из «вождеского» погребения в Альтлюссхейме (Altlussheim) [157, Taf. 2,2; 3,3].

Р-образные портупейные скобы были обнаружены на мече в погребении в Малаях (рис. 17,*3*), а также в поминальном комплексе Ливенцовский VII, курган 35 (рис. 14,*48*). Подобные скобы хорошо известны в широкой зоне в период распространения «геральдических» поясов, т. е. во второй половине VI – VII вв. Р-образные скобы ножен меча имеют, скорее всего, азиатское происхождение, поскольку самые ранние находки этого оружия связаны с Востоком. Это кинжалы в Боровом в Казахстане, в Керим-ло, погр. 14 в Южной Корее, а также находки в Китае в погребениях знати [159; 27; 133; 134; 104]. Японские исследователи датировали могилу 14 Керим-ло временем не ранее середины VI в. [104, p. 74]. И. П. Засецкая высказала

предположение, что кинжал из Борового, возможно, несколько древнее корейского и отнесла оба предмета к первой половине VI в. [159, p. 439; 27, с. 106–107]. Также первой половиной VI в. н. э. датирует кинжалы типа Боровое–Керим-ло А. Кох [134, S. 419]. Ранняя датировка находки в Боровом может быть аргументирована параллелями в декоре кинжала и некоторых инкрустированных вещей из погребения в Шамси в Киргизии [55]. Это погребение подчас относят даже к более раннему времени – конец IV – первая половина V в. К несколько более позднему времени – 569/570 и 578 гг. – относятся Р-образные скобы из датированных погребений китайской знати [133, S. 592, Abb. 8]. Скорее всего, в степных древностях наиболее ранние мечи с Р-образной скобой маркируют конец шиповского горизонта, тем более, что в Ливенцовском и Малаях найдены и ранние элементы гарнитуры геральдического стиля.

Ножны меча из Малаев имели металлическую цилиндрическую бутероль, вроде тех, что появляются в гуннское время [64, с. 433].

Как полагает И. П. Засецкая, в погр. 17 у г. Покровска был найден однолезвийный меч, т. е. палаш [26, с. 33], однако по сохранившейся части (два обломка общей длиной около 20 см) (рис. 22,*1*) сложно судить о характере этого оружия, она может принадлежать как палашу, так и боевому ножу (скрамасаксу).

«Боевые» ножи. Речь идет об оружии с однолезвийным (в отличие от двулезвийных кинжалов) коротким клинком, зафиксированном один раз, в кургане 3 у ст. Шипово (рис. 24,*9*). Он имеет длину 26 см и помещался в деревянных ножнах, украшенных серебряными пластинами, обтянутыми золотой фольгой, с чешуйчатым орнаментом. Его параллели встречены на Северном Кавказе в погребениях постгуннского времени [подробнее см.: 26, с. 34–35]. Кроме того, в Ливенцовке была найдена железная U-образная бутероль ножен (рис. 14,*45*), принадлежавших клинковому оружию небольших размеров – ножу или кинжалу [12, с. 36].

Копья. В степных погребениях постгуннского времени копья встречены два раза, в погребении Покровск-Восход (рис. 21,*3*) и в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,*66*). Они оба имеют втянутое перо ромбической формы с наибольшим расширением у основания и широкую втулку, в Ливенцове она имеет гранение. Малое количество копий подтверждает мнение И. П. Засецкой о том, что этот вид оружия не был широко распространен среди кочевников эпохи Великого переселения народов [26, с. 35].

Пластинчатые панцири. Они были обнаружены в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,*22–34*) и в погребении в Малаях (рис. 17,*6–10*). Панцири представлены набором удлиненных прямоугольных пластин, иногда с волнистым краем, с перфорациями для крепления. В Малаях удалось проследить и конструкцию панциря, состоящего из отдельных набранных длинных полос, прикрывающих нижнюю часть спины и живот, а также коротких полос, защищавших верхнюю часть спины и плечи [64, с. 436]. Находки таких панцирей в постгуннское время единичны в восточноевропейском Барбарикуме, они чаще встречаются в несколько более позднее время [12, с. 33]. Такие панцири хорошо известны в средиземноморском

бассейне, на Балканском полуострове и в Западной Европе, вплоть до иберийского полуострова [141, S. 125–133; 158, S. 12–13; 110; 107, p. 211–212; 154]. Известны они и на Боспоре Киммерийском (т. н. гробница Кулаковского 1891 г.) [61].

Кроме того, надо упомянуть остатки ***кольчуги***, найденные в погребении Покровск-Восход (№ 5.2). Они не сохранились, поэтому судить о характере кольчуги сложно.

Украшения и элементы костюма

Округлые, овальные, В-образные и прямоугольные пряжки без щитка. Такие пряжки встречены в ряде погребений: Ялпуг (рис. 2,*12,13*), Нейзац, погр. 114 (рис. 6,*2-4*, 7,*11*), Каменный Амбар-5, погр. 6 (рис. 24,*24*), Царева, курган 66, погр. 2 (рис. 21,*16*), Ливенцовский (рис. 14,*44*), Татарка (рис. 19,*13*). Иногда сохранился язычок, сужающийся к окончанию и загнутый вниз. В целом, такие пряжки типичны для эпохи переселения народов и встречаются на очень широкой территории.

Малые пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком. Они были найдены в погребениях Покровск-Восход (рис. 21,*7,8*) и Шипово, курган 2 (рис. 23,*17*). Они восходят к малым пряжкам гуннского времени, с прямоугольным щитком и хоботковидным, т. е. загнутым вниз, язычком [см. многочисленные примеры: 26; 151].

Пряжки с костяной рамкой. Одна пряжка с овальной костяной пряжкой, овальным щитком неправильной формы и плоским язычком была обнаружена в Цареве, курган 66, погр. 2 (рис. 21,*15*). Костяные и роговые кольца от пряжек хорошо известны в центральноевропейских древностях позднего V и раннего VI в. Д. Кваст перечисляет находки в таких могильниках, как Альтенердинг (Altenerding), Сентеш-Кёкеньзуг (Szentes-Kökényzug), Апахида, Сингидунум (Singidunum) – Роспи Чуприя, Сирмиум (Sirmium) и др. [147, S. 435, Fundliste 1]. На Северном Кавказе в интересующее нас время костяная пряжка представлена в одном из погребений Пашковского могильника на Нижней Кубани [70, с. 15].

Цельнолитые пряжки с прямоугольной рамкой. Одна такая пряжка была найдена в разрушенном погребении Татарка-балка Каряжка (рис. 19,*12*). Она имеет прямоугольную рамку и вытянутый щиток, завершающийся двумя волютами. Эта пряжка более всего напоминает так называемые средиземноморские пряжки, распространенные в меровингском ареале к северу от Альп [115]. Их оптимальная дата – 520/530 – 600/610 гг. [137, No. 161].

Пряжки и ременные наконечники с декором в стиле перегородчатой инкрустации. Эти гарнитуры и их элементы были обнаружены в курганном погребении Чикаренко (рис. 5,*7–11*), а также в Ялпуге (рис. 2,*1,6,7*), в Ольвии (рис. 4,*11*), в Хасав-Юрте (рис. 20,*8*), Покровске-Восход (рис. 21,*11*). Крымские находки, как уже неоднократно отмечалось, имеют параллели в западном «княжеском» уборе 450–480-х гг., например, в знаменитом погребении франкского короля Хильдерика [100, p. 209; 31, с. 110; ср.: 143, Abb. 121] или же в погребении варварского предводителя в Блучине (Blučina) в Южной Моравии [139, No. 33,11]. Скорее всего, речь идет о продукции византийских мастерских [о них см. выше: 103].

Пряжки и наконечники ремня из Ялпуга принадлежат той же традиции. Одна из них, с кабошоном на щитке (рис. 2,*6*), может быть отнесена к числу средиземноморских [122, p. 157–158, fig. 14,10; 18,1], прямые параллели для второй (рис. 2,*1*) мне неизвестны, однако форма вставок и наличие резных камней [ср.: 103, fig. 40,145] свидетельствуют о ее средиземноморском происхождении. Инкрустированный наконечник из Ялпуга (рис. 2,*7*) несколько напоминает наконечник обувной гарнитуры из Блучины [139, No. 33,11].

Пряжка из Ольвии с овальными рамкой и щитком (рис. 4,*11*) типична для мужских «вождеских» могил, таких как уже упоминавшиеся погребения в Турнэ и в Апахиде. Изредка пряжки с овальными щитком и рамкой встречаются и в богатых женских захоронениях [см. напр.: 106, pl. XIV]. Пряжки, подобные найденной в Ольвии, имеют византийское или шире – средиземноморское происхождение [см. подробнее: 103; 131; 99]. Наконец, в кургане Хасав-Юрта (рис. 20,*8*) также фигурирует инкрустированный щиток пряжки средиземноморской / ранневизантийской традиции [122, p. 153, fig. 24,1].

Пряжки «шиповского» типа. Они цельнолитые, с прямоугольным щитком и овальной пряжкой. Их также можно считать характерными для постгуннского периода. Такие пряжки встречены в Шипово, погр. 2 и 3 (рис. 23,*22*; 24,*4*), Каменном Амбаре-5 (рис. 24,*25*) и в Тугулуке-3 (рис. 19,*4*). Эти пряжки широко распространены в степной зоне, от Аральского моря до Кавказа [напр.: 4, рис. 34,3–6,11,12; 66, с. 60–61; 51, с. 99].

В-образные пряжки с подвижным щитком. Такие пряжки обнаружены в Морском Чулеке, погр. 1 (рис. 9,*7*) и в Ливенцовке (рис. 14,*49,58*). Они имеют овальную рамку, полую в Ливенцовском, вытянуто-овальный щиток, с заострением на окончании и загнутый вниз язычок. Скорее всего, они являются непосредственными прототипами для более поздних В-образных пряжек геральдического стиля [12, с. 35–36].

Ременные гарнитуры геральдического стиля. Они представлены в Малаях (рис. 18,*4–19*) и в Ливенцовке (рис. 14,*43,52–57*). Это наконечники ремней, накладки и малые пряжки. В Ливенцовке они гладкие, а в Малаях имеют прорезной декор. Так называемые геральдические наборы в восточноевропейских степях хорошо известны и составляют основной определяющий элемент горизонта Суханово-Сивашевка (см. выше), датированного серединой VI – VII в. По формальным признакам надо было бы оба набора отнести к ранней фазе горизонта геральдических поясов [12, с. 36–37; 64, с. 436], что подтверждает и находка в обоих случаях Р-образных портупейных скоб. Однако выразительный набор вещей шиповского горизонта в Ливенцовке и в Малаях заставляет поместить эти памятники в рубежную эпоху между постгуннским и геральдическим горизонтами, т. е. в эпоху Юстиниана, когда многочастные пояса широко распространяются как в Византии, так и у варваров [подробнее см.: 123, p. 41].

Диадема (рис. 23,1*4*). Она была обнаружена в Шипово, курган 2. Диадема бронзовая, трехчастная, покрыта золотым листком со вставками из синего стекла [26, с.

54–56]. Она принадлежит группе Ковриг 2а, немногочисленной (4 экз.), но распространенной в гуннское время на широкой территории, от Северного Причерноморья до Южного Урала [135, S. 125–126]. Центральный декоративный элемент шиповской диадемы – композиция с двумя птичьими головами – имеет параллели в Керчи, где подобная диадема была найдена в одном из погребений на горе Митридат [подробнее: 49, там же библиография]

Пекторальные цепи с медальонами-подвесками. Эти цепи представлены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 10,*3*), Михаэльсфельде (рис. 15,*1–3*) и в кладе в Ольвии (рис. 4,*1*). К золотой плетеной цепи с замком подвешены центральный медальон овальной формы и подвески (Михаэльсфельд). Дата этих пекторальных украшений устанавливается по некоторым конструктивным элементам. Так, цепи из Морского Чулека и Ольвии имеют в своем составе муфты с декором в стиле перегородчатой инкрустации, типичные для второй половины V в. [31, с. 37]. Цепь из Михаэльсфельда датируется по вмонтированному в нее солиду Юстина и Юстиниана 526–527 гг. Вне всякого сомнения, речь идет об имитации престижного ранневизантийского костюма, для которого типичны колье с круглыми или овальными бляхами [ср. напр.: 153, S. 90–93, Abb. 11; 116, S. 44]. Византийские ювелирные традиции проявляются, в частности, в способе плетения цепей, в характере их замков, а также в крестообразном штампованном декоре на реверсе медальонов-подвесок [см. детально: 31, с. 28–33; 30, с. 126–128, 133–137, 141–142]. Возможно, к числу пекторальных относятся и плетеные золотые цепи без подвесок из погр. 1 в Морском Чулеке (рис. 9,*4*) и из разрушенной могилы Покровск-Восход (рис. 21,*13*), но доказать это невозможно.

Волютовидные подвески от ожерелья. Они были найдены в кургане 3 в Шипово (рис. 24,*17*). В качестве параллелей можно назвать вещи, происходящие с Тамани и, якобы, из Майкопа [111, № 44, 51, 52]. В одном из ожерелий Майкопа такие волютообразные подвески соседствуют с подвесками в виде мухи, последние же известны по итальянскому кладу в Реджио-Эмилия (Reggio-Emilia) [108, Taf. 32,3,4]. Дата вещей из этого клада сейчас определяется в рамках последней трети V – середины VI в. [105].

Золотые подвески в форме сердечка. Такие украшения, представляющие собой коробочки с зернью и декором в стиле перегородчатой инкрустации, найдены в погр. 2 Морского Чулека (рис. 10,*1,2*). Хотя по технике изготовления эти подвески очень напоминают византийские украшения, все же наиболее близкими по форме и декору являются серьги-подвески из женских погребений джатыасарской культуры в Восточном Приаралье, на могильнике Алтын-Асар [63, с. 42–43, 74–75, рис. 163,24,25,27; 170]. Погребение в кургане 389 могильника Алтын-Асар 4, где найдены подобные подвески, датируется достаточно широко, в пределах IV–VI вв. на основании керамики, типичной для этапа Джатыасар II [63, с. 14, 43].

Гривны с окончаниями в виде головы дракона. Её фрагмент представлен в Татарке (рис. 19,*15*). К. М. Скалон и И. П. Засецкая показали, что найденный здесь наконечник гривны в виде головы дракона имеет наиболее близкие параллели в

погребении Кара-Агач из Центрального Казахстана [88; 26, с. 66–67], что, скорее всего, указывает на центрально-азиатское происхождение этой категории украшений. Обычно эту находку относят к гуннскому времени, однако найденная там же пряжка скорее датируется 520/530–600/610 гг. (см. выше). Если вещи из Татарки составляют единый комплекс, в чем нет уверенности, то тогда у нас есть основания отнести гривну с наконечником в виде головы дракона к постгуннскому времени.

Витые гривны. Скрученная из трех проволок бронзовая обтянутая золотым листом гривна была обнаружена в погр. 2 в Шипово (рис. 23,*21*). Этот тип гривен хорошо известен в эпоху переселения народов, как в «княжеских» находках, так и в рядовых погребениях [26, с. 77; 9, с. 169; 66, с. 76; 70, с. 19; 97, с. 122–126]. К сожалению, шиповская гривна сохранилась не полностью, один её конец имеет завершение в виде конуса, второй конец обломан. Поэтому сложно говорить о форме замка, а именно последняя деталь могла бы указать на наиболее близкие аналоги.

Круглые бляхи с инкрустацией в виде изолированных кабошонов. Они встречены в Новопокровке (рис. 8,*8*) и Татарке (рис. 19,*6*). Подобные бляхи известны и у варваров Северного Кавказа и Крыма, скорее всего, они имитировали круглые пекторальные броши средиземноморского происхождения. Впрочем, когда речь идет о находках, где контекст неизвестен, как например в Татарке, вполне возможно, что подобные бляхи могли быть аппликациями, например, на конской сбруе [66, с. 35–36].

Золотые браслеты с расширенными концами. Такие браслеты найдены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 10,*9,10*) и в Ольвии (рис. 4,*9,10*). Браслеты из Морского Чулека представляют собой массивные изделия, тогда как экземпляры из Ольвии сделаны из более тонкого стержня. В Европе эти браслеты появляются в I в. н. э. в результате какого-то импульса из Азии [130, p. 23, fig. 9,1–3]. В V – первой половине VI в. такие «королевские» браслеты хорошо представлены в мужских погребениях варварской аристократии, в частности в уже упоминавшихся могилах франкского короля Хильдерика в Турнэ и гепидского нобиля в Апахиде, а также герульского (?) вождя в Блучине в Южной Моравии [15]. Встречаются они и в женских привилегированных могилах, например, в погребении гуннского времени в Регёй (Regöly) на территории римской Панонии, в могиле франкской принцессы первой половины VI в. в соборе Св. Северина в Кёльне, или в гепидском погребении второй половины – конца V в. в Берегово в Закарпатье [31, с. 48–60]. Отметим, что в вышеперечисленных мужских «княжеских» погребениях золотые браслеты с расширенными концами всегда являются одиночными, в то время как в Ольвии и Морском Чулеке браслеты парные. Происхождение чулекских браслетов легко определяется благодаря латинским весовым надписям – они произведены в Константинополе и были подарены варварским вождям. Важно также подчеркнуть, что такие браслеты известны и на территории Византии [130, p. 23, fig. 9,4][13].

[13] Насколько мне известно, присутствие весовой надписи на браслетах этого типа отмечалось только один раз. Речь идет об обломке браслета из датского клада Болтинггард Сков (Bolttingård Skov), най-

Браслеты из круглого в сечении стрежня без декора. Они найдены в Шипово, курган 3 (рис. 24,*10*), Нейзац, погр. 114 (рис. 7,*7,8*), Ясырев, курган 2, погр. 1 (рис. 12,*5,6*). Такие браслеты имеют очень широкие временные и территориальные рамки.

Браслеты из круглого в сечении стрежня с уплощенными концами. Один такой браслет был обнаружен в погр. 114 могильника Нейзац (рис. 7,*9*). В позднеримское время подобные браслеты найдены в предгорном Крыму (могильник Курское). В целом, в эпоху переселения народов такие браслеты распространяются довольно широко, они известны, в частности, на Северном Кавказе, в Абхазии, в Египте, Малой Азии [98, с. 204]. Иногда такие браслеты имеют уплощенные окончания в виде змеиных головок, как в Шипово, курган 3 (рис. 24,*11*). Браслеты с подобным декором широко распространены в Европе в римское время и в эпоху переселения народов, в частности у оседлых восточноевропейских варваров, у кочевников же они встречаются редко [69, с. 205–206].

Плоские ленточные браслеты. Эти браслеты найдены в погр. 1 в Морском Чулеке (рис. 9,*8,9*). Они из золота и украшены вставками камней в прямоугольных гнездах. Аналогии данным браслетам мне не известны.

Колты калачевидной формы, украшенные декором в стиле перегородчатой инкрустации и зернью. Эти подвески, видимо, также продукт ранневизантийских мастерских, найдены в погребениях в Михаэльсфельде (рис. 15,*4*), в Новопокровке (рис. 8,*10,11*), а также в виде отдельной находки в окрестностях Таганрога (рис. 5,*3*). Для датировок этих украшений показательны находки в Михаэльсфельде с монетой 526–527 гг. На близкую дату указывают и некоторые элементы орнамента подвесок, в частности – кружок с вихревой линией и петлеобразная «лента», отмеченные на кинжале из Керим-ло в Южной Корее (см. выше) [47, с. 109]. В Новопокровке, где встречены подобные колты, нет ни одной вещи, узкая дата которой относилась бы ко времени после середины VI в. Также к постгуннскому времени относятся типологически близкие колты из Керчи и Муравки (бывш. Симбирская губерния) [24, с. 96, № 130–131], но они связаны с иной, не кочевнической средой. Похожие серьги, типологически представляющие собой развитие данного типа, существуют и позднее. Так, погребение из Уфы [31, рис. 2,6], с поздней деградированной подвеской, сопровождалось ременной гарнитурой геральдического стиля, и поэтому оно должно быть отнесено к более позднему горизонту степных древностей. Также к более позднему времени, если судить по типологии, относятся и серьги из клада Кайбелы (бывшая Самарская губерния), возможно, принадлежавшего населению именьковской культуры [92, с. 144, рис. 174; 14, рис. 3,6]. В целом, интересующие нас колты существовали довольно долго – с V по VI–VII вв., и при этом они прошли значительную эволюцию [см. подобнее: 31, с. 12–28, там же библиография].

Калачевидные серьги с зерненым декором и без него. Они обнаружены в погребениях Морской Чулек, погр. 1 (рис. 9,*1,2*), Нейзац, погр. 114 (рис. 7,*4*), Лисьи мо-

денного на острове Фюн и содержавшего золотые монеты 335–336 гг. [120, fig. 7,13].

гилы (рис. 5,*2*), а также в ст. Верхне-Курмоярской на Дону (случайная находка) (рис. 5,*1*). За пределами Северного Причерноморья они крайне редки. Поздние дериваты этих серег найдены в раннеаварском могильнике Фелдьё (Felgyő), в погр. 6, которое венгерские коллеги датируют приблизительно 625–650 гг. Калачевидные серьги никогда не встречаются в памятниках гуннской эпохи. Поэтому можно предположить, что они появляются только в постгуннское время и получают дальнейшее развитие в ювелирных изделиях VI–VII вв. [31, с. 12–14; 47, с. 109–110, там же библиография].

Малые калачевидные серьги без декора. Они встречены в Татарке (рис. 19,*14*), Покровске-Восход (рис. 21,*6*), Шипово, курган 2 (рис. 23,*15,16*). Эти серьги отличаются от предыдущих малыми размерами и техникой изготовления – они сделаны из округлого в сечении стерженька с заостренными концами. Такие серьги появляются в I в. в Южной Азии (Пакистан), а с III в. распространяются как на Ближнем Востоке, так и в понто-кавказском регионе. В эпоху переселения народов серьги этого типа распространены повсеместно, от Центральной Азии до Пиренейского полуострова [144, p. 105–111; 151, S. 220–224].

Полиэдрические серьги. Такие серьги, из проволочного кольца с полиэдрическим окончанием, известны в Нейзаце, погр. 114 (рис. 7,*2*), а также в Ольвийском кладе (рис. 4,*5,6*). Эти украшения появляются в конце IV – начале V в. в широкой зоне от Северного Кавказа до Среднего Дуная и получают широкое распространение от Приаралья до Португалии в V–VII вв., в первую очередь, у оседлого населения [см. напр.: 66, с. 72–74, там же библиография]. В целом, такие серьги для степняков не типичны, однако они есть в погребениях в Беляусе в Северо-Западном Крыму, скорее всего, принадлежавших кочевникам [20, с. 91, табл. 174,2,3].

Золотые серьги с луновидными и листовидными подвесками. Они происходят из Ольвийского клада (рис. 4,*2,3*). Эти серьги напоминают украшения из уже упоминавшегося клада Реджио-Эмилия и из Варны [108, Taf. 32,3; 33,7; 86,4]. Пара таких же серег найдена в склепе 40 могильника Джурга-Оба в Восточном Крыму [23, рис. 5,1,2]. На реверсе ольвийских сережек имеется штампованный декор, как и на медальоне из ольвийского колье, что, возможно, указывает на их производство в одной и той же мастерской.

Шарообразные серьги с цепочками-подвесками. Судя по схематическому рисунку А. А. Спицына, такие серьги были найдены при костях вместе с монетой Льва I в Малых Копанях (рис. 5,*6*). Похожие подвески найдены в Унтерзибенбрунне и в могильнике Брут-1, курган 7 [151, Abb. 170], а также из «княжеской» могилы 86 некрополя Заюково-2 в Кабардино-Балкарии [35, рис. 2].

Серьги с пирамидальной зерненой подвеской. Как и предыдущие, они известны только по наброску А. А. Спицына, тоже в Малых Копанях (рис. 5,*5*). Этот тип сережек средиземноморского происхождения хорошо известен по иконографическому материалу в средиземноморском бассейне уже в римское время [114, p. 152, No. 94, p. 236, No. 30; 112, p. 212–213, No. 209] и широко распространяется вплоть до раннего средневековья.

Серьги в виде проволочного кольца с зернью. Одна такая серьга с пирамидкой из четырех шариков зерни известна в погребении в Малаях (рис. 18,*21*). Они также имеют средиземноморское происхождение и существуют с античного времени. В Восточной Европе они известны у северокавказских алан, в могильнике Мокрая Балка [64, с. 437].

Золотые перстни с прямоугольными щитками, украшенными волютами и покрытыми перегородчатой инкрустацией. Такие перстни входят в состав Ольвийского клада (рис. 4,*7,8*). Они довольно хорошо известны на европейских памяниках постгуннского времени, например, в «княжеской» могиле Бакодпуста (Bakódpuszta) в междуречье Дуная и Тиссы, в кладе женских вещей в Клуж-Сомешень (Cluj-Someşeni) в Трансильвании, в гепидской могиле в Берегово, в аламанском погребении Лёррах (Lörrach) в Южной Германии, в погр. 4 могильника Фикарола (Ficarola) в Северной Италии, а также в Керчи, на Тамани и на Кубани [39, с. 41–42] и в тайнике в склепе 40 восточнокрымского могильника Джурга-Оба [23, рис. 5,3].

Золотые перстни с трехчастным щитком. Эти перстни встречены в Морском Чулеке, погр. 2 (рис. 10,*4–6*) и подробно изучены в публикации данного памятника. Такие перстни существовали долго, в Скандинавии найдены их римские прототипы III–IV вв. Помимо Морского Чулека такие перстни известны на Боспоре [напр.: 111, No. 76–78, Abb. 139–141], также в Суханово и Уфе, но две последние находки связаны уже с горизонтом геральдических поясов [31, с. 40–46; см. также: 47, с. 110].

Перстни с округлым инкрустированным щитком. В степных находках постгуннского времени они засвидетельствованы в Нейзаце (рис. 7,*3,5*) и Морском Чулеке, погр. 1 (рис. 9,*3,5,6*). Такие украшения, часто с камнем на круглом щитке, обрамленном зернью или ее имитацией, известны в ранневизантийских и северопонтийских позднеантичных памятниках, например, в Боспорском некрополе [31, с. 33, там же библиография].

Антропоморфные фаллические фигурки. Одна такая фигурка была найдена в детском погребении в Айвазовском (рис. 8,*12*). Эти фигурки неоднократно рассматривались [из последних работ: 74, там же список находок и библиография]. Они хорошо известны в Крыму и на Тамани, на Северном Кавказе, на Нижнем Дону, на Верхнем Дону, на Средней Волге [66, с. 82–83].

Бусы. Они найдены в нескольких погребениях: Новопокровка (рис. 8,*4–6*), Айвазовское (рис. 8,*13*), Татарка (рис. 19,*9–11*), Каменный-Амбар-5, погр. 6 (№ 6.2). В Новопокровке это янтарные мелкие бусы, в Татарке – крупные янтарные дисковидные, типичные для V–VII вв. [см. напр.: 69, с. 210; 70, с. 29, там же библиография], в Каменном Амбаре – мелкие стеклянные, эллипсоидной формы, в Айвазовском – реберчатая бусина из голубоватого глухого стекла (фаянса?) [о них см.: 70, с. 41].

Предметы повседневного обихода, туалетные принадлежности

Ножи. В комплексах кочевников постгуннского времени они встречены в Ливенцовском поминальном комплексе (рис. 14,*46*), в Новопокровке (рис. 8,*7*), Малаях

(рис. 18,*3*), Нейзаце (рис. 7,*12*), Тугулуке (рис. 19,*2*). Полностью сохранились ножи из Ливенцовки и из Малаев, их черенки располагаются по оси лезвия, само лезвие имеет слегка выгнутые спинку и режущий край. Нож из Новопокровки имеет волютообразное навершие рукояти, что не является хронологическим признаком VII–VIII вв., как это иногда утверждается, поскольку миниатюрная подвеска в виде такого ножа имеется на ожерелье из клада I гуннского времени в Шимлеул Силванией / Силадьшомйо (Șimleul Silvaniei / Szilágysomlyó) [см. подробнее: 47, с. 109].

Бронзовые зеркала с центральной петлей и концентрическими рельефными линиями. Они принадлежат типу Карповка-Анке 4 [157, S. 22–23; 102, S. 26–27]. Такие зеркала встречены в Михаэльсфельде (рис. 15,*5*) и в Новопокровке (рис. 8,*9*). Они также хорошо известны у оседлого населения V–VII вв. Северного Кавказа, Крыма, Тамани и Нижнего Дона. Реже они попадают на Верхний Дон, в Абхазию и единично в Западную Европу [31, с. 18–24; 66, с. 83–84; 67].

Бронзовые зеркала с длинной ручкой-штырем. В восточноевропейских степях представлены находками в кургане 3 могильника Шипово (рис. 24,*6*) и в погр. 2 кургана 1 могильника Ясырев I (рис. 12,*4*). Эти зеркала имеют среднеазиатское происхождение. Их многочисленные параллели особенно хорошо представлены в материалах культуры Джеты-Асар, с конца III–IV по VII–IX вв., принадлежавшей оседлому населению Восточного Приаралья. Здесь ряд погребальных находок свидетельствует о бытовании интересующих нас зеркал в эпоху, соответствующую гуннскому и постгуннскому времени. Пока не выделяется достоверных находок джетыасарских зеркал с ручкой в закрытых комплексах, которые можно надежно датировать более поздним временем, чем постгуннская эпоха, что и определяет верхнюю хронологическую дату бытования таких зеркал второй третью VI в. [подробнее: 68].

Пинцеты. Пинцет из согнутой пластины с расширенными концами был найден в погребении Новопокровка (рис. 8,*2*). Подобные пинцеты для эпохи переселения народов известны в Керчи, в северокавказском регионе (Пашковский могильник № 1, Клин-Яр-3, Дюрсо, Гудермес), на Нижнем Дону (Терны), на Верхнем Дону (Мухино). В целом, такого рода пинцеты широко распространены в Европе в V–VII вв. [66, с. 89; 69, с. 206–207; 70, с. 21].

Посуда

Лепные горшки. Они представлены в ряде погребений: Айвазовское (рис. 8,*15*), Ясырев (рис. 12,*7*), Тугулук (рис. 19,*5*), Чикаренко (рис. 5,*17*). Все эти сосуды более или менее однотипны. Они круглобокие, имеют плоское дно, наибольшее расширение в средней, реже в верхней части тулова, плавно изогнутый довольно высокий венчик. Поверхность неорнаментированная, грубо заглаженная, в керамической массе присутствуют добавки шамота и дресвы. Подобные горшки встречались и в степных находках более раннего, гуннского, времени [напр.: 26, табл. 29,21].

Кувшины. Этот тип сосудов найден в погребениях Ясырев (рис. 12,*8*) и Чикаренко (рис. 5,*16*). Они круговые, красногончарные, ангобированные, одноручные,

с широкой ручкой и округлым туловом, расширенным в средней части и с довольно высоким узким горлом. Кувшин из Чикаренко имеет декор в виде горизонтальных линий в верхней части тулова. Кувшины у степных кочевников известны и для предшествующего гуннского периода [26, табл. 29,17].

Амфоры. Одна амфора происходит из погребения Чикаренко (рис. 5,*15*). Найдены нижняя часть, фрагменты венчика и ручки из коричнево-красной глины, с примесью слюды в тесте. Подобные амфоры в Крыму отнесены ко времени от начала VI в. и позднее [2, с. 207, 209]. Подобная амфора происходит, в частности, из склепа 64 могильника Черная речка, где она была найдена вместе с пряжкой с растительным декором, остроготской группы Бирбрауер А2, датируемой последней третью V – началом VI в. [108, S. 130; 48, с. 17], что в целом не противоречит хронологии гарнитуры стиля клуазонне из Чикаренко.

Деревянные кружки. Одна высокая кружка происходит из кургана 3 в Шипово (рис. 24,*21*). Она цилиндрическая с одной ручкой и была прикреплена с помощью бронзового колечка к ремню [26, с. 189–190].

Стеклянные кувшины. В погребении Чикаренко найден кувшин из светло-зеленого стекла с округлым туловом, на поддоне, с довольно узким высоким горлом и рельефным орнаментом в виде горизонтальных линий (рис. 5,*18*). Он имеет аналоги в погр. 165.1904 г. в Керчи [2, с. 207], хотя и отличается по характеру декора [ср.: 29, табл. X,2]. Данный склеп содержал несколько погребений первой половины и середины V в. [25, с. 81–87].

Металлические котлы. Два котла обнаружены в Малаях. Один из них литой, гуннского типа (рис. 16,*3*), на ножке, с прямоугольными ручками, группы 2, варианта 2 по типологии И. П. Засецкой, наиболее близкой формой является котел из Осоки, бывшей Симбирской губернии [64, с. 431]. Второй котел кованый, с вертикальными рифлёными стенками и округлым дном (рис. 16,*2*), имеет параллели в степных древностях гуннского времени, а также в погребениях готов-тетракситов в Дюрсо и алан в Лермонтовской Скале-2 [64, с. 452]. Кроме Малаев, фрагменты бронзового листа от какого-то сосуда были найдены в Ливенцовке (рис. 14,*35–42*). Присутствие металлических котлов засвидетельствовано в степных погребениях и поминальных комплексах и в более раннее, гуннское, время [см. напр.: 26, табл. 7,10; 13,19; 22,17; 38–39; 48,1,2].

Внешние влияния на материальную культуру кочевников постгуннского времени

В степных «княжеских» комплексах постгуннского времени отчетливо прослеживается, прежде всего, средиземноморское / византийское влияние на культуру степных элит. Так, византийским по происхождению является женский аристократический убор, включающий пекторальные цепи с медальонами, височные подвески и серьги, браслеты, перстни, лучше всего представленный в Морском Чулеке, Михаэльсфельде, Ольвийском кладе и отдельными элементами в более скромных находках в Новопокровке и Нейзаце [30; 52]. Этот тип убора хорошо зафиксирован

в восточной половине Римской империи, например, на фаюмских портретах или в скульптуре Пальмиры. Ту же моду отражают многочисленные позднеримские-ранневизантийские украшения [в частности, упомянутые в: 30], а также всем известные мозаики, такие как знаменитое изображение императрицы Теодоры и её свиты в соборе Сан-Витале в Равенне. Престижные украшения из могил гунно-болгарской знати, как и их германские аналоги в Центральной Европе (например, Клуж-Сомешень), несомненно являются репликой той же константинопольской моды. В «воинской» культуре постгуннских степняков средиземноморские элементы ярко проявляются в распространении мечей с инкрустированной гардой (Покровск-Восход, Дмитриевка, Ялпуг, Малаи) и ременной гарнитуры стиля перегородчатой инкрустации (Чикаренко, Ялпуг, Хасав-Юрт, Ольвия).

Присутствие престижных и дорогих предметов византийского происхождения объясняется, скорее всего, политическими и военными связями степной постгуннской аристократии с Восточной Римской империей. Контакты Константинополя с болгарами, гуннами Грода, хунугурами, кутригурами и утигурами, а также с более отдаленными северокавказскими савирами хорошо известны. Вполне возможно, что дорогие византийские вещи попали к степнякам в виде дипломатических подарков, получаемых от византийского императора. При этом подарки получали и знатные женщины, такие как вдова гуннского вождя Бледы, брата Аттилы [Приск, фр. 8], или владетельница савир Боарикс [Иоанн Малала, XVIII]. В случае с Боарикс известно, что она получила от Юстиниана соответствующее ее рангу одеяние, видимо, сопровождавшееся инсигниями власти. Последнее предположение подтверждается известными свидетельствами о дарении таких инсигний царям вассальных народов [напр.: Агафий, III.15]. Гунны, как известно, находились на военной службе Империи, в частности, в армии Юстиниана, где они наверняка усвоили престижную «офицерскую» моду, которая и проявилась в погребальном инвентаре степных вождей. В VI в. в степях Восточной Европы появляются и христианские миссионеры, такие как Кардост (см. ниже), крестившие гуннских вождей, что немало способствовало распространению у степняков ранневизантийского культурного и политического влияния.

С другой стороны, в древностях постгуннского времени, как уже отмечалось, имеются и явные следы воздействия центрально-азиатской престижной культуры, что может быть связано, в первую очередь, с восточным происхождением ряда кочевых народов, таких как оногуры, сарагуры, уроги (угры), савиры. Напомню про уже рассмотренные находки гарнитур конской сбруи в Морском Чулеке и Нейзаце, имеющих параллели в богатых погребениях и поминальных комплексах на территории Казахстана, Киргизии и Южной Сибири (см. выше), «ярусных» трехлопастных стрел, Р-образных портупейных скоб, а также металлических зеркал с ручкой-штырем, гривен с окончаниями в виде головы дракона и подвесок в виде сердечка (см. выше).

Социальная градация кочевнических погребений постгуннского времени, центры власти

Уровень 1. Богатство инвентаря ряда рассмотренных комплексов, таких как Ялпуг (№ 1.1), Чикаренко (№ 2.2), Ольвийский клад (№ 1.2), Морской Чулек (№ 3.1), Михаэльсфельд (№ 4.1), Хасав-Юрт (№ 4.5), с обилием золотых и импортных вещей, свидетельствует о высоком социальном ранге их владельцев. Привлекает внимание и погребение в Малаях, где ингумация сопровождалась захоронением тринадцати принесенных в жертву лошадей (№ 4.2). Эти находки следует отнести к «княжеской» категории, или ***уровню 1а*** степных комплексов постгуннского времени.

Уровень 1б представлен мужскими погребениями с менее богатым инвентарем, но включающим престижное оружие, такое как «парадные» мечи с инкрустированными гардами. К их числу относятся погребения Покровск-Восход (№ 5.2), Дмитриевка (№ 1.6). Среди женских погребений к этой группе относятся захоронения с отдельными золотыми вещами – Татарка (№ 4.4), Новопокровка (№ 1.5), Лисьи Могилы (№ 1.3), Тугулук-3 (№ 4.3), Шипово, курган 3 (№ 6.1).

Число «богатых» погребений в постгуннских степях кажется непропорционально высоким по сравнению с более скромными погребениями последующих уровней – ни один нормальный социум не мог состоять в основном из богатых и значимых людей. Однако эта диспропорция объясняется очень просто, чем находка богаче, тем в ней больше хронологически определяемых вещей, позволяющих отнести памятник к той или иной эпохе.

Уровень 2. Сюда можно отнести все остальные погребения с предметами вооружения, конского снаряжения, а также с украшениями и предметами личного убора из недорогих цветных металлов, но зачастую покрытых золотой фольгой – «дешевая роскошь», по выражению С. А. Плетневой [77, с. 22]. Это Нейзац, погр. 114 (№ 2.1), Ясырев I, курган 2, погр. 1 (№ 3.2), Владимирское, курган 4, погр. 2 (№ 5.3), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4), Шипово, курган 2 (№ 6.1), Каменный Амбар-5, курган 6 (№ 6.2). Эти погребения можно охарактеризовать как принадлежащие «среднему классу» кочевых сообществ постгуннского времени.

Уровень 3. Сюда попадают захоронения с наиболее бедным инвентарем. Ввиду скудости инвентаря хронологическая идентификация этих комплексов крайне затруднена, поэтому их число очень невелико, что, разумеется, ни в малейшей степени не отражает реальную социальную ситуацию. В качестве примера таких захоронений можно назвать детскую ингумацию из Айвазовского (№ 2.4).

Центры власти. Можно предположить, что находки уровня 1а достаточно точно указывают на локализацию центров власти у степных кочевников послеаттиловской эпохи. Это регион дельты Дуная (Ялпуг), возможно, район Днепро-Бугской дельты (Ольвия), устье Дона (Морской Чулек), Северо-Восточный Крым (Чикаренко), Нижняя Кубань (Михаэльсфельд), Восточное Приазовье (Малаи), бассейн Терека (Хасав-Юрт) (рис. 1,1*,2,8,11,16,17,20*).

Также показательны находки золотых монет середины V – середины VI в. в северопонтийском Барбарикуме (рис. 1). В бассейне Нижнего Дона это находки из Луганска (монета Юстиниана [59, № 232]), Белояровки (монеты Юстиниана [59, № 253]), Лимаривки (монета Юстина и сасанидский сосуд, возможно, из погребения [59, № 231]). Необходимо отметить также находки на Нижнем Днепре, в Херсонской области, откуда происходит солид Феодосия II (408–450 гг.) [91, с. 85, № 190], в Малых Копанях, где найдена золотая монета Льва I (457–474 гг.) [91, с. 86, № 193], а также в Алешкинских Хуторах, откуда происходит солид Юстиниана [91, с. 91, № 45] и близ устья Нижнего Дуная, в Табаках, где нашли солид Зенона (474–491 гг.) [91, с. 86, № 194]. Скорее всего, эти монетные находки также связаны со степными центрами власти.

Вопросы идентификации памятников, карта расселения кочевников в степях Восточной Европы в постгуннское время

Как мы могли убедиться, археологические находки, непосредственно связанные со степными кочевниками постгуннского времени, очень немногочисленны (рис. 1). Они определяют географические рамки территории степняков, но сами по себе информации о принадлежности конкретных памятников тому или иному народу не несут. География расселения кочевых народов в постгуннское время в Северном Причерноморье определяется в общих чертах благодаря, прежде всего, в первую очередь, данным письменных источников. При этом надо иметь в виду, что ситуация в степи за сто лет, которые нас интересуют, менялась неоднократно, как вследствие прихода сюда новых групп кочевников, так и в результате внутренних процессов зарождения и появления новых степных объединений.

Сыновья Аттилы (450–470-е гг.). Многополярность (рис. 25,*1*). По Иордану, после разгрома гуннов при Недао в 454/455 гг. сыновья Аттилы со своими ордами закрепляются в Северо-Западном Причерноморье [Иордан, 263]. Эрнак, младший сын Аттилы, занимает «удаленную часть Малой Скифии», в то время как его братья Эмнетзур и Ультзиндур[14] поселяются в «прибрежной Дакии», т. е. на Нижнем Дунае [Иордан, 266]. Около 456 г. сыновья Аттилы атаковали остроготов в Паннонии, однако были отогнаны на Днепр [Иордан, 269]. Несколько позднее, в 466 г., Динтцик (Денгезих), сын Аттилы снова нападает на готов и опять терпит поражение. Под его началом тогда находятся ултзиндуры, биттугуры, бардоры и ангискиры [Иордан, 272, 273]. Надо полагать, что это и есть народы,

[14] По свидетельству Приска, в начале 430-х гг. гуннский предводитель Руа вступает в войну с народами Дуная: амилзурами, итимарами, тоносурами и воисками [Приск, фр. 1]. Если верить Иордану, в момент появления гуннов в понтийских степях около 375 г. эти народы жили не на Дунае, а где-то на берегах Меотиды, то ли на Нижнем Дону, то ли в Восточном Крыму. Иордан их перечисляет в том же порядке, что и Приск – алпидзуры, алцилдзуры, итимары, тункарсы, боиски [Иордан, 126]. Очень возможно, что Иордан позаимствовал этот список народов у Приска. Можно предполагать, вслед за А. В. Гадло [19, с. 14], что амильдзуры/альпидзуры/алцилдзуры, итимары, тоносуры/тункарсы и воиски/боиски пришли из степей Приазовья под давлением гуннов около 375 г., и в Подунавье они входили в состав орды Ульдиса, известной здесь около 400 г. [Sozomène, Histoire ecclesiastique, IX.5; Zosime, Histoire nouvelle, V.21,22; см. также: 31, с. 101–107; 40, с. 76–77].

оттесненные вместе с сыновьями Аттилы на Днепр в 456 г. К востоку от них, в «припонтийской Скифии», т. е. не далее бассейна Дона, обитали гунны-акациры, подчиненные в 440-е гг. сыну Аттилы Эллаку [Приск, фр. 8].

Ангискиры несомненно являются германским народом [о них см.: 39][15], в то время как биттугуры и бардоры обычно считаются гуннскими племенами. Бардоры сопоставляются с гуннским племенем витторы/витгоры [5, с. 62], последних упоминает Агафий Миринейский в своем описании заключительной фазы Готской войны Юстиниана в Италии [Агафий, II.13]. Агафий также перечисляет известные ему гуннские народы: котригуры, утигуры, ультизуры и вуругундуры, последние могут соответствовать ранее упомянутым витгорам, а также бардорам или биттугурам Иордана. Ультизуры и вуругундуры слыли могущественными во времена императора Льва (457–474 гг.), потом они исчезли [Агафий, V.11]. Как видим, названия гуннских народов Иордана частично перекликаются с данными Агафия. Это бардоры – витгоры/витгоры – вуругундуры, видимо, оказавшиеся на Днепре вместе с сыновьями Аттилы, и ултзиндуры – ультизуры где-то на Нижнем Дунае или на Днепре. Что же до котригуров/кутригуров и утигуров, о которых речь пойдет далее, то они соответствуют уже реалиям времени Агафия, «История» которого охватывает период с 552 по 558 гг. (см. ниже).

Что касается восточной половины северопонтийских степей, то здесь гунны-акациры около 463 г. были разбиты коалицией сарагур, оногур/хунугур и урогов (угров?) [Приск, фр. 30; см.: 5, с. 76][16] и, если принять во внимание сведения Иордана, оказываются соседями эстиев [Иордан, 37], т. е., скорее всего, были оттеснены куда-то на север. Сарагуры оседают на Северо-Восточном Кавказе, где они действуют против персов [Приск, фр. 37]. До них эту территорию занимали гунны-хайландурки, известные по армянским хроникам [подробнее о них см.: 5, с. 57–61]. Угры, по более поздним источникам, локализуются где-то на Волге [Феофилакт Симоката, VII.7.1.13; см.: 5, с. 62–64].

Хунугуры/оногуры самим Иорданом не локализованы, известно лишь, что они занимаются меховой торговлей [Иордан, 36, 37]. Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII в.), использовавшего описание Скифии Иордана, как он его называет *Iordanus, sapientissimus cosmographus,* а также других позднеантичных авторов, страна Оногория находится у Понтийского моря и «по соседству с верхней точкой Меотийского болота»[17] (перевод А. В. Подосинова) – .... *Item iuxta Mare Pontico*

[15] В то же время, как следует из дальнейшего повествования Иордана, какая-то часть их родственников скиров оставалась на Среднем Дунае [Иордан, 275].

[16] По мнению М. И. Артамонова, сын Аттилы Эрнак, не участвовал в военных операциях и политических демаршах Денгезиха/Динтцика (см. выше), поскольку был занят местными войнами [Приск, фр. 36], т. е., согласно М. И. Артамонову, отражал нашествия сарагур и их союзников [5, с. 62]. Но, как уже было сказано, Эрнак со своей ордой обосновался где-то на границах Малой Скифии, т. е. на западной окраине гуннской степи, а от сарагур, скорее всего, пришлось отбиваться другому сыну Аттилы, владетелю акацир – Эллаку.

[17] Меотидское болото (озеро) отдельным морем в древности не считалось.

ponitur patria que dicitur Onogoria, quam subtilius Livanius phylosophus vicinam paludis Meotide sumitatis esse decernit ... [Равеннский Аноним, IV.2, цит. по: 78, с. 162]. По общему мнению, верхней точкой Меотиды у античных географов считался северный берег Азовского моря или устье Дона [см. реконструкции: 78, рис. 1; 3; 7; 13; 14; 16–18], куда еще Т. Моммзен и поместил Оногорию Равеннского Анонима [78, рис. 16]. Итак, логичнее всего разместить оногур в Северном Приазовье, близ устья Дона, представлявшего собой удобную дорогу на север, что и объяснило бы их участие в меховой торговле, как это уже и сделано, вслед за Т. Моммзеном [101, p. 205; 119, p. 71–72; 31, с. 104–107; 125, p. 225–226; 42, с. 96–98; 43]. Вероятно, в VII в. их территория смещается к востоку от Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы» [5, с. 167–169; 19, с. 58, 69]. Локализация хунугур/оногур ранее VII в. на Северном Кавказе или между Доном и Кубанью, также предлагаемая исследователями [напр.: 5, с. 157; 13, с. 21; 85, с. 8; 86, с. 288], вряд ли может быть принята, поскольку она противоречит сообщению Равеннского Анонима, а также исключает участие хунугур в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной зоны.

Болгары и савиры. Стабилизация (460/480–530-540-е гг.) (рис. 25,*2*). Осевшие на Северном Кавказе сарагуры недолго сохраняли там доминирование. Вслед за ними здесь появляются савиры, выгнавшие сарагур, оногур и урогов с востока и прорвавшиеся на Северный Кавказ не позднее 515 г. [Прокопий, Война с персами, II.29.15]. Около 527 г. савирами правила Боарикс (Воа), вдова князя Болаха/Влаха. Она находилась в союзе с Византией и активно действовала на стороне Империи [Феофан, 527/528 г., цит. по: 96, с. 50]. Как уже говорилось, получение ею подарков от Юстиниана засвидетельствовано источниками [Иоанн Малала, XVIII]. При этом, однако, как мы увидим далее из сообщения Захарии Ритора, сарагуры также остаются где-то в северокавказских степях, хотя и на второстепенных ролях.

Около 480/481 гг. в Северо-Западном Причерноморье появляется новый народ – болгары[18]. Впрочем, по легенде, рассказанной Павлом Диаконом, болгары уже в начале V в. атакуют лангобардов, проживавших тогда к северу от Среднего Дуная [Paul Diacre, I.16]. Появление здесь болгар в это время могло бы свидетельствовать об их включении у гуннской союз. Однако речь идет именно о легенде, другие авторы фиксируют болгар лишь с 480/481 г., когда они появляются в качестве весомой военной силы на дунайской границе Восточной Римской империи. Император Зенон приглашает их против готов [Johannis Antiocheni, fr. 211,4; см.: 5, с. 80]. Итак, вполне вероятно, что болгары – это новый народ, появившийся, или, по крайней мере, проявивший себя в Северном Причерноморье только после падения империи Аттилы. Болгар упоминает в своем географическом описании Скифии Иордан, отражающем, на мой взгляд, ситуацию 480–520 гг. [подробнее: 40, с. 76–78]. Иордан помещает их над Понтийским морем, скорее всего, в Северо-Западном Причерноморье, сравни-

[18] Однако греческие авторы VI в. вообще не знают болгар, а называют северопонтийское население гуннами [5, с. 81–82].

тельно недалеко от нижнедунайских границ Империи, поскольку болгары выступают как враги ромеев [Иордан, 36, 37].

Судя по информации Иордана [Иордан, 37], крымские степи тогда занимали гунны-альциагиры. Не исключено, что это тот же народ, что и ултиндзуры Денгезиха, отступившие после 456 г. из Подунавья (см. выше). Вместе с тем, стоит обратить внимание и на указание Иордана о том, что крымские альциагиры, вместе с савирами, пришедшими к 515 г. с востока, составляют две ветви гуннов. Таким образом, речь может идти не о старожилах понтийских степей, а о какой-то новой, продвинувшейся с востока группе кочевников, родственной савирам и пришедшей сюда уже после смерти Аттилы и краха его «империи».

В связи с кочевниками Крыма надо вспомнить и историю гуннского вождя Грода, проживавшего где-то поблизости от Боспора Киммерийского и крестившегося в 528 г. Неофит начал довольно грубыми методами искоренять языческую религию, что вызвало возмущение его подданных. Грод был убит своим братом Муагерием, при этом восставшие гунны напали на Боспор и разорили, в частности, таманские центры Кепы и Фанагорию [Прокопий, Война с готами, IV.5.28]. Последнее обстоятельство указывает, что гуннский удар был нанесен не с запада, из Крыма, а с востока, из кубанско-приазовских степей. К сожалению, о кочевом населении Восточного Приазовья и Кубани у нас нет никаких известий ранее 547/548 гг., если не считать известия Захарии Ритора о миссии епископа Кардоста в 522 г. у гуннов[19].

Кутригуры и утигуры. Перестройка в степи (540–550-е гг.) (рис. 25,*3*). Показательно, что между 539 и 558/559 гг. степные кочевники Северного Причерноморья не предпринимают никаких самостоятельных военных акций на западных рубежах Византии. Как раз на этот период, особенно на 545–551 гг. приходится серия мощных вторжений склавинов в балкано-дунайские провинции Империи. В 558/559 гг. после долгого перерыва происходит нападение гуннов на балкано-дунайские провинции Византии (см. ниже). Не исключено, что в 540-е гг. в понтийских степях происходит серьезная военно-политическая перестройка, что, с одной стороны, надолго отвлекло степных кочевников от внешних военных акций, а с другой – развязало руки склавинам.

Этнонимы кутригуров и утигуров появляются в источниках только с конца 540-х – начала 550-х гг. Пожалуй, впервые эти названия зафиксированы Прокопием в рассказе о посольстве готов-тетракситов, имевшем место в 547/548 гг. [Прокопий,

[19] Считается, что Кардост обращал в христианство савир, то есть в Северо-Восточном Предкавказье [76, с. 308–310]. В то же время, Кардосту из ромейских городов, «расположенных поблизости», императором был отправлен караван из 30 мулов с гуманитарной помощью [Захария Ритор, Хроника, кн. 12, гл. 7, цит. по: 76, с. 596]. Единственными ромейскими городами в северокавказском регионе тогда были Кепы и Фанагория, откуда, вероятно, и был послан караван [5, с. 93], но которые ни при каких обстоятельствах не могут быть «расположенными поблизости» от кочевников Северо-Восточного Кавказа. Видимо, как предполагал М. И. Артамонов, Кардост проповедовал не у савир, а где-то на Тамани или на Кубани [5, с. 94], что в конечном итоге и обернулось крещением Грода и связанными с ним событиями.

Война с готами, IV.4.9, 19.14]. Из сообщения Прокопия утигуры локализуются в степях восточного Приазовья. Здесь, по Прокопию, располагается страна Эвлисия, где живут многие племена гуннов [Там же, IV.4.7,8]. Утигуры, как уточняет Прокопий, проживали к востоку от Боспора Киммерийского и Танаиса (Дон или Северский Донец) [Там же, IV.4.7–9; 5.15–21][20]. Их северными соседями являются славянские племена антов [Там же, IV.4.8]. К западу от Дона проживают и кутригуры, родственники утигур [Там же, IV.18.22]. При этом утигуры контролировали и северный участок Черноморского побережья Кавказа, поскольку готы-тетракситы, проживавшие в районе современной Цемесской бухты, в качестве подчиненных союзников привлекались утигурами для войны против кутригур [Там же, IV.18.22].

Согласно этногенетической легенде, оба народа сформировались на месте, в Северном Причерноморье, еще в V в. [Прокопий, Война с готами, IV.5], но, видимо, особой роли не играли, или даже входили в состав других кочевых объединений, таких как болгары или хунугуры/оногуры. В том, что кутригуры и утигуры абсорбировали население причерноморских степей предыдущего периода, демонстрирует история Синния, гуннского офицера армии Велизария. В 530-е гг., когда кутригур не знает ни один источник, Синний командует гуннским («массагетским») полком у ромеев [Прокопий, Война с вандалами, I.11.12], затем сведения о нем на какое-то время исчезают. Однако в 551/552 гг. он снова появляется в Империи во главе группы кутригурских беженцев (2000 бойцов с женами и детьми) из Северного Причерноморья, спасающихся от утигур, вторгнувшихся на земли северопричерноморских кутригур. Синний принят у ромеев с распростертыми объятиями своими боевыми товарищами [Прокопий, Война с готами, IV.19.6-7]. Итак, один и тот же человек сначала в 530-е годы считался гунном-«массагетом», а затем в 551 г. – кутригуром.

В целом, народы предшествующего периода никуда не делись из понто-каспийских степей Причерноморья в результате кутригурско-утигурской перестройки. У Захарии Ритора под 555 г. среди степных народов, живущих в палатках, наряду с «куртаргар» упоминаются, в частности, «авнагур ..... агар, сабир, бургар, сиругур», в которых легко узнаются уже знакомые нам оногуры, уроги-угры, савиры, болгары и сарагуры [Захария Ритор, Хроника, кн. 12, гл. 7, цит. по: 76, с. 595].

Болгары в 559 г. совершают нападение на Фракию [Victor Tonnannensis episcopi chronca, 560]. У других авторов это нападение приписано гуннам и склавинам [Иоанн Малала, 490.6–12, цит. по: 87, с. 268; Феофан, 559 г., цит. по: 96, с. 52] или кутригурам под предводительством Завергана [Агафий, 5.12]. В 590-е гг. болгары действуют на Нижнем Дунае в составе войск аварского кагана [Феофилакт Симокатта, VII.4.1]. Скорее всего, к 550 г. болгары вошли в состав кутригур, то есть здесь сменилась политическая ситуация, но не основная масса населения. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что древние авторы, начиная с VII в., болгар и кутригур практически не различают, хотя знают оба этнонима.

[20] Переход утигуров через Танаис в 551/552 гг. знаменовал начало войны между утигурами и кутригурами [Прокопий, Война с готами, IV. 18.22].

* * *

Итак, число известных на сегодняшний день памятников кочевников постгуннского времени крайне невелико. Эти курганы и поминальные комплексы рассеяны на огромном пространстве, что отражает, как показала С. А. Плетнева, первую, самую примитивную, форму кочевания, когда номады, прежде всего в силу военной ситуации, сбиваются в многочисленные группы и практически постоянно передвигаются по степи. Этой форме кочевания соответствуют и основные черты их цивилизации – рассеянность памятников, высокая милитаризация, отсутствие устойчивых «этнографических» черт материальной культуры, большая этногенетическая смешанность степных коллективов, где доминировал военно-политический фактор, а не этнокультурный [77, с. 13–35][21].

Единственное, что в древностях гунно-болгар не соответствует характеристике, данной С. А. Плетневой памятникам первой стадии кочевания, это наличие богатых, явно привилегированных комплексов, таких как Ялпуг, Морской Чулек, Михаэльсфельд [ср.: 77, с. 22]. Следует, видимо, уточнить и тезис об отсутствии ярких этнографических черт в культуре кочевников, находившихся на этой стадии кочевания. При всей биологической, культурной, этнической и лингвистической гетерогенности таких коллективов, в силу совместного проживания в них рано или поздно должны проявляться общие элементы цивилизации, причем не только в таких аспектах, как военное дело, животноводство или престижная «аристократическая» культура. Так, заволжская группа степных памятников отличается наличием аппликаций с антропоморфными изображениями и «дерюжным» декором, которые в степях к западу от Волги встречены только один раз, в Новогригорьевке. В то же время, причерноморские находки отличаются большим количеством вещей средиземноморского / ранневизантийского происхождения, которые в Заволжье попадают гораздо реже (например, Покровск-Восход). Скорее всего, это связано с вхождением гунно-болгар Причерноморья и Северного Кавказа в сферу политического влияния Византии. Понто-каспийские степи отличает и более заметное присутствие вещей центрально-азиатского происхождения (конская сбруя, предметы убора), редких или вовсе отсутствующих в Заволжье. Возможно, «азиатская мода» в южнорусских степях отражает неоднократные миграции кочевников с востока.

Приложение. Степные находки постгуннского времени

1. Северное Причерноморье и Приазовье

1. Ялпуг (Измаильский район, Одесская область) (рис. 1,*1*; *2*).

Случайная находка (или грабительские раскопки) 2006 г. на правом берегу озера Ялпуг. Вещи, кажется, были обнаружены в воде. Они были помещены в бронзовый сосуд (диаметр 35 см, высота 10 см), с двумя ручками, украшенными лебедиными головами. Большая часть вещей бесследно пропала, сохранились лишь

[21] Показательно, что именно в начале постгуннской эпохи исчезает Танаис, просуществовавший всё гуннское время – видимо, теперь кочевникам такие стационарные поселения-зимники стали не нужны.

фотографии. Всего обнаружено не менее 49 вещей, их значительная часть изготовлена из золота, с декором из гранатов и бирюзы, в стиле *cloisonné*. Это фрагменты орнамента клинкового оружия, детали ременной гарнитуры, седельные накладки, аппликации в виде фигурок львов, возможно, от луки седла, фрагменты удил и др. [75; 22; 138; 127].

2. «Ольвия» (с. Парутино, Очаковский район, Николаевская область) (рис. 1,*2*; 4).

С территории этого античного города в устье Южного Буга происходит несколько престижных вещей постгуннского времени, в частности металлическая обкладка седла типа 4а по И. П. Засецкой, а также пряжка в стиле *cloisonné*, с овальными рамкой и щитком. Так называемый Ольвийский клад представляет собой покупку, точное происхождение предметов неизвестно[22]. Принадлежность данного убора гунно-болгарам гипотетична и опирается, в основном, на его географическое происхождение, указанное продавцом. Вещи входили в состав престижного женского убора, возможно, происходящего из погребения: колье с овальным медальоном, два золотых браслета с расширенными концами, два золотых перстня с прямоугольными щитками, пара сережек с полиэдрическими бусинами [54, с. 104–105, рис. 47; 149, Cat. 166; 155].

3. Лисьи Могилы (Новочерноморский район, Херсонская область) (рис. 1,*3*; 5,*2*).

Погребение с конем, впущенное в курган более раннего времени, содержавшее золотую серьгу с зернью и предметы бронзового поясного набора [84, с. 77–78].

4. Малые Копани (Малопристанский район, Херсонская область) (рис. 1,*4*; 5,*4-6*).

Найдены при костях солид Льва I (457–474 гг.) и, насколько можно судить по схематическим наброскам А. А. Спицына, серьга с пирамидальной подвеской, шаровидная подвеска с прикрепленными цепочками, округлый предмет с инкрустацией и зернью (Архив ИИМК РАН, ф. 5, д. 330, л. 61) [31, с. 120].

5. Новогригорьевка, погр. VII (Гуляйпольский район, Запорожская область) (рис. 1,*5*; 3,*1-10*).

На берегу р. Конка в 1884 г. Д. Я. Самоквасовым было исследовано несколько погребений (поминальных комплексов?). В комплексе VII, под каменной закладкой (ее окружность составляла 120 аршин, т. е. 85,2 м), в ее западной половине, были обнаружены кусочки угля, какие-то жженые кости, красноглиняный фрагментированный сосуд, согнутый железный меч, трехлопастные наконечники стрел, железные удила, бронзовые, обтянутые золотым листком бляшки с человеческими личинами, штампованные бронзовые пластины-накладки и лунница, также обтянутые золотым листом. Определение данного комплекса как погребения является предположительным, поскольку анализа костей не было. О каких-то ритуальных действиях,

[22] Вещи входили в состав коллекции П. А. Маврокордато (Одесса). Коллекция была сформирована в основном из вещей, происходящих из Северо-Западного Причерноморья, в первую очередь, из Ольвии. Впрочем, здесь следует проявлять осторожность, поскольку торговцы древностями часто указывали как место происхождения вещей известные античные памятники, в частности, «Ольвия» или «Керчь», чтобы поднять цену.

связанных с воинской культурой, говорит находка здесь ритуально испорченного (согнутого) меча [26, с. 165, табл. 6,1–10; 31, с. 113, табл. 6,1–10].

6. Дмитриевка-Вольная Вода (Бердянский район, Запорожская область) (рис. 1,*6*; 3,*11*).

Погребение-ингумация, содержавшее человеческие останки и кости коня, было найдена случайно, при добыче песка, на глубине 2,5 м. Погребение содержало длинный (почти 1 м) меч с бронзовой гардой, украшенной перегородчатой инкрустацией (гранаты на золотом листе) и янтарную полусферическую бусину, возможно, навершие или подвеска меча[23] [ОАК за 1904 год, с. 123; 31, с. 110, рис. 34].

2. Крым

1. Нейзац, погр. 114 (Белогорский район, Республика Крым) (рис. 1,*7*; 6; 7).

Памятник расположен в долине реки Зуя. В подбое на земляной подсыпке обнаружена ингумация. Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребена женщина приблизительно 20-летнего возраста. Ее череп искусственно деформирован, отмечено уплощение на уровне теменных и лобной костей. Череп имеет явные признаки монголоидности (антропологические определения принадлежат В. Ю. Радочину). В головах обнаружено керамическое пряслице, на черепе – две серьги. Одна серьга серебряная позолоченная калачевидная, другая – бронзовая с 14-гранником на конце. На месте шеи найдено ожерелье, состоящее из шести круглых серебряных подвесок, одной серебряной листовидной подвески, все со стеклянными вставками, и серебряных спиралевидных трубочек-пронизок. На левую руку надеты два бронзовых браслета, на правую – один. На пальце левой руки обнаружен бронзовый перстень с круглым щитком, украшенным сердоликовой вставкой, на пальце правой руки – еще один бронзовый перстень с круглым щитком со стеклянной вставкой. На тазовых костях находилась железная пряжка. У щиколоток лежала бронзовая пряжка с округлой рамкой, слева от щиколоток – железный нож. Обращает на себя внимание положение пряжки, она найдена у плотно сведенных щиколоток погребенной. Во входной яме захоронена лошадь, головой на север, у черепа и между ребрами найдено по железной пряжке. Около челюстей лошади лежали двучастные кольчатые удила с поводьями и закрепленные на них обоймы ремней. У черепа лошади обнаружены серебряные позолоченные бляхи со стеклянными вставками, крупные овальные и мелкие почковидные. Завершался этот ряд железной пряжкой. У передних ног лошади в стене входной ямы было сделано отверстие диаметром 0,3 м, которое пробило стену могилы № 102. В это отверстие был помещен жеребенок [98, с. 201–207].

2. Чикаренко (Октябрьский район, Республика Крым) (рис. 1,*8*; 5,*7–18*).

В 1952 г. во время работ был разрушен курган. Здесь были обнаружены человеческие останки, сопровождавшиеся богатым инвентарем: элементы ременной (пор-

[23] По информации И. П. Засецкой, сначала меч находился в Эрмитаже, затем в 1930-е гг., вместе с другими вещами, был передан на Украину для формирования коллекций украинских музеев. Его дальнейшая судьба неизвестна.

тупейной, обувной и поясной?) гарнитуры из золота, а также фрагменты меча или кинжала, керамическая (гончарный кувшин, амфора, лепной горшок) и стеклянная посуда, фрагменты топора [10; 2, с. 207; 100, p. 207–209; 146, S. 335–336; 31, с. 110].

3. Новопокровка, погребение 19 (Кировский район, Республика Крым) (рис. 1,*9*; 8,*1–11*).

Ингумация в грунтовой яме с уступом. Костяк располагался в вытянутом положении на спине, головой на север. В погребении обнаружены золотые колты у черепа, бляха с альмандинами на груди, янтарные бусы в области шеи, в области таза – бронзовое зеркало, бронзовый пинцет, нож, шило [18].

4. Айвазовское (Феодосийский район, Республика Крым) (рис. 1,*10*; 8,*12–15*).

Детская ингумация, головой на северо-восток. В районе таза находилась антропоморфная фигурка, в головах – лепной сосуд, в заполнении – костяная пряжка, бусина из голубого глухого стекла [60].

3. Дон

1. Морской Чулек (Неклиновский район, Ростовская область) (рис. 1,*11*; 9–11).

В 1868 г. во время строительных работ на речке Морской Чулек, недалеко от дельты Дона были обнаружены два женских привилегированных захоронения по обряду ингумации, видимо, принадлежавшие одному и тому же могильнику.

Погребение 1 (рис. 9) содержало две золотые калачевидные серьги, два пластинчатых золотых браслета, золотую цепь, три золотых перстня, один из которых, с изображающей дельфина инталией, несомненно, средиземноморского происхождения. В той же могиле были найдены серебряная щитковая пряжка и каменный кружок с перфорацией в центре (эти два предмета не сохранились).

Погребение 2 (рис. 10–11) содержало золотую цепь с медальоном, также средиземноморского происхождения, две золотые сердцевидные подвески, два золотых браслета с расширенными концами, один из них с латинской весовой надписью, четыре перстня. Все эти вещи были обнаружены на скелете погребенной. В ногах находились элементы конского убора, в частности, умбоновидные золотые накладки и золотые пятиугольные бляхи, те и другие с декором в стиле перегородчатой инкрустации, семь бронзовых гвоздиков с золотой головкой, украшенной сердоликом, два медальона из золота и серебра, также с сердоликами. Возможно, из этого погребения происходит череп со следами искусственной деформации [31].

2. Ясырев I, курган 2, погр. 1 (Цимлянский район, Ростовская область) (рис. 1,*12*; 12).

Это подкурганная ингумация в яме, ориентированная головой на запад. В ногах находились кости конечностей и череп барана, а в головах – керамические сосуды, лепной горшок и гончарный кувшин. В состав инвентаря входили также браслеты на руках и зеркало с довольно длинной ручкой. В курганной насыпи было совершено захоронение частей лошади (нога), связанное с данной ингумацией. Судя по инвентарю погребение женское [71, с. 29].

3. Верхне-Курмоярская (Котельниковский район, Волгоградская область) (рис. 1,*14*; 5,*1*).

Набор разновременных предметов (включая арабские и татарские монеты), включавший пару золотых калачевидных серег, отдан местными жителями [ОАК за 1905 год, с. 101; 31, с. 12].

4. Ливенцовский VII, курган 35 (западная окраина г. Ростов-на-Дону) (рис. 1,*11*; 13; 14).

Обнаружена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержавшая вещи. Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения: наконечники стрел, копье, Р-образная портупейная скоба, пластины панциря, бутероль ножен клинкового оружия, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды: пряжки, накладки, наконечники ремней, фрагменты изрубленных металлических сосудов [12].

5. Район Таганрога (Ростовская область) (рис. 1,*15*; 5,*3).

Золотой колт, близкий найденным в Морском Чулеке. Покупка [92, с. 144].

4. Северный Кавказ

1. Михаэльсфельд / Джигинская (г. Анапа, Краснодарский край) (рис. 1,*16*; 15).

Разрушенное погребение по обряду ингумации было найдено случайно в 1892 г., на следующий год здесь проводил работы Т. Думберг. Могила содержала богатый инвентарь: золотое колье с подвесками и вмонтированным в замок солидом Юстина и Юстиниана, две золотые подвески[24], декорированная шляпка от гвоздика, калачевидные серьги или височные подвески, металлическое зеркало и железный нож с костяной рукоятью [ОАК за 1892 год, с. 93; ОАК за 1893 год, с. 8–9; 30].

2. Малаи, курган 1, погр. 12 (Калининский район Краснодарский край) (рис. 1,*17*; 16–18).

В кургане № 1, в погребении 12 находился, по определениям антропологов, скелет мужчины 35–40 лет, со следами искусственной деформации на черепе (длинноголовый европеоидный тип), ориентированный головой на запад-северо-запад, сопровождавшийся остатками двух коней. Курган был окружен ровиком, где находились останки тринадцати коней и ритуально испорченные металлические котлы. Инвентарь могилы: лук с костяными накладками, меч с гардой в стиле *cloisonné* и Р-образной портупейной скобой, ременная гарнитура раннегеральдического стиля, ламеллярный доспех, золотая серьга, конские удила, серогончарный сосуд [64, с. 420–443][25].

[24] И. П. Засецкая интерпретирует их как серьги или височные кольца [30, с. 130–132, рис. 7]. Мне кажется, что, скорее всего, это подвески от колье. В самом деле, две сохранившиеся на колье подвески имеют похожую морфологию и такой же декор. Разница видна лишь на реверсе: обратная сторона подвесок колье украшена крестообразными штампованными мотивами, их нет на отдельно найденных подвесках.

[25] По недосмотру редакции, в публикации памятника на стр. 439 была указана неверная дата.

3. Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (Грачевский район, Ставропольский край) (рис. 1,*18*; 19,*1–5*).

Ингумация в подбойной яме с каменным закладом, скелет находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. В головах обнаружен горшок, в ногах золотая пряжка, а районе таза – железная пряжка и железный нож [65].

4. Татарка, балка Каряжка (близ г. Ставрополь) (рис. 1,*19*; 19,*6–15*).

В 1924 г. были обнаружены человеческие кости, янтарные бусы, пряжки, калачевидная серьга, бляха полихромного стиля и обломки других предметов с таким же декором, мелкие обрывки золотого листа. Предметы найдены разными лицами, их принадлежность к единому закрытому комплексу возможна, но недоказуема [88, с. 40; 26, с. 173, табл. 31,3–12; 32,2].

5. Хасав-Юрт (г. Хасав-Юрт, Республика Дагестан) (рис. 1,*20*; 20).

Золотые вещи найдены кладоискателями в 1888 г. под каменной насыпью кургана. В грунте под камнями обнаружено отверстие, в нем находились золотые вещи. Там же были стеклянный сосуд с тремя ручками (разбит), серебряный «поднос» и серебряная кружка с крышкой (проданы). Остальные вещи куплены помощником начальника Грозненского округа полковником Матвеем Андреевичем Цугулиевым, от него вещи поступили в Эрмитаж (Архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 22 за 1888 г., лл. 31–34а; Фото И. Ф. Чистякова, сделано по заказу А. А. Спицына в 1900–1908 гг., негатив в фотоархиве ИИМК, Дело Археологической комиссии, P-VII, № 113) [ОАК за 1882–1888 года, с. CCCXXXII; 128, fig. 25].

5. Поволжье

1. Покровск (г. Энгельс, Саратовская область) (рис. 1,*21*; 22).

Курган 17 (рис. 22,*1–9*). В центре кургана обнаружены остатки костра, жженые кости барана, обломки сбруйных украшений из бронзовых пластин, пластины с антропоморфными изображениями, девять трехлопастных стрел, обломки костяных накладок на лук, обломки железного меча, удила. Все предметы со следами пребывания в огне.

Курган 18 (рис. 22,10–21). В центре кургана обнаружены кости ног, лопатки и ребра лошади, лежавшие в анатомическом порядке. На уровне древнего горизонта выявлены остатки кострища, в нем остатки пластинчатых сбруйных украшений, пластины с антропоморфными изображениями, бронзовая треугольная подвеска, желобчатая обкладка края седла, обломки костяных обкладок лука, железный наконечник стрелы [26, с. 183–184, табл. 31].

2. Покровск-Восход (г. Энгельс, Саратовская область) (рис. 1,*22*; 21,*1–13*).

Разрушенная бескурганная ингумация в яме. В ней кости черепа, меч с нефритовой портупейной скобой и устьем ножен в стиле *cloisonné*, копье, кольчуга, бляшка с антропоморфными изображениями, уздечные пластины, массивная бронзовая пряжка, покрытая золотым листом с инкрустированным щитком, бронзовый

литой браслет, золотая калачевидная серьга, малые пряжки, обломок лепного сосуда [26, с. 185, табл. 32; 31, с. 111–113].

3. Владимирское, курган 4, погр. 2 (Хворостинский район, Самарская область) (рис. 1,*23*; 23,*1–13*).

Ингумация в кургане более раннего времени. Костяк ребенка лежал на спине, головой на запад-северо-запад. Вещи погребального инвентаря обнаружены несколько выше скелета: стрелы, удила, накладные бронзовые пластины, обтянутые золотой фольгой, с антропоморфными изображениями и «дерюжным» орнаментом, металлические накладки седла (золотые листы). Все предметы носили следы воздействия огня, однако остатки кострища не зафиксированы [89; 26, с. 186–187, табл. 35; 31, с. 113].

4. Царева, курган 66, погр. 2 (Ленинский район, Волгоградская область) (рис. 1,*24*; 21,*14–29*).

Ингумация в кургане более раннего времени, в деревянном гробу, помещенном в грунтовую яму. Скелет располагался в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-запад. В ногах находились череп и кости конечностей лошади. В погребении найдены костяные накладки на лук, стрела, удила, две пряжки, в т. ч. одна обувная с костяной рамкой, удила, фрагменты железных пластин [57, с. 97–99].

6. Южный Урал

1. Шипово (Таскалинский район, Западно-Казахстанская область) (рис. 1,*25*; 23,*14–22*; 24,*1–22*).

Курган 2 (рис. 23,*14–22*). Ингумация в прямоугольной яме под курганом. Погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. В погребении обнаружены бронзовая, покрытая золотым листом трехчастная диадема на голове, бронзовая, плакированная золотом витая гривна на шее, золотая калачевидная серьга у черепа, бронзовая калачевидная серьга с остатками кожаного ремня у правого бедра, железная пряжка на поясе, бронзовая позолоченная обувная пряжка на ногах, остатки деревянной коробочки и нож у западной стенки могилы, ближе к ногам – фрагмент бронзового зеркала со штырем, глиняное плоское пряслице и кости ягненка. Череп погребенной сильно деформирован.

Курган 3 (рис. 24,*1–22*). Ингумация в прямоугольной яме под курганной насыпью, в деревянном гробу, закрытом берестой, ориентированная на северо-восток. На дне погребения прослежен мелкий уголь. Череп погребенного сильно деформирован, антропологическое изучение не проводилось. В углу погребения обнаружены череп и кости ног овцы. Деревянное седло с бронзовыми позолоченными обкладками и конская сбруя находились на гробе. На покойнике был надет шелковый кафтан малинового цвета с бронзовыми аппликациями по вороту и по краям рукавов, поясок с аппликациями и пряжкой; металлическое ожерелье (золото, бронза) находилось на груди, на руках – браслеты, у пояса справа помещался нож в ножнах с металлической обкладкой, под левым коленом – наконечник трехлопастной стре-

лы; деревянная кружка была поставлена в северный угол могильной ямы, нагайка находилась у плеча; у бедра стояла берестяная коробка, в ней помещалось разбитое на две части бронзовое зеркало с длинной ручкой-штырем. Найдены также миниатюрный бронзовый топорик, фрагменты различных деревянных и бронзовых предметов. Обычно погребение определяется как мужское, видимо из-за присутствия в инвентаре седла, небольшого кинжала и стрелы. Однако личный убор погребенного – два браслета и ожерелье, а также зеркало – скорее женский [26, с. 188–191, табл. 40–42].

2. Каменный Амбар-5, курган 6 (Карталинский район, Челябинская область) (рис. 1,*26*; 24,*23–25*).

Ингумация под курганом с каменно-земляной насыпью, в яме со ступенькой в южной половине и с подбоем. Погребенный, мужчина 60 лет со слабо деформированным черепом и монголоидными чертами, располагался на правом боку, головой на север. У затылка находился сильно коррозированный железный предмет (нож?), остатки сильно окислившихся железных предметов на тазовой кости и на лопатке, стеклянные бусы на шее, обувная щитковая пряжка у колена левой ноги, другая пряжка без щитка у пояса. На ступеньке находились кости конечностей и череп молодого верблюда [58, с. 155–157].

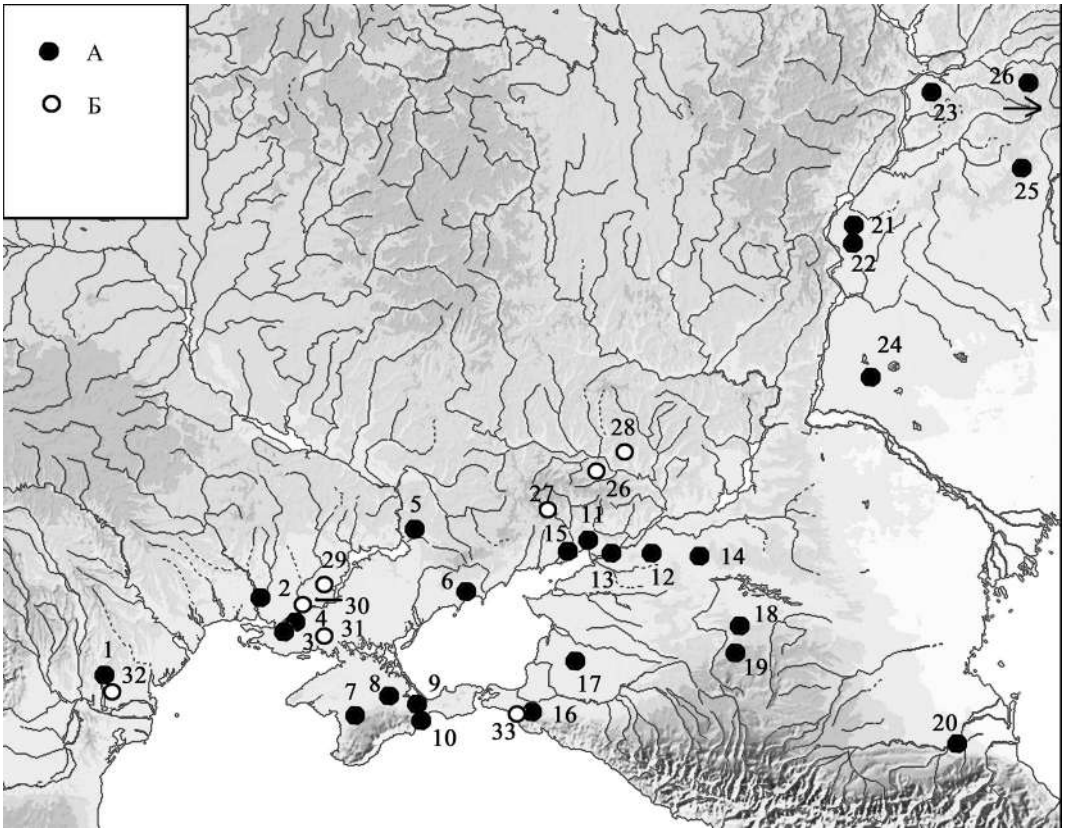

Рис. 1. Карта степных памятников постгуннского времени.

А: погребения и поминальные комплексы: 1 – Ялпуг (№ 1.1); 2 – Ольвия (№ 1.2); 3 –Лисьи Могилы (№ 1.3); 4 – Малые Копани (№ 1.4); 5 – Новогригорьевка (№ 1.5); 6 – Дмитриевка-Вольная Вода (№ 1.6); 7 – Нейзац (№ 2.1); 8 – Чикаренко (№ 2.2); 9 – Новопокровка (№ 2.3); 10 – Айвазовское (№ 2.4); 11 – Морской Чулек (№ 3.1); 12 – Ясырев I (№ 3.2); 13 – Левенцовка (№ 3.4); 14 – Верхне-Курмоярская (№ 3.3); 15 – Таганрог (№ 3.5); 16 – Михаэльсфельд-Джигинская (№ 4.1); 17 – Малаи (№ 4.2); 18 – Тугулук (№ 4.3); 19 – Татарка-Балка Каряжка (№ 4.4); 20 – Хасав-Юрт (№ 4.5); 21 – Покровск (№ 5.1); 22 – Покровск-Восход (№ 5.2); 23 – Владимирское (№ 5.3); 24 – Царева (№ 5.4); 25 – Шипово (№ 6.1); 26 – Каменный Амбар-5 (№ 6.2).

Б: золотые монеты: 26 – Луганск; 27 – Белояровка; 28 – Лимаривка; 29 – Херсонская область; 30 – Малые Копани; 31 – Алешкинские Хутора; 32 – Табаки; 33 – Михаэльсфельд

Рис. 2. Ялпуг (№ 1.1). Часть найденных вещей [по: 127, fig. 1]

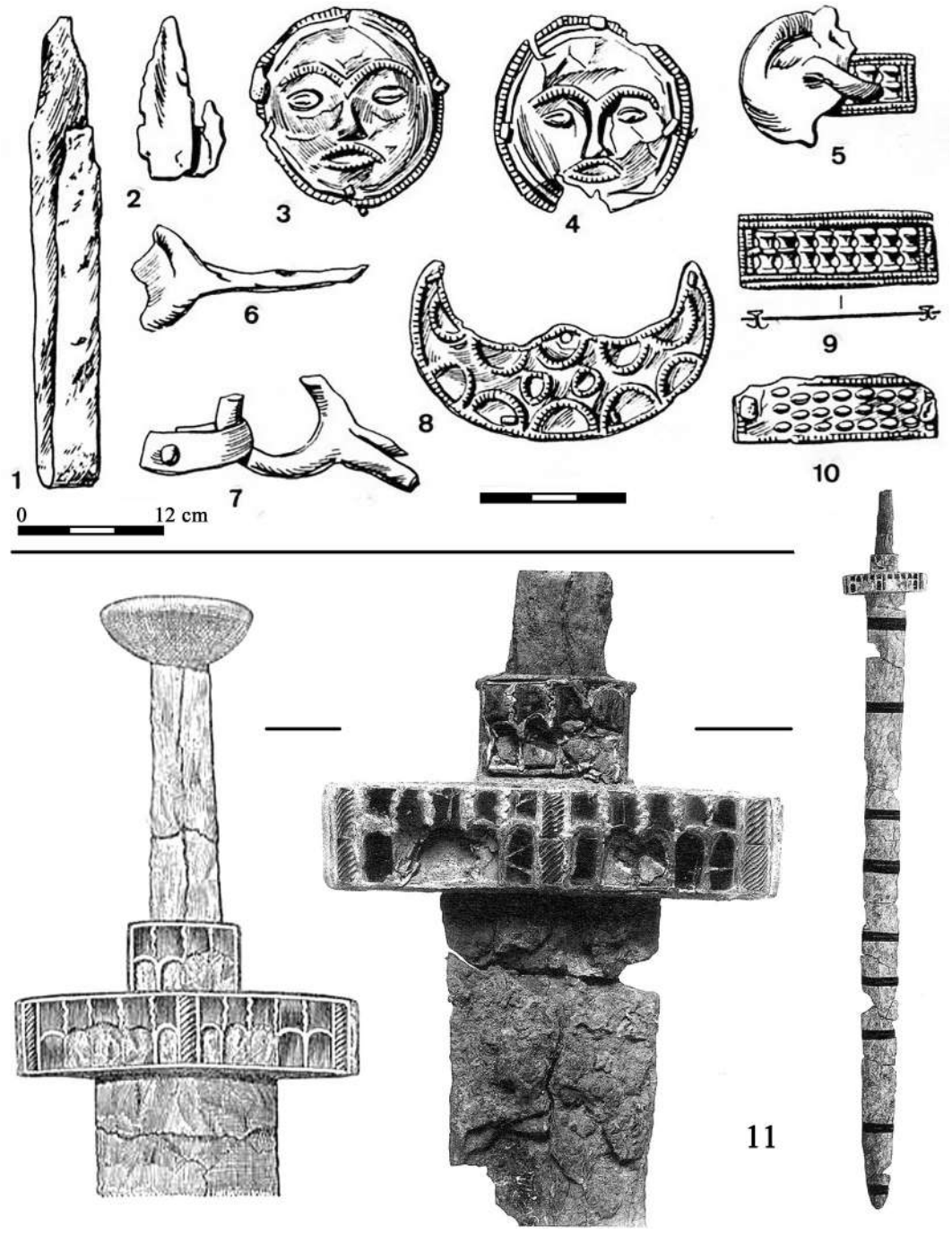

Рис. 3. Новогригорьевка, комплекс VII (№ 1.5) (1–10), Дмитриевка-Вольная Вода (№ 1.6) (11).
1–10 – [по: 26, табл. 6,1–10], 11 – [по: ОАК за 1904 год, рис. 215; 31, рис. 34]

Рис. 4. «Ольвия» (№ 1.2).
1–10 – [по: 149, pl. LXXIX–LXXXII], 11 – [по: 155, Abb. 1]

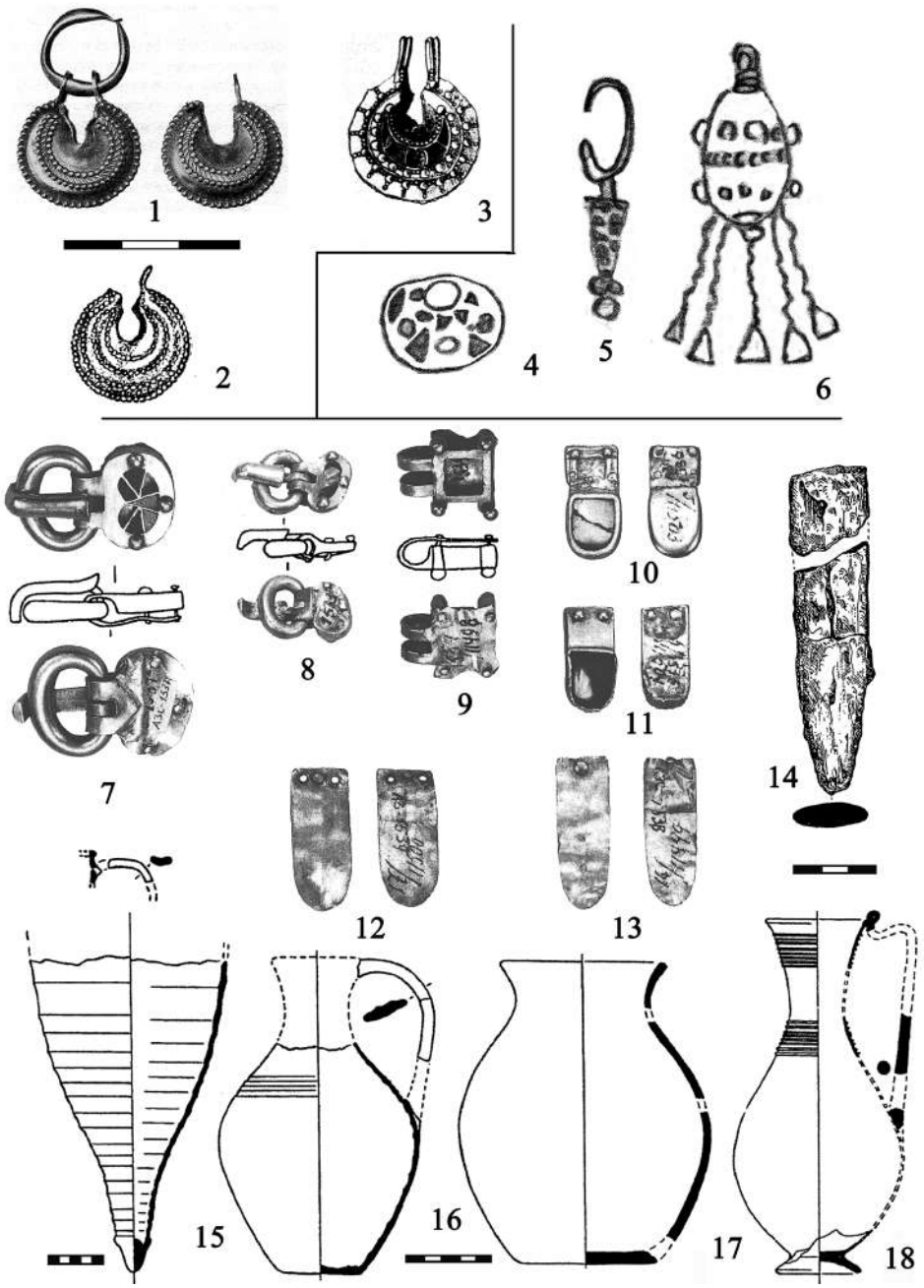

Рис. 5. Верхне-Курмоярская (№ 3.3) (1), Лисьи Могилы (№ 1.3) (2), Таганрог (№ 3.5) (3), Малые Копани (№ 1.4) (4–6), (Чикаренко) (№ 2.2) (7–18).
1 – [по: 31, рис. 1], 2 – [по: 84, рис. 6 на с. 77], 3 – личный архив Г. Ф. Корзухиной; 4–6 – по: Архив ИИМК РАН, ф. 5, д. 330, л. 61; 7–18 – [по: 100, fig. 5; 146, Abb. 7]

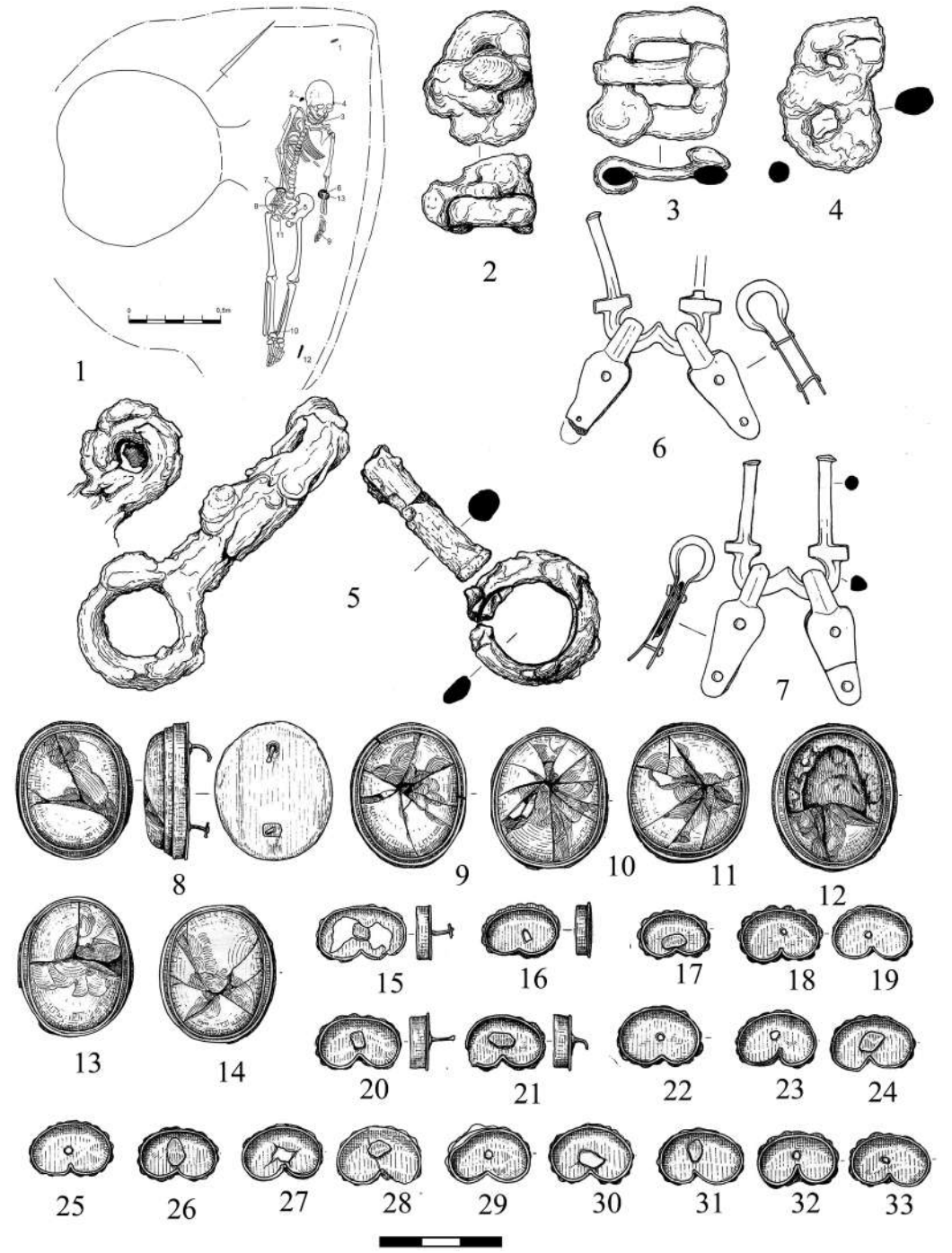

Рис. 6. Нейзац, погр. 114 (№ 2.1) [по: 98, рис. 10, 11]

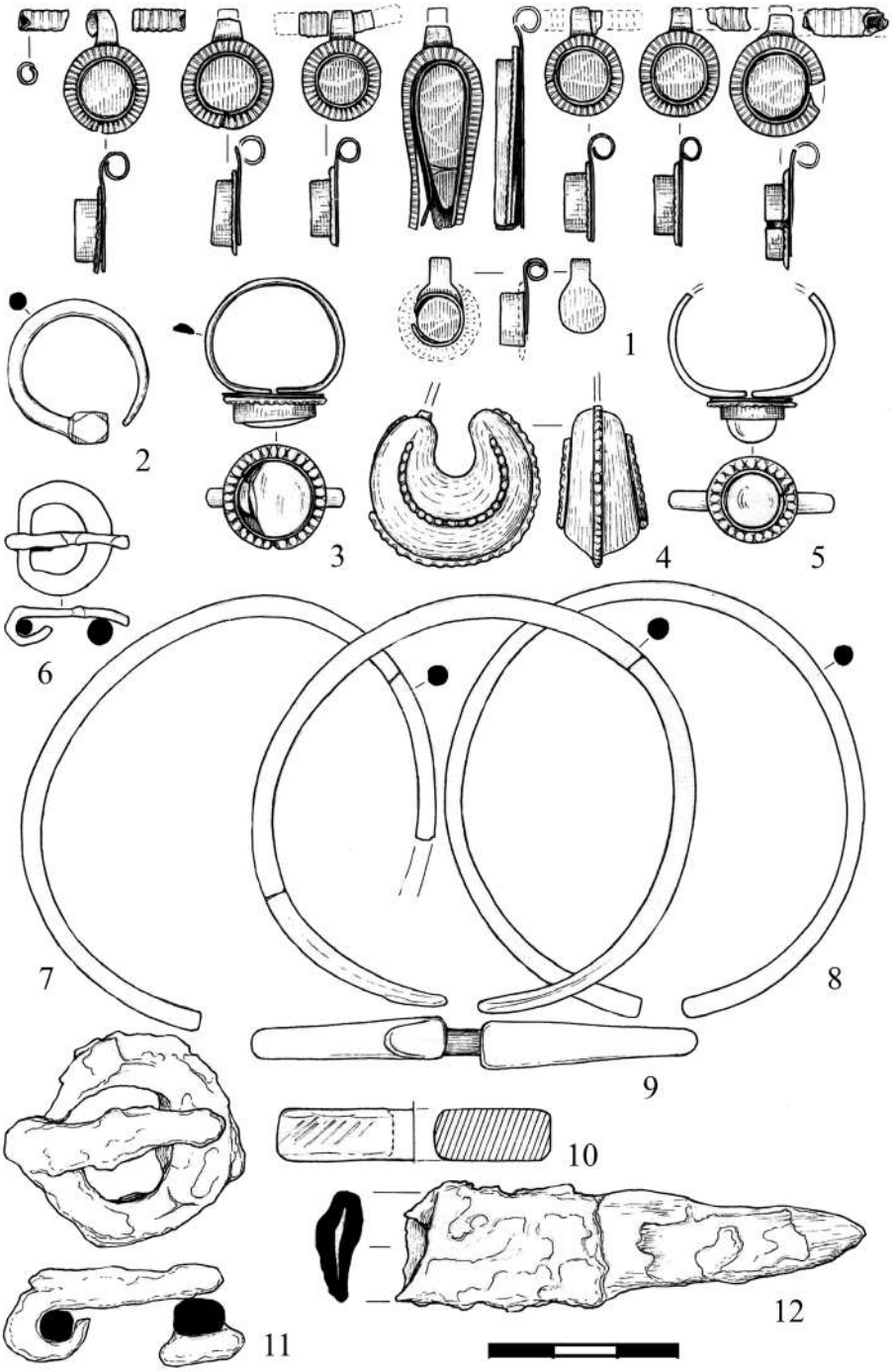

Рис. 7. Нейзац, погр. 114 (№ 2.1) [по: 98, рис. 9]

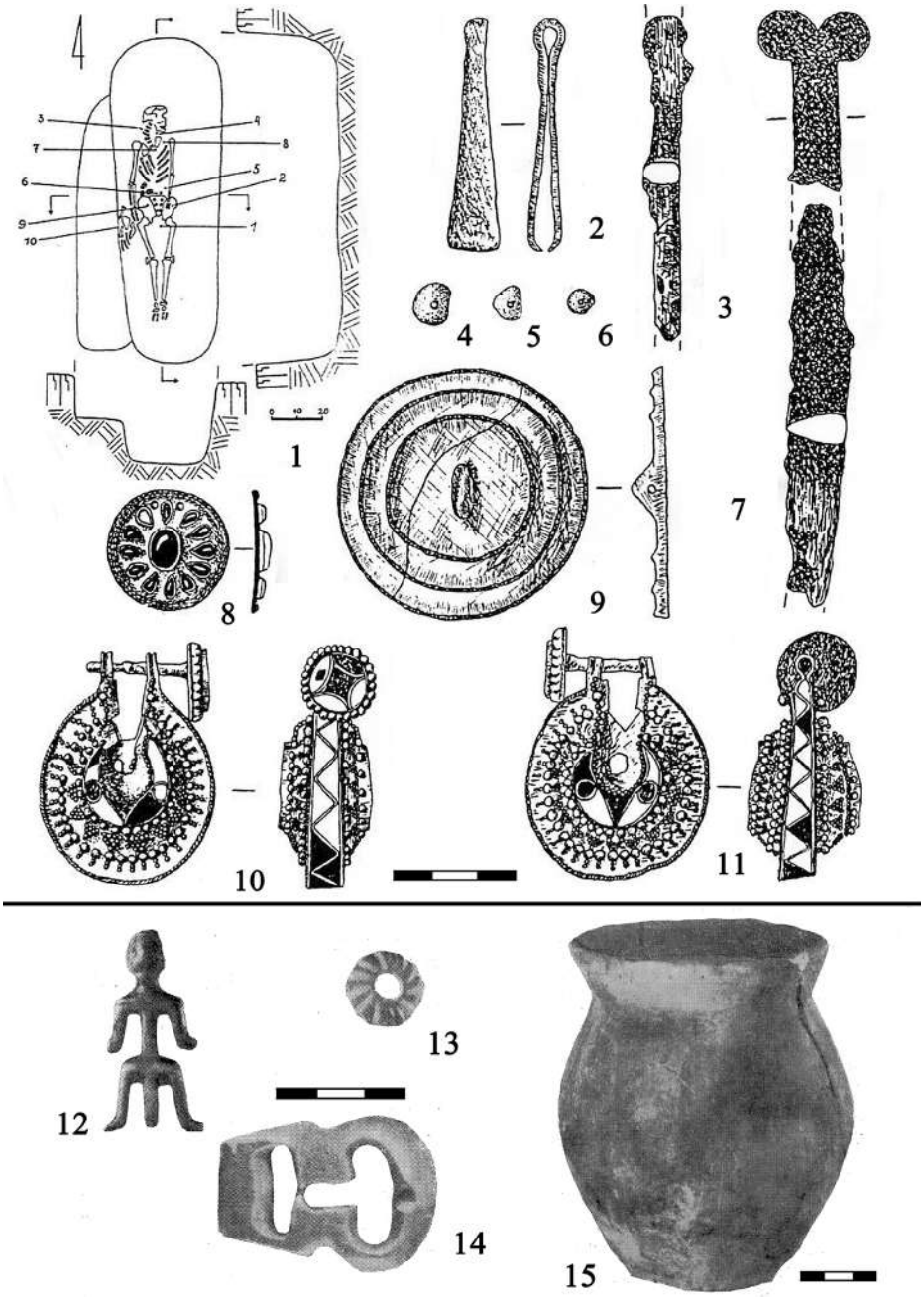

Рис. 8. Новопокровка (№ 2.3) (1–11), Айвазовское (№ 2.4) (12–15).
1–11 – [по: 18, рис. 2], 12–15 – [по: 60, рис. 1]

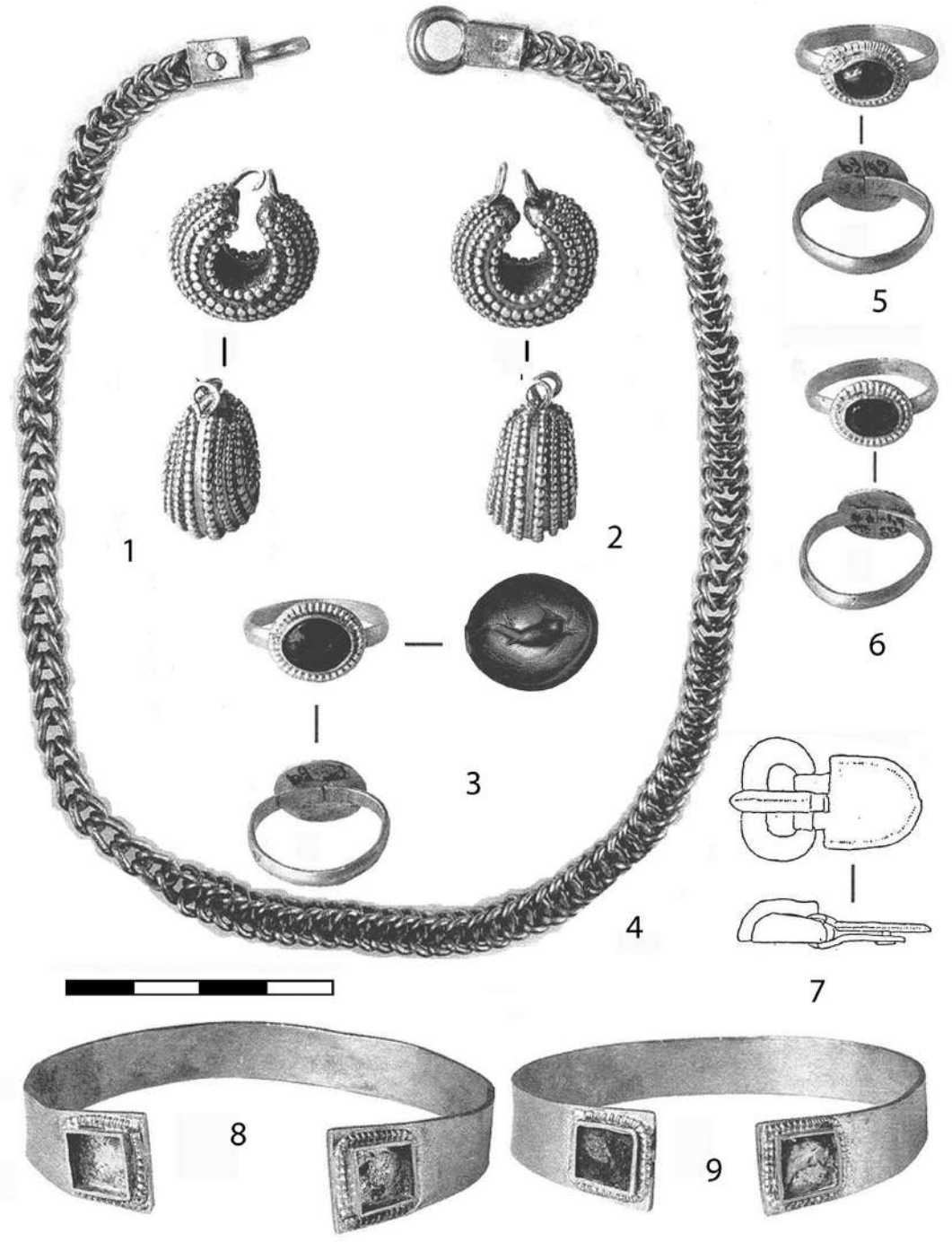

Рис. 9. Морской Чулек, погр. 1 (№ 2.1) [по: 31, табл. I, рис. 10,1]

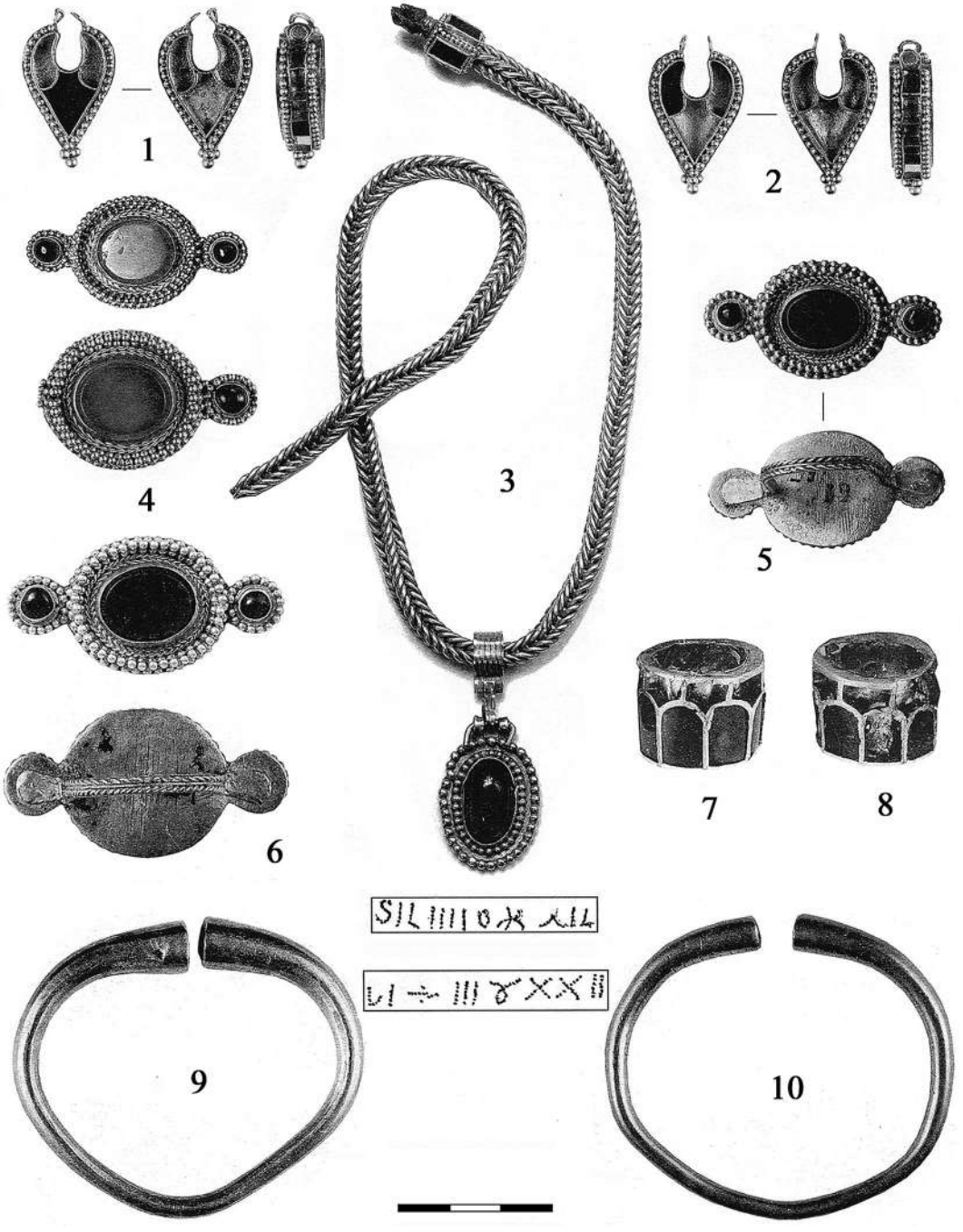

Рис. 10. Морской Чулек, погр. 2 (№ 2.1) [по: 31, табл. II, III]

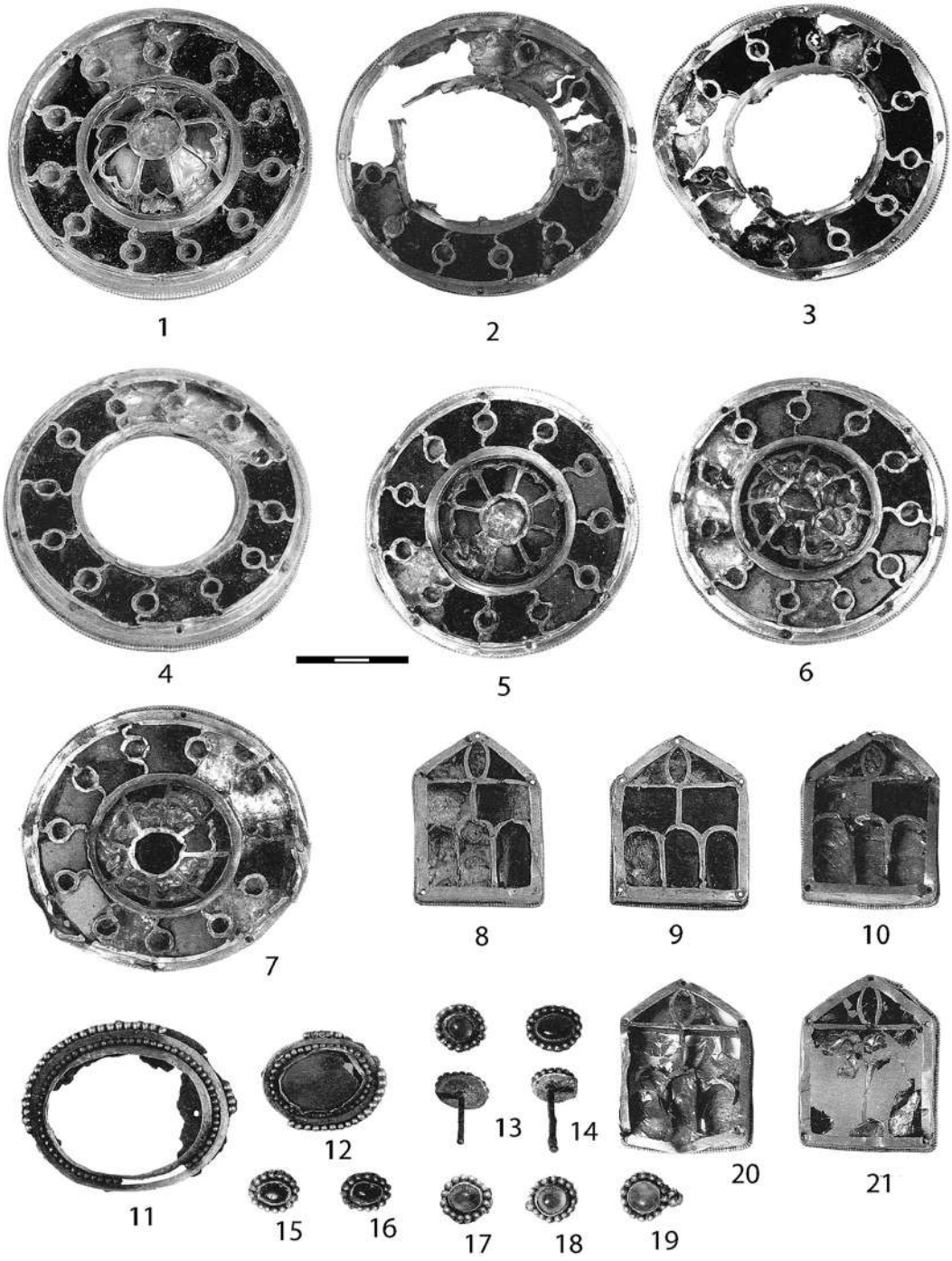

Рис. 11. Морской Чулек, погр. 2 (№ 2.1) [по: 31, табл. IV–VIII]

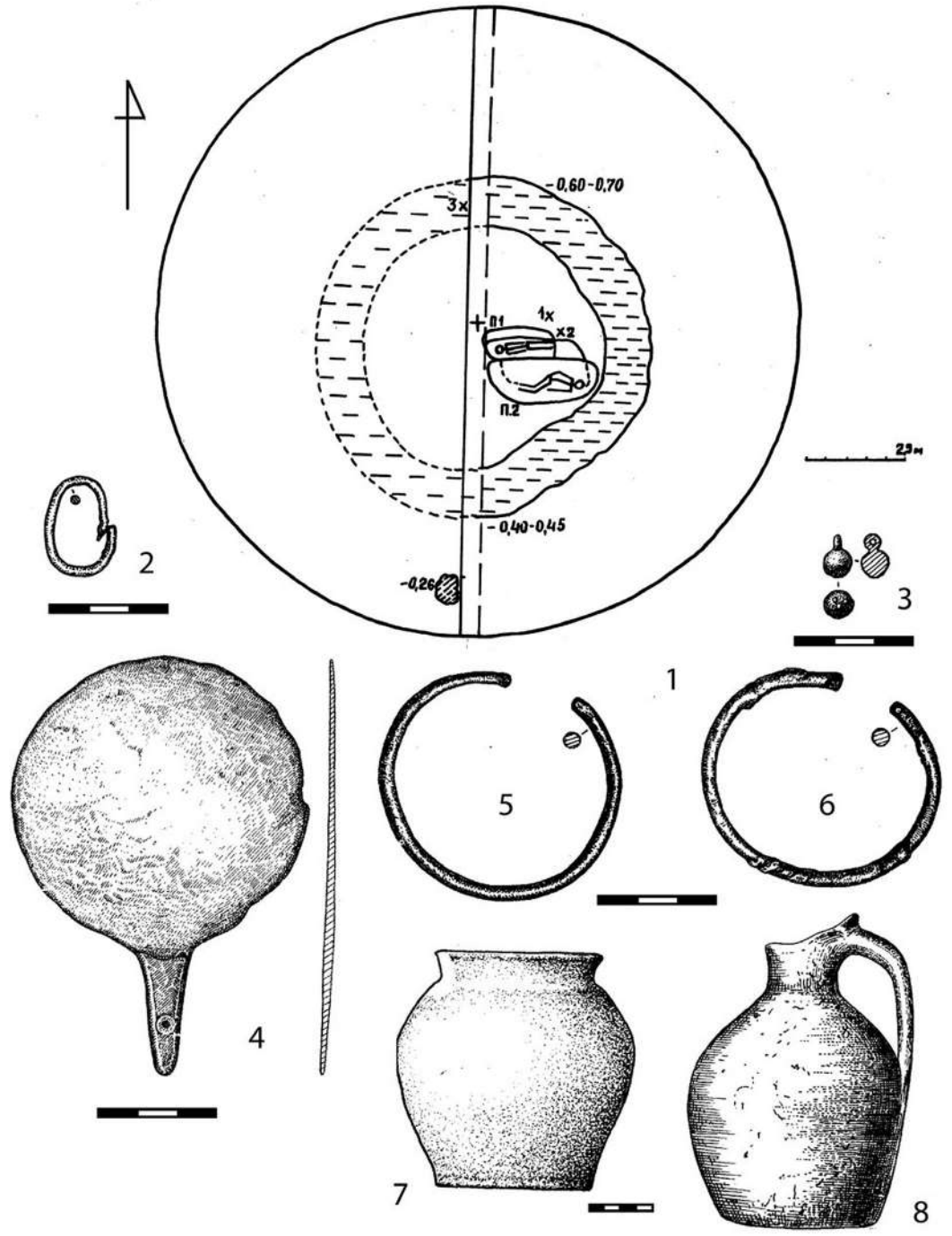

Рис. 12. Ясырев I, курган 2, погр. 1 (№ 2.2) [по: 71, табл. II,6,7,9–11; V; VI,1,2]

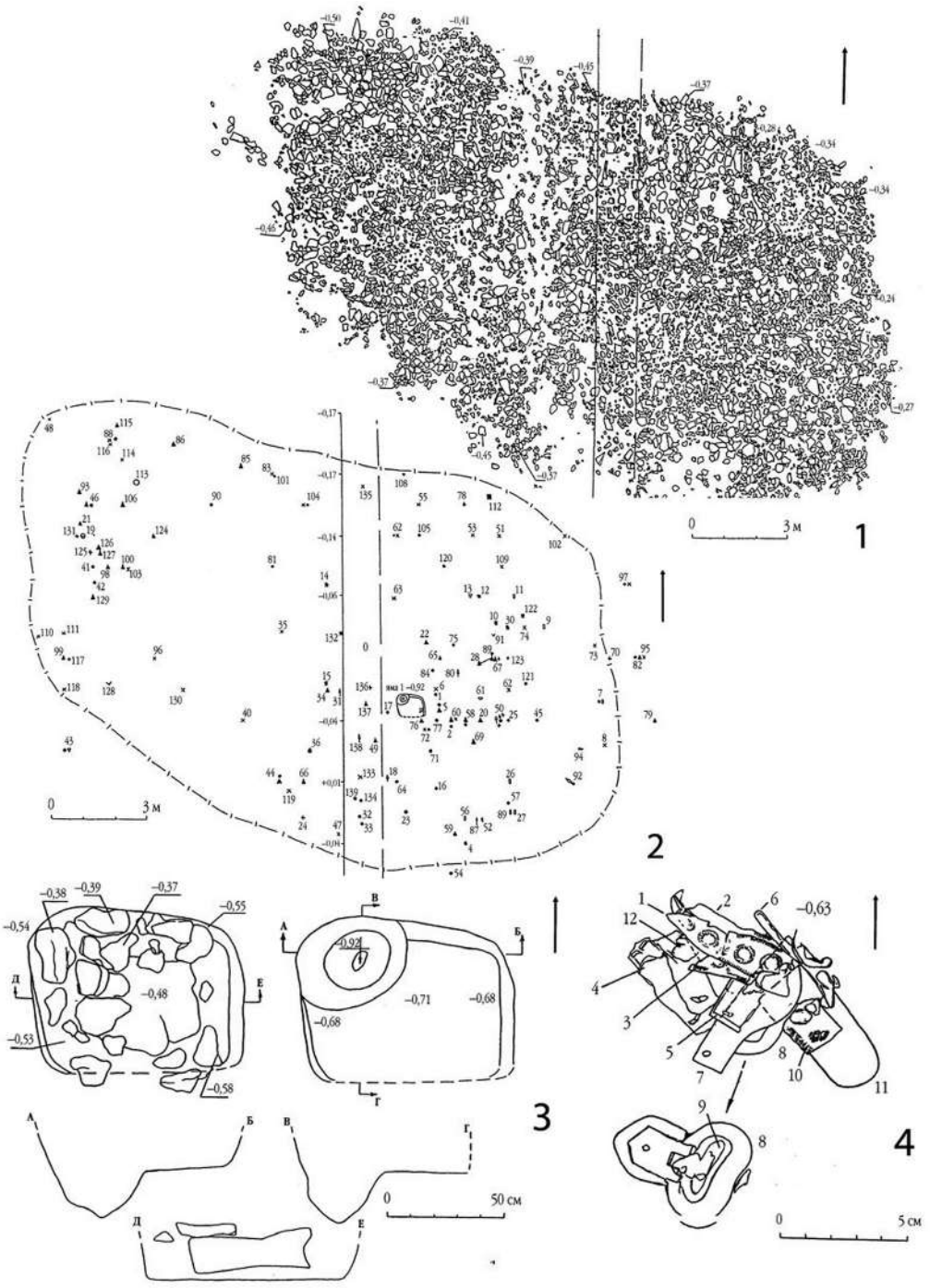

Рис. 13. Ливенцовский VII, курган 35 (№ 2.4) [по: 12, рис. 1–3]

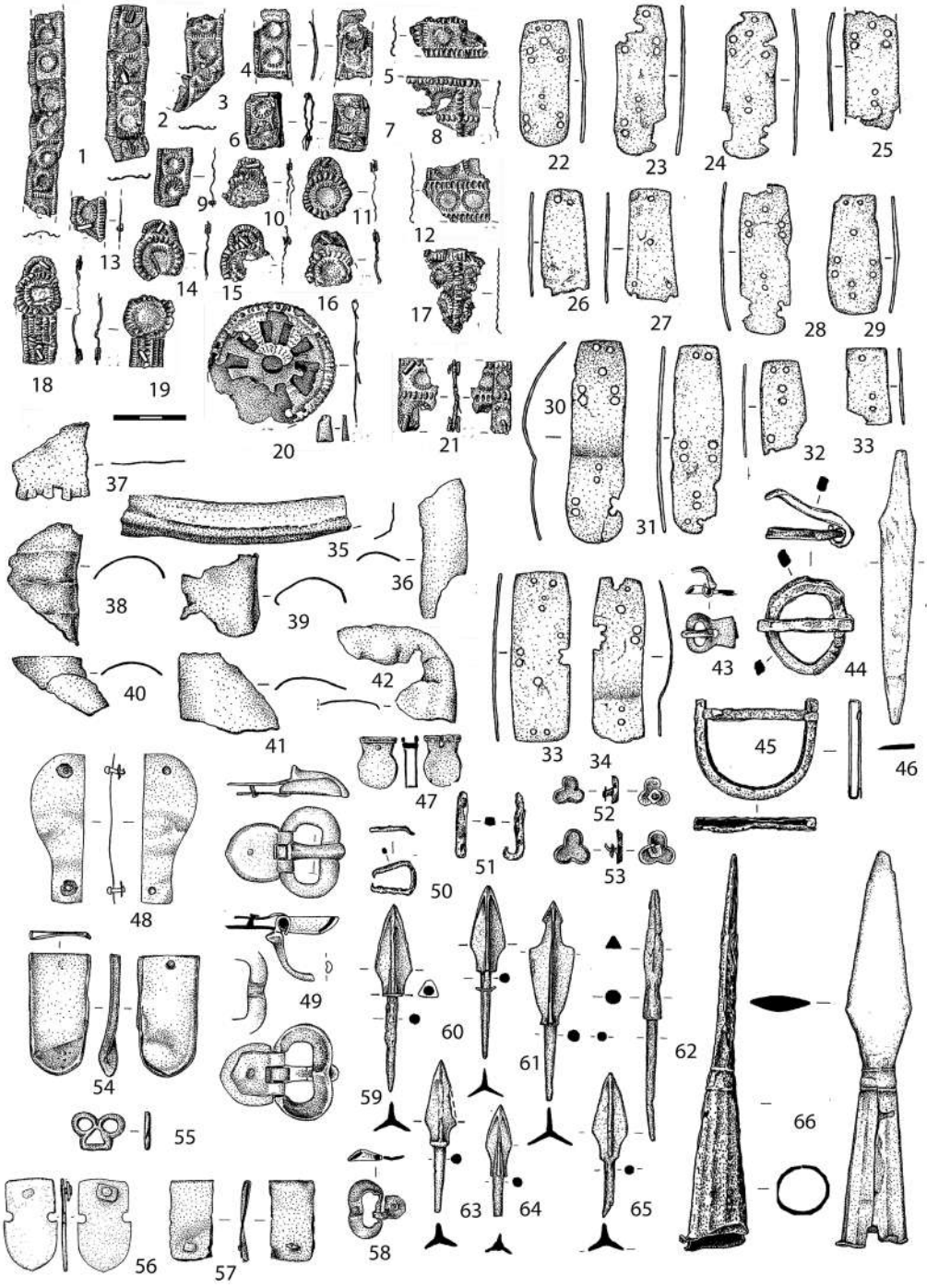

Рис. 14. Ливенцовский VII, курган 35 (№ 2.4) [по: 12, рис. 4–9]

Рис. 15. Михаэльсфельд – Джигинская (№ 4.1) [по: 30, илл. 3–7]

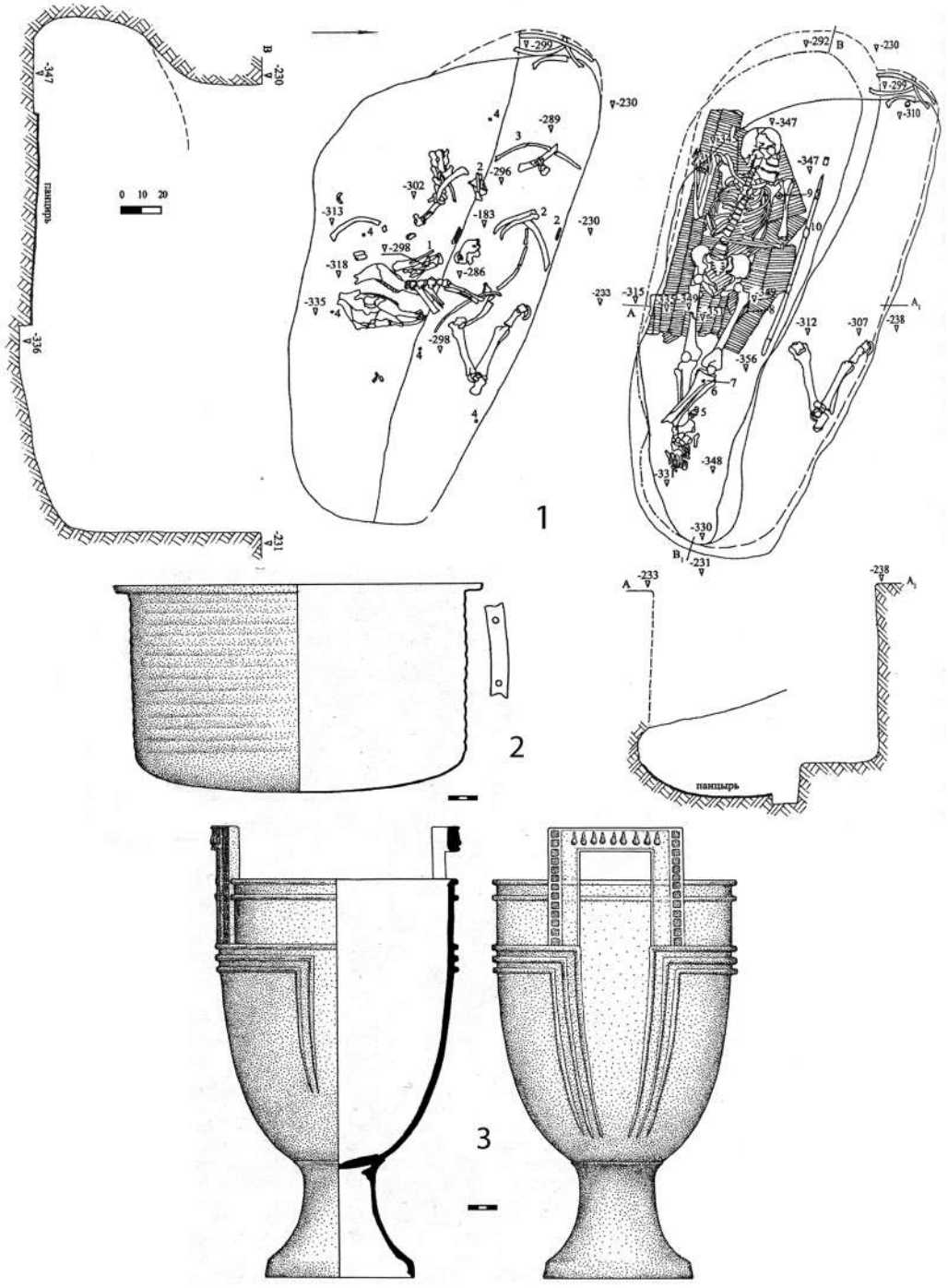

Рис. 16. Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) [по: 64, рис. 4, 5]

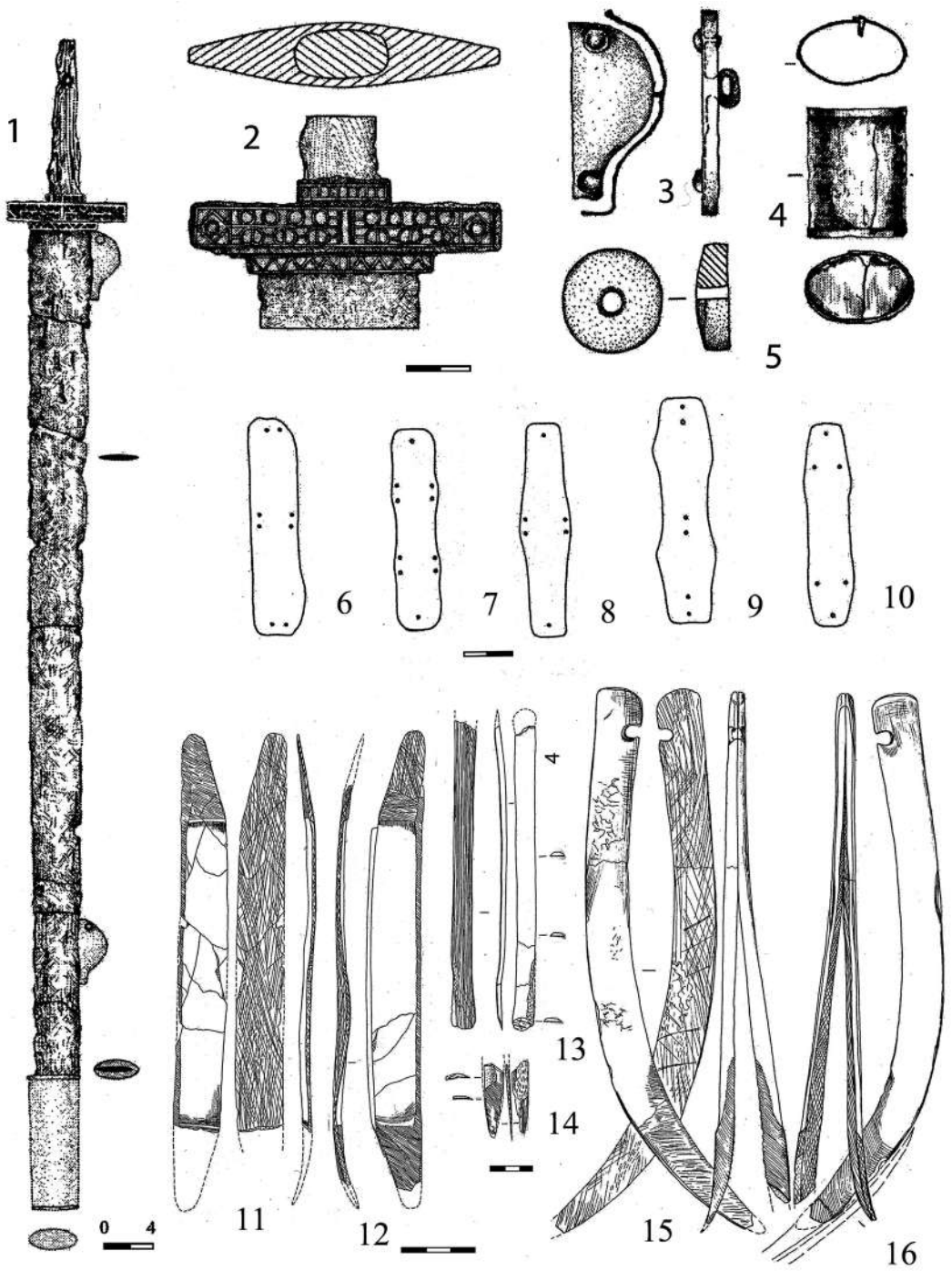

Рис. 17. Малаи, курган 1, погр. 12 (№ 4.2) [по: 64, рис. 6, 7, 10, 11]

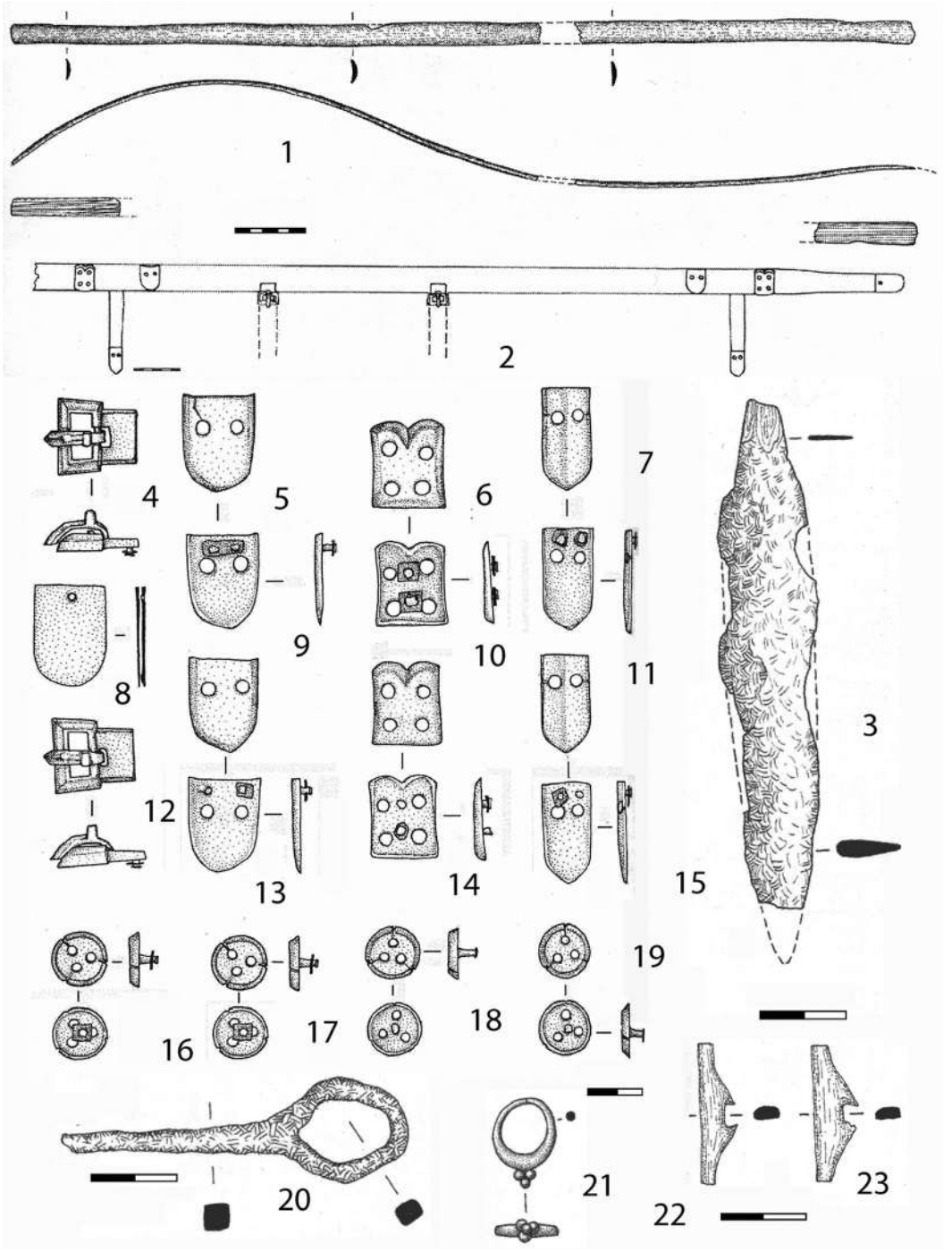

Рис. 18. Малаи, курган 1, погр. 12. (№ 4.2) [по: 64, рис. 8, 9, 12]

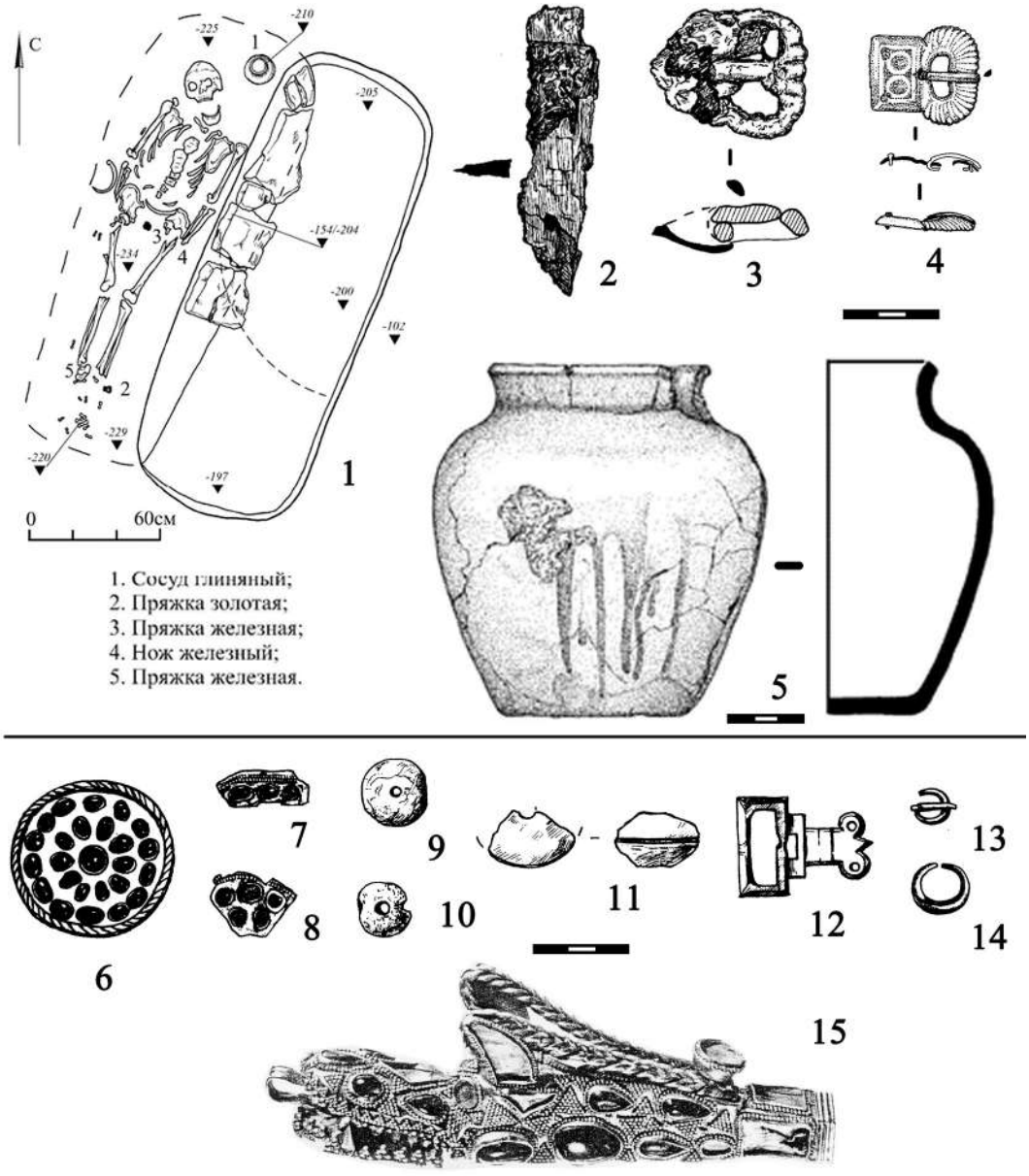

Рис. 19. Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (№ 4.3) (1–5), Татарка, балка Каряжка (№ 4.4) (6–15).
1–5 – [по: 65, рис. 1], 6–14 – [по: 26, табл. 17,3–12; 18,2]

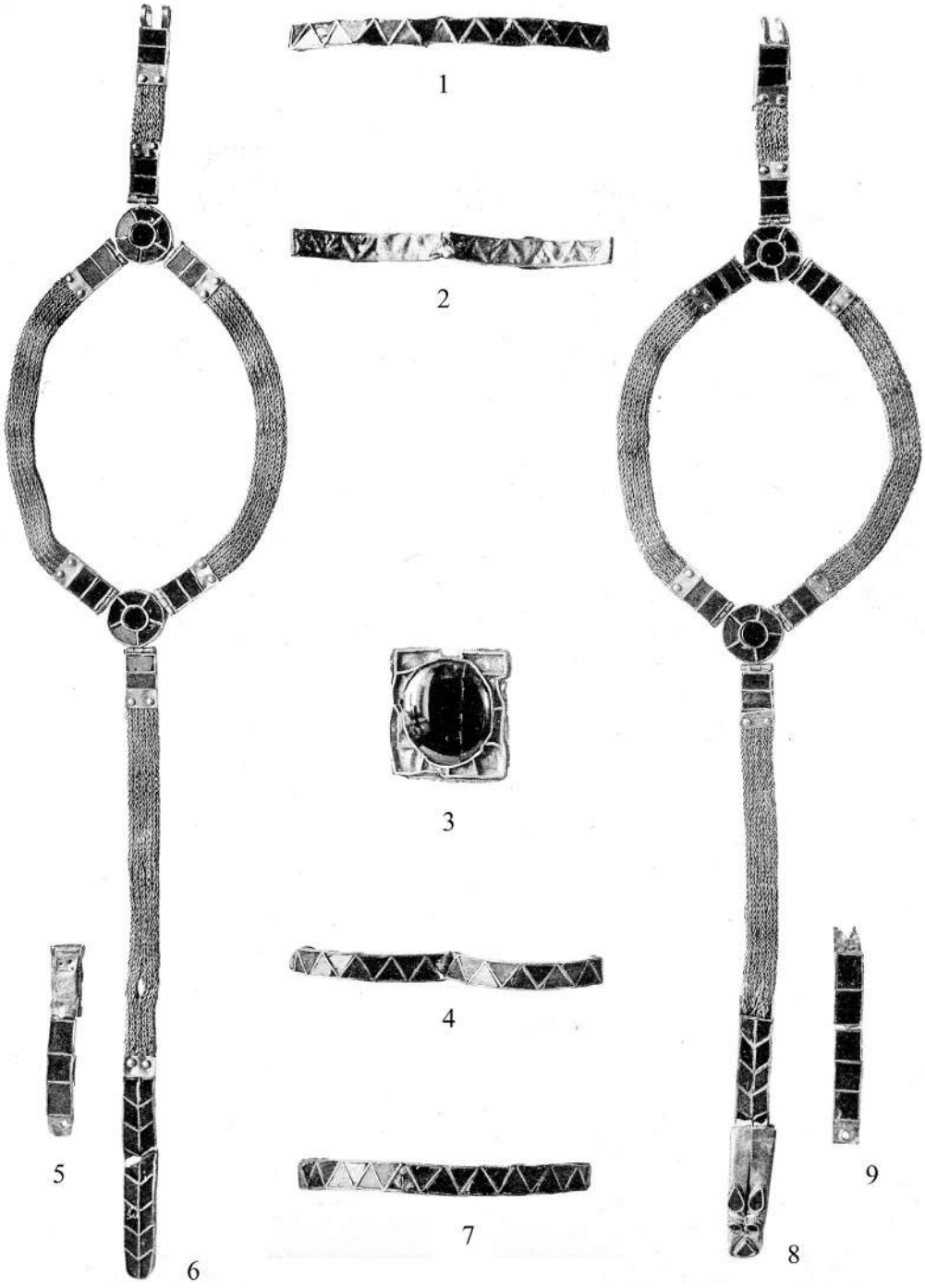

Рис. 20. Хасав-Юрт (№ 4.5) [по: 128, fig. 25]

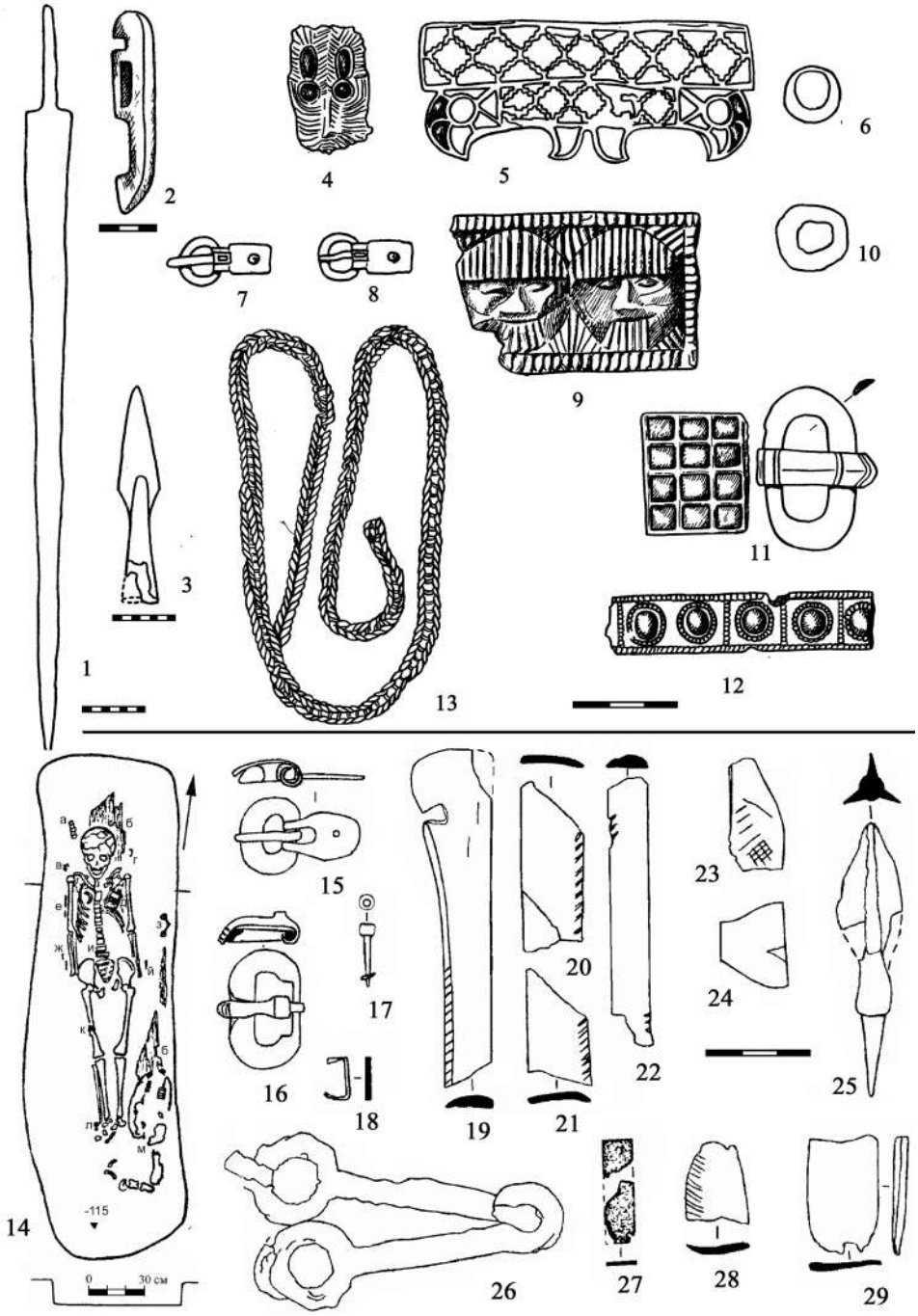

Рис. 21. Покровск-Восход (№ 5.2) (1–13), Царева, курган 66, погр. 2 (№ 5.4) (14–29).
1–13 – [по: 26, табл. 32], 14–29 – [по: 57, рис. 8]

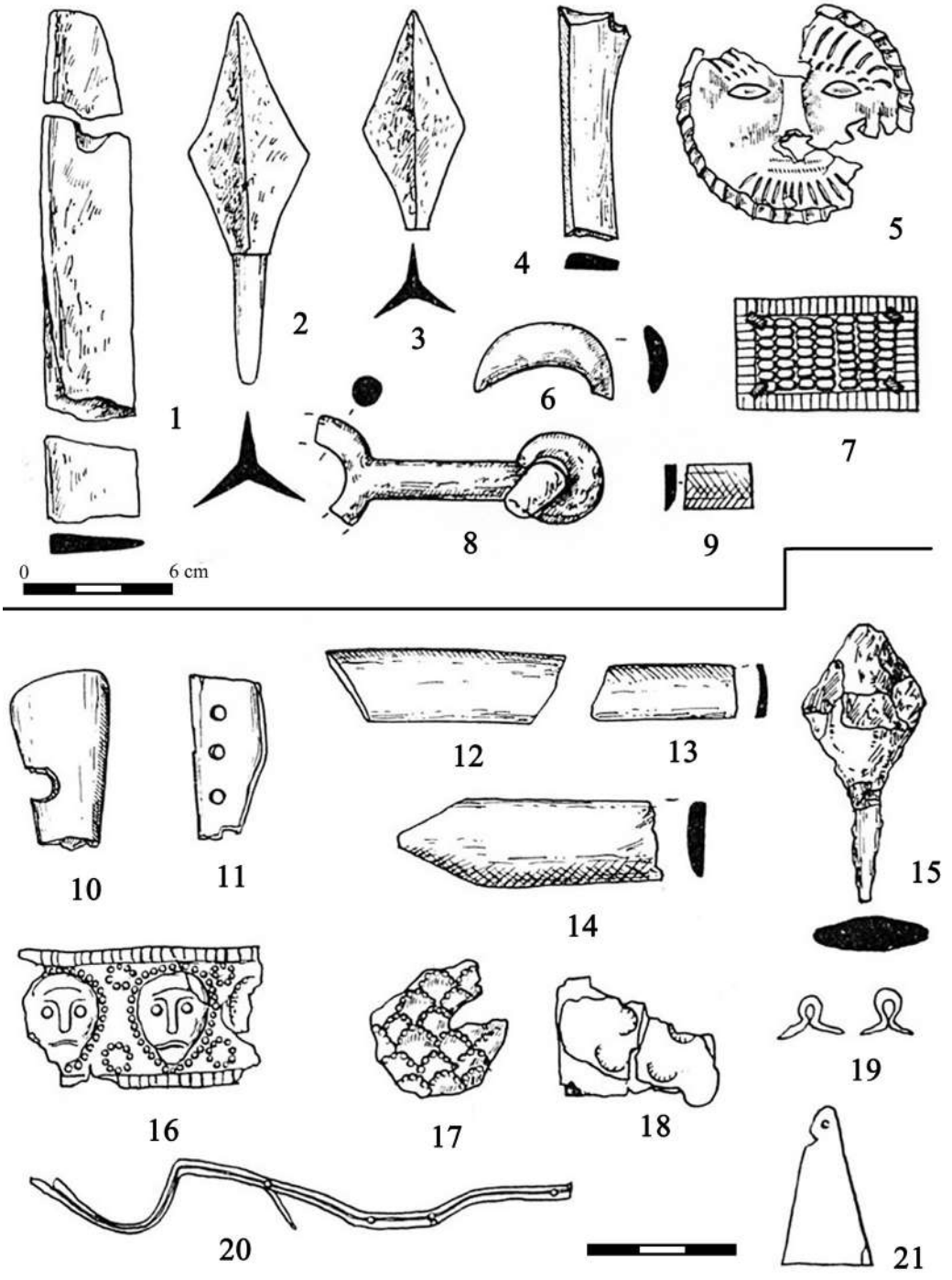

Рис. 22. Покровск, курган 17 (1–9), курган 18 (10–21) (№ 5.1) [по: 26, табл. 31]

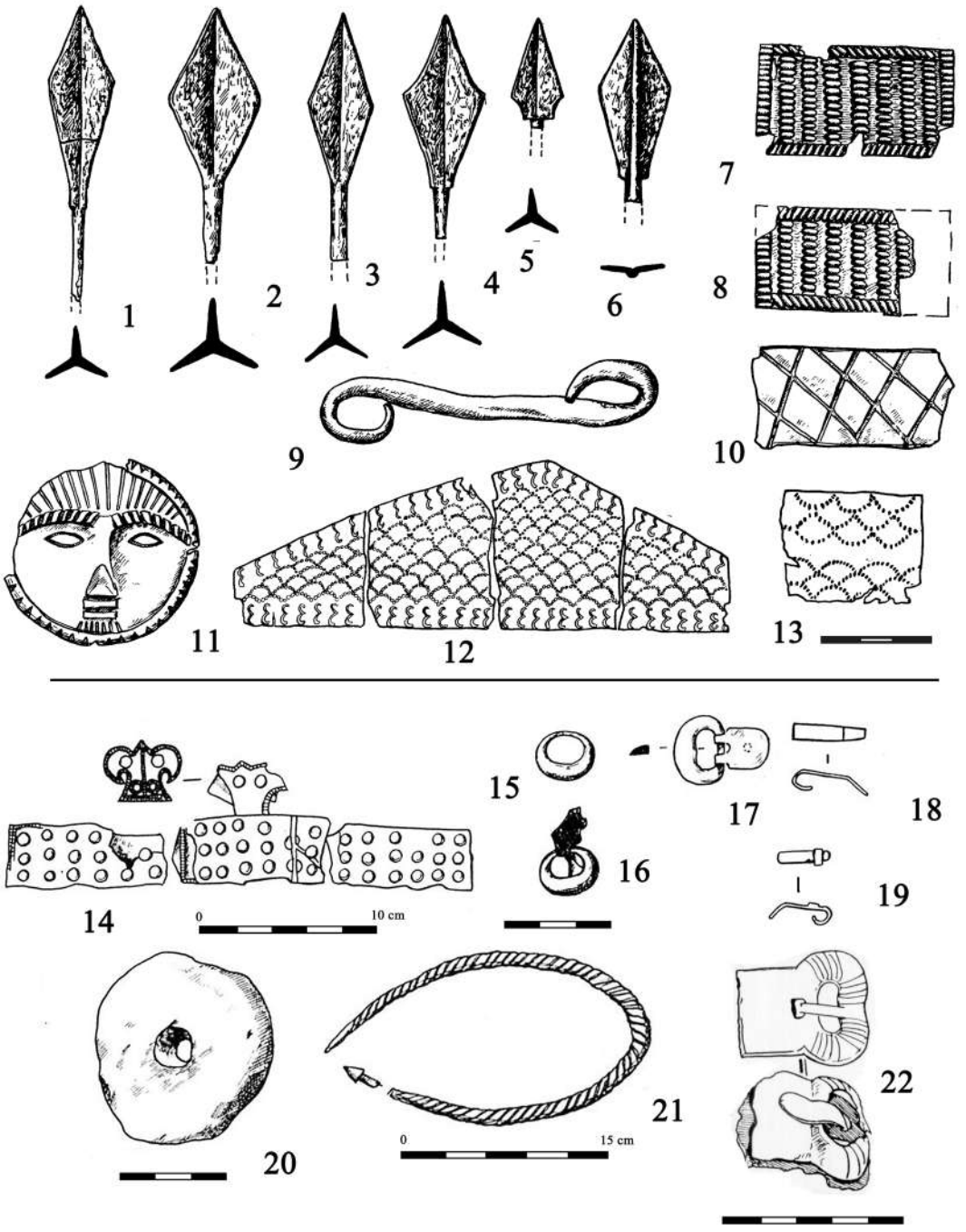

Рис. 23. Владимирское, курган 4, погр. 2 (№ 5.3) (1–13), Шипово, курган 2 (№ 6.1) (14–22).
1–21 – [по: 26, табл. 35, 42], 22 – [по: 4, рис. 32,1]

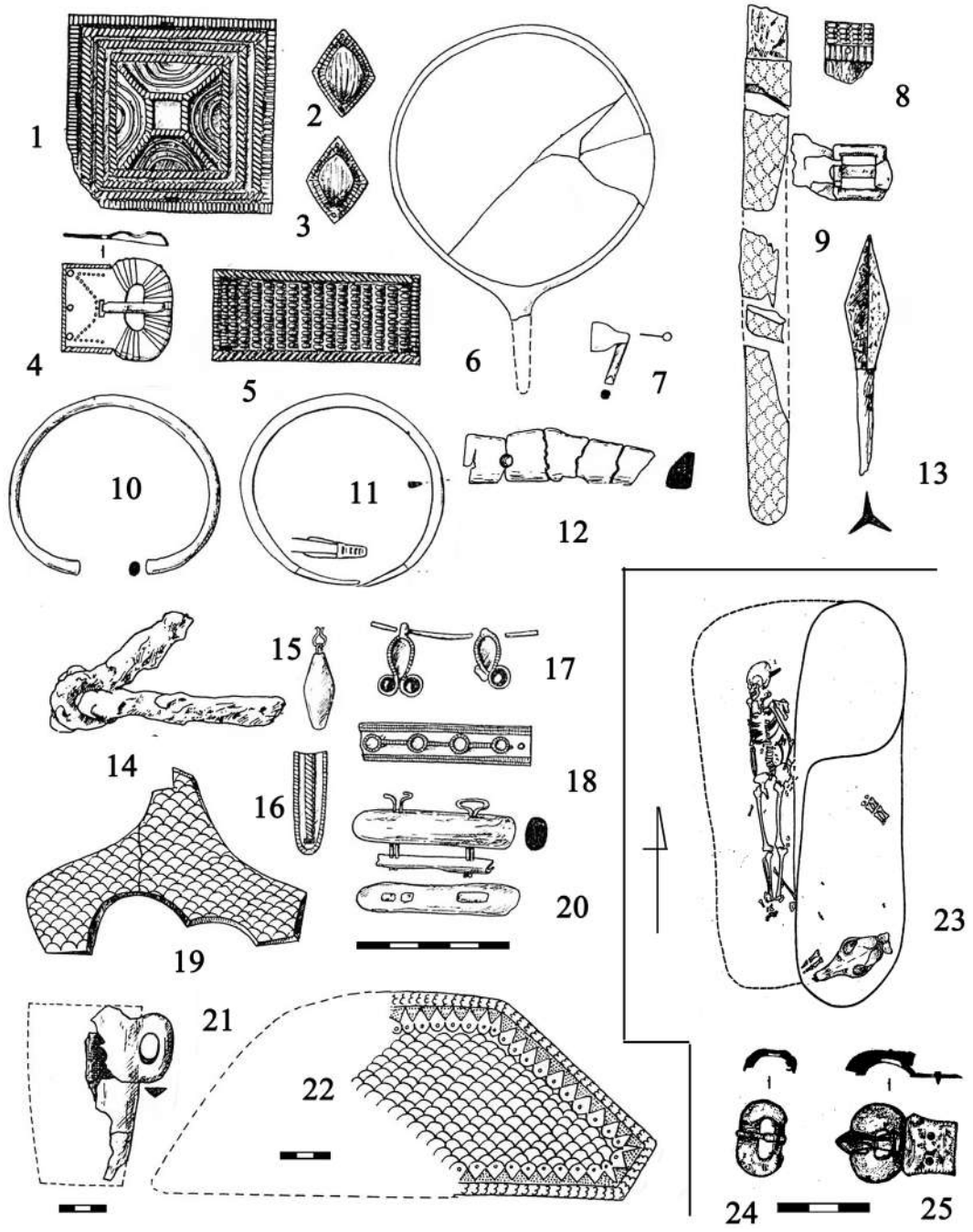

Рис. 24. Шипово, курган 3 (№ 6.1) (1–22); Каменный Амбар-5, погр. 6 (№ 6.2) (22–25).
1–22 – [по: 26, табл. 40, 41], 22–25 – [по: 58, рис. 2,2,3; 3,2]

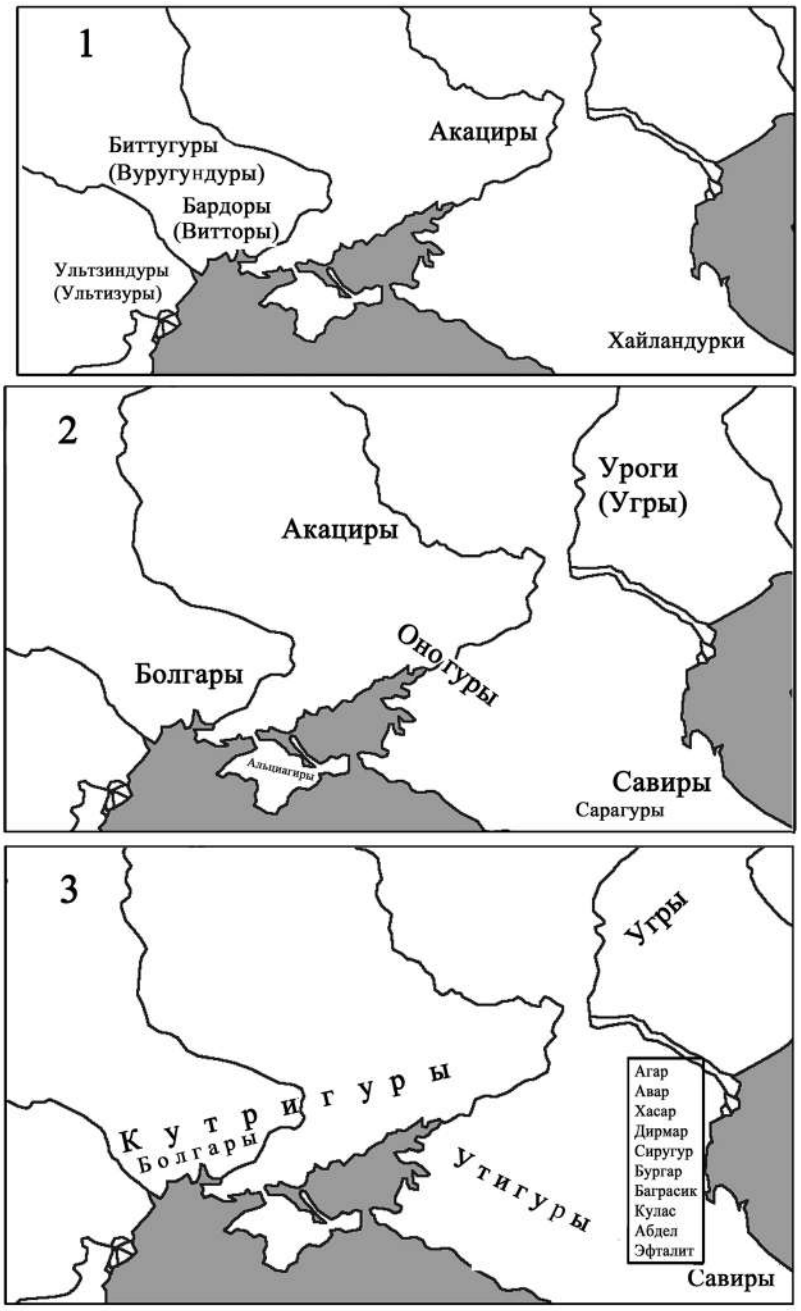

Рис. 25. Географическая локализация степных кочевников постгуннского времени по данным письменных источников.
1 – 450-460-е гг.; 2 – 460/480-е – 540-е гг.; 3 – около 550 г. В рамке – список кочевых народов по Захарии Ритору, локализация которых не всегда возможна

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. и комм. М.В. Левченко. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 222 с.
2. Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV – VI вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 206–210.
3. Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 204–222.
4. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
5. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
6. Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347–470.
7. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
8. Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 19–48.
9. Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 168–202.
10. Баранов И.А. Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму // СА. 1973. № 3. С. 243–245.
11. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (По материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
12. Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
13. Божилов И., Димитров Х. Protobulgarica (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // Byzantino-Bulgarica. 1995. Т. 9. С. 7–61.
14. Буров Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья / Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, 1985. С. 11–130.
15. Вернер И. Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты позднеримского времени (с приложением работы Людвига Паули) // Stratum plus. 2013. № 4. С. 315–350.
16. Винокур І.С. Слов'янські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський: Oium, 1997. 200 с.
17. Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ, 2014. 184 с.
18. Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 111–113.
19. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 216 с.
20. Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.
21. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 212–229.
22. Дзиговский А.Н., Савельев О.К. Гунны // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Ред. И.В. Бруяко. Одесса, 2013. С. 696–703.
23. Ермолин А.Л. Кроваво-золотой стиль «клуазоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен / Ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 70–77.
24. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.

25. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.
26. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. 222 с.
27. Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Ред. К.И. Ташбаева, Д.Ф. Винник. Бишкек: Илим, 1995. С. 95–110.
28. Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 142–146.
29. Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI – VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2008. Вып. XX. С. 5–208.
30. Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. 2010. Вып. 38. С. 123–159.
31. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
32. Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. «Марфовский клад» 1925 года: публикация архивных материалов // Stratum plus. 2017. № 4. С. 395–410.
33. Иоанн Малала. Хронография // Прокопий. Война с персами. Война с вандалами. Тайная История / Пер. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 465–503.
34. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Латинский текст, вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 508 с.
35. Кадиева А.А., Демиденко С.В. Золотые украшения с полихромной инкрустацией из княжеского погребения второй половины V – VI в. в могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 47–57.
36. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 97–150.
37. Казанский М.М. Хронология начальной фазы некрополя Дюрсо // Историко-археологический альманах. 2001. Вып. 7. С. 41–58.
38. Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122–141.
39. Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. 2011. Вып. 1. С. 27–49.
40. Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
41. Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43–95.
42. Казанский М.М. Оногуры в пост-гуннское время на Дону // Дивногорский сборник. 2016. Вып. 6. С. 96–111.
43. Казанский М.М. Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь, Керчь, 2017. С. 218–229.
44. Казанский М.М. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / Ed. A. Korom. Budapest, 2018. С. 393–408.

45. Казанский М.М. Центры власти у гунно-болгар Причерноморья в постгуннское время // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 100–119.
46. Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // Stratum plus. 2018. № 4. С. 83–118.
47. Казанский М.М. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 105–124.
48. Казанский М.М. О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Том 2 / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2019. С. 15–34.
49. Казанский М.М. Гуннская диадема с горы Митридат и ее культурно-исторический контекст // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь, Керчь, 2020. С. 152–159.
50. Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
51. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. 2010. Вып. 5. С. 93–104.
52. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.
53. Казанский М.М., Перен П. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // КСИА. 2005. Вып. 218. С. 24–42.
54. Капошина С.И. Золотые серьги из Ольвии // КСИА. 1950. Вып. 33. С. 103–109.
55. Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И. Катакомбное погребение в ущелье Шамси // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том II / Ред. С.В. Болелов, В.Б. Кольченко. Самарканд: Международный Институт Центральноазиатских исследований, 2015. С. 130–157.
56. Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев, Судак: Академпериодика, 2004. С. 169–200.
57. Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 87–117.
58. Костюков В.П. Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала / Ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 151–160.
59. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 64 с. (САИ, Вып. Е 4-4).
60. Кругликова И.Т. Погребение IV–V вв. н.э. у дер. Айвазовское // СА. 1957. № 2. С. 253–257.
61. Кубарев Г.В., Журавлев Д.В. Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т. 11, Вып. 5. С. 135–146.
62. Курган с «усами» Солончанка I / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1999. 152 с.
63. Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск IV. Джетыасарская культура. Часть 3–4. Могильники Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 312 с.
64. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения из курганов степного Прикубанья // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 417–442.
65. Ляхов С.В., Мячин С.В. Кочевническое погребение «постгуннского» времени в с. Тугулук Ставропольского края // Археология Восточноевропейской степи. 2010. Вып. 8. С. 225–230.
66. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
67. Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Верхнего Дона // Дивногорский сборник. 2016. Вып. 6. С. 241–254.

68. Мастыкова А.В. Центрально-азиатские зеркала у кочевников постгуннского времени в Восточной Европе // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / Ed. A. Korom. Budapest, 2018. С. 409–418.
69. Мастыкова А.В., Земцов Г.Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 200–222.
70. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник № 1. Том 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М., СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
71. Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I / Ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1974. С. 21–127.
72. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
73. Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. 2002. Вып. I (XXVI). С. 223–323.
74. Обломский А.М. Антропоморфные амулеты из верховьев р. Воронеж. К вопросу о южных связях населения региона в VI–VII вв. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том 1 / Ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019. С. 212–217.
75. Паламарчук С.В., Фокеев М.М. Вещевой комплекс Ялпугского клада // Древнее Причерноморье. 2011. Т. IX. С. 366–382.
76. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.
77. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 190 с.
78. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.
79. Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 810–847.
80. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
81. Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступ. ст. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 7–144.
82. Прокопий Кесарийский. Война с вандалами // Прокопий Кесарийский, Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступ. ст. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 147–258.
83. Равеннский Аноним. Космография // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. С. 161–286.
84. Ратнер И.Д., Костюк Л.И. Древности Херсонщины. Симферополь: Таврия, 1989. 110 с.
85. Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. В. Търново: Фабер, 2000. 192 с.
86. Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2001. T. 11. P. 219–338.
87. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I. (I–VI вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 472 с.
88. Скалон К.М. Изображение дракона в искусстве IV–V веков // СГЭ. 1962. Вып. 27. С. 40–43.
89. Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья / Ред. С.Г. Басин. Куйбышев, 1979. С. 164–174.
90. Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А. Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2012. Вып. IV. С. 22–46.
91. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время. Киев: Наукова думка, 1992. 128 с.

92. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск третий. Древности времен переселения народов. СПб., 1890. 158 с.
93. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 156 с.
94. Трейстер М.Ю. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н.э. – первых веках нашей эры // Stratum plus. 2018. № 4. С. 153–200.
95. Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
96. Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. С. 17–144.
97. Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А. Концешти: княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 244 с.
98. Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. Двадцать лет исследований могильника Нейзац / Ред. Н.И. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 194–229.
99. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Insititut der UAW, 2000. P. 13–70.
100. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Asaociation française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 207–216.
101. Altheim F. Attila et les Huns. Paris: Payot, 1952. 230 p.
102. Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts. Wessbach: Beier & Beran, 1998. Teil I. 222 S.; Teil II. 156 S., 139 Taf.
103. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 230 p.
104. Anazawa W., Manome J. The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Wetern Connections // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Balint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologtisches Institut der UAW, 2000. P. 71–87.
105. Baldini L.I., Pinar G.J. Osservazioni sul tesoro di Reggio Emilia // L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI / Eds. C. Ebanista, M. Rotil. Cimitile: Tavolario edizioni, 2010. P. 113–128.
106. Bărbulescu M. Mormântul princiar germanic de la Turda. Cluj-Napoca: Tribuna, 2008. 388 p.
107. Bavant B., Ivanišević V. Catalogue des objets des fouilles anciennes // Bavant B., Ivanišević V. Caričin Grad IV. Catalogue des fouilles anciennes et autres études. Rome, Belgrade: Ecole française de Rome; Institut archéologique de Belgrade, 2019. P. 1–298. (Collection de l'Ecole française de Rome, 75/4).
108. Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1975. 380 S.
109. Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.
110. Bugarski I. A Contribution to the Study of Lamellar Armours // Starinar. 2005. T. LV. P. 161–179.
111. Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.
112. Dentzer-Feydy J., Teixidor J. Les antiquités de Palmyre au Musée du Louvre. Paris: Réunion des Musées Nationaux, 1993. 256 p.
113. Die Franken. Wegbereiter Europas / Hrsg. A. Wieczorek, P. Perin, K. von Welck, W. Menghin. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. 1143 S.
114. Doxiadis E. The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 1995. 248 p.
115. Fingerlin G. Eine Schnalle mediterraner Form aus de Reihengräberfeld Güttingen, Ldkrs. Konstanz // Badische Fundberichte. 1967. Bd. 23. S. 159–184.

116. Garam E. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2001. 250 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5).
117. Hagberg U.E. The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement of Öland, Sweden. Sotckholm: Almqvist & Wiksell, 1967. 152 p.
118. Harmatta J. The Golden Bow of the Huns // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae. 1951. T. 1. P. 107–151.
119. Haussig H.W. Histoire de la civilisation byzantine. Paris: Librairie Jules Tallandier, 1971. 462 p.
120. Henriksen M.B., Horsnæs H.W. Guldskatten fra Boltinggård Skov på Midtfyn // Fynske Minder. 2004. S. 123–151.
121. Johannis Antiocheni. Frangmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum IV / Ed. C. Müller. Paris, 1851. P. 534–622.
122. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie Médiévale. 1994. Vol. XXIV. P. 137–198.
123. Kazanski M. Qal'at Sem'an. IV: Rapport final. 3: Les objets métalliques. Beyrout: Institut français du Proche -Orient, 2003. 152 p. (Bibliothèque archéologique et historique).
124. Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V).
125. Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G.H. Jeute. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010. S. 225–238. (Internationale Archäologie, Studia Honoraria; 31).
126. Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales / Dir. S. Lazaris. Turnhaut: Brepols, 2012. P. 193–199, 287–296.
127. Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // Studia Romana et Mediævalia Europæ nsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata / Eds. D. Aparaschivei, G. Bilavschi. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I", 2018. P. 169–187.
128. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 1999. Bd .5. P. 523–573.
129. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky Brno, 2002. P. 159–194.
130. Kazanski M., Périn P. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. 1988. Vol. 3–4. P. 13–38.
131. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
132. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? // Travaux et Mémoires. 2005. Vol. 15. P. 287–298.
133. Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1998. Bd. 45. S. 571–598.
134. Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1999. Bd. 29. S. 407–423.
135. Kovrig I. Das Diadem von Csorna // Folia Archaeologica. 1985. T. XXXVI. S. 107–145.
136. Laszlo G. The Significance of the Hun Golden Bow // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1951. T. 1. P. 91–104.
137. Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association frnaçaise d'archéologie mérovingienne, 2016. 72 p.

138. Levada M., Saveliev O. Découverte “princière” de l’époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danube). Note préliminaire // Přehled výzkumů. 2017. Vol. 58-1. P. 85–89.
139. L’Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 223 p.
140. Splendeur des Sassanides. L’empire perse entre Rome et la Chine (224–642) / Coord. B. Overlaed. Bruxelles: Musées royaux d’Art et d’Histoire, 1993. 310 p.
141. Paulsen P. Alamnnische Adelsgräber von Niederstotzingen (Kreis Heidenheim). Stuttgart: Verlag Müller & Gräff, 1967. 246 S.
142. Périn P. Les tombes des “chefs” du début de l’époque mérovingienne // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d’archéologie mérovingienne, 1995. P. 247–300.
143. Périn P., Kazanski M. Das Grab Childerichs Männerkleudung und Bawaffnung im Wandel der Zeit // Die Franken. Wegbereiter Europas / Hrsg. A. Wieczorek, P. Perin, K. von Welck, W. Menghin. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. S. 173–182, 707–711.
144. Pilet C., Buchet L., Kazanski M. Derniers vestiges culturels des “peuples barbares”. La mode “danubienne” // Pilet C. et al. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados). Paris: CNRS Editions, 1994. P. 96–111.
145. Paul Diacre. Histoire des Lombards / Ed. F. Bougard. Tournhaut: Brepols, 1994. 208 p.
146. Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M. Hunnenzeitlicher Schmuck aus der Shatzkammer des Höhlenklosters “Pečerskaja Lavra” in Kiev (Ukraine) // Eurasia Antiqua. 2004. Bd. 10. S. 333–358.
147. Quast D. Byzantinisch-gepidische Kointakte nach 454 im Spiegel der Kleinfunde // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. / Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód-Nyíregyáza: Jósa András Museum, 2001. S. 431–452.
148. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzance: Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2007. Bd. 39. S. 35–64.
149. Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Volume Two. Washington: Dumbarton Oaks Center or Byzantine Studies, 1965. 144 p.
150. Sozomène. Histoire ecclésiastique. Livres VIII–IX / Ed. A.-J. Festigière, B. Grillet, G. Sabban. Paris: Cerf, 1996. 488 p. (Sources chrétiennes, 418).
151. Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011. 466 S.
152. Victor Tonnannensis episcopi chronca a. CCCCXL–DCXII // Chronica minora II. Saec. IV.V.VI.VII / Hrsg. T. Mommsen. Berlin: Weidmann, 1894. (MGH Scriptores. Auctores antiquissimi, 11).
153. Vierck H. *Imitatio imperii* und *interpretatio Germanica* vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) / Dir. R. Zeitler. Uppsala: Almqvist & Wiksell International, 1981. S. 64–113. (Acta Universitatis Upsaliensis. Figura. Nova Series, 19).
154. Vizcaíno Sánchez J. Early Byzantine Lamllar Armour from Carthago Spartaria (Cartagena, Spain) // Gladius. 2008. T. XXVIII. P. 195–210.
155. von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia // Germania. 1995. Bd. 73/1. S. 151–155.
156. von Carnap-Bornheim C. Germanische Rangabzeichen im reiternomadischen Milieu des 4. und 5. Jahrhunderts – oder ist eine “Gotisierung” der “Hunnen” archäologisch nachweisbar? // Antaeus. 1999. T. 24. S. 127–147, 645–650.
157. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. A. Textteil. 138 S.; B. Tafelteil. 74 Taf.
158. Werner J. Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1988. 20 S.

159. Zaseckaja I.P. To the Dating of the Dagger from Borovoye-Lake find in Kazakhstan // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 437–443.
160. Zosime. Histoire nouvelle. Livre V / éd. F. Paschoud. Paris: Les Belles Lettres, 1986. 422 p.

REFERENCES

1. *Agafii. O tsarstvovanii Iustiniana.* Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1953, 222 p.
2. Aibabin A.I. Pogrebeniia kochevnicheskoi znati v Krymu kontsa IV–VI vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 206–210.
3. Ambroz A.K. O Voznesenskom komplekse VIII v. na Dnepre – vopros interpretatsii. Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Eds.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 204–222.
4. Ambroz A.K. *Khronologiia drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1989, 134 p.
5. Artamonov M.I. *Istoriia khazar.* Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1962, 524 p.
6. Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S. Ritual'nye sooruzheniia gunnskogo vremeni na Mangyshlake. *Stratum plus*, 2018, No. 4, pp. 347–470.
7. Afanas'ev G.E., Runich A.P. *Mokraia Balka. Vol. 1. Dnevnik raskopok.* Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2001, 252 p.
8. Akhmedov I.R. Metallicheskie detali dekora zhestkikh sedel Vostochnoi Evropy gunnskogo i postgunnskogo vremeni. K izucheniiu voprosov proiskhozhdeniia i klassifikatsii. Zhuravlev D.V., Firsov K.B. (Eds.), *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia. Pamiati Iriny Ivanovny Gushchinoi*, Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Publ., 2012, pp. 19–48.
9. Akhmedov I.R., Kazanskii M.M. Posle Attily. Kievskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst. Goriunova V.M., Shcheglova O.A. (Eds.), *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e*, St-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004, pp. 168–202.
10. Baranov I.A. Pogrebenie V v. n.e. v Severo-Vostochnom Krymu. *Sovetskaia arkheologiia*, 1973, No. 3, pp. 243–245.
11. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (Po materialam Podon'ia). Guguev Iu.K. (Ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*, Rostov-na-Donu, Terra Publ., 2000, pp. 169–193.
12. Bezuglov S.I., Il'iukov L.S. Pamiatnik pozdnegunnskoi epokhi v ust'e Dona. Guguev Iu.K. (Ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona*, Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 25–48.
13. Bozhilov I., Dimitrov Kh. Protobulgarica (Zametki po istorii protobolgar do serediny IX v.). *Byzantino-Bulgarica*, 1995, T. 9, pp. 7–61.
14. Burov G.M. Imen'kovskaia kul'tura v Ul'ianovskom Povolzh'e. Matveeva G.I. (Ed.), *Drevnosti Srednego Povolzh'ia*, Kuibyshev, 1985, pp. 11–130.
15. Verner I. Zolotoi braslet korolia frankov Khil'derika i germanskie braslety pozdnerimskogo vremeni (s prilozheniem raboty Liudviga Pauli). *Stratum plus*, 2013, No. 4, pp. 315–350.
16. Vinokur I.C. *Slov'ians'ki iuveliri Podnistrov'ia*. Kam'ianets-Podil's'kii, Oium Publ., 1997, 200 p.
17. Gabuev T.A. *Alanskie kniazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoi Osetii.* Vladikavkaz, 2014, 184 p.
18. Gavrilov A.V. Pogrebenie kochevnika na antichnom poselenii v Vostochnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1996, Vol. V, pp. 111–113.
19. Gadlo A.V. *Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IV–X vv.* Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 1979, 216 p.
20. Dashevskaia O.D. *Nekropol' Beliausa.* Simferopol, Predpriiatie Feniks Publ., 2014, 284 p.
21. Dmitriev A.V. Pogrebeniia vsadnikov i boevykh konei v mogil'nike epokhi pereseleniia narodov na r. Diurso bliz Novorossiiska. *Sovetskaia arkheologiia,* 1979, No. 4, pp. 212–229.
22. Dzigovskii A.N., Savel'ev O.K. Gunny. Bruiako I.V. (Ed.), *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia*, Odessa, 2013, pp. 696–703.

23. Ermolin A.L. Krovavo-zolotoi stil' «kluazone» v iuvelirnykh izdeliiakh Bospora (po materialam nekropolia Dzhurga-Oba). Zuev V.Iu. (Ed.), *Bosporskii fenomen*, St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, pp. 70–77.
24. Zalesskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov.* St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 272 p.
25. Zasetskaia I.P. Materialy Bosporskogo nekropolia vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 23–105.
26. Zasetskaia I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV – V vv.).* St-Petersburg, Ellips LTD Publ., 1994, 222 p.
27. Zasetskaia I.P. O datirovke pogrebal'nogo kompleksa u ozera Borovogo v Kazakhstane. Tashbaeva K.I., Vinnik D.F. (Eds.), *Iz istorii i arkheologii drevnego Tian'-Shania*, Bishkek, Ilim Publ., 1995, pp. 95–110.
28. Zasetskaia I.P. Klassifikatsiia obkladok lenchikov sedla V – pervoi poloviny VI vv. Zasetskaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu.* St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, pp. 142–146.
29. Zasetskaia I.P. Stekliannaia posuda nekropolia Bospora vtoroi poloviny IV – rubezha VI – VII vv. n.e. (iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha). *Bosporskie issledovaniia*, 2008, Vol. XX, pp. 5–208.
30. Zasetskaia I.P. Mikhael'sfel'd – etalonnyi pamiatnik rannego srednevekov'ia (k voprosu o datirovke i etnokul'turnoi prinadlezhnosti). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha,* 2010, Vol. 38, pp. 123–159.
31. Zasetskaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu.* St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, 212 p.
32. Zastrozhnova E.G., Sharov O.V. «Marfovskii klad» 1925 goda: publikatsiia arkhivnykh materialov. *Stratum plus*, 2017, No. 4, pp. 395–410.
33. Ioann Malala. Khronografiia. Prokopii. *Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia Istoriia*, St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 465–503.
34. *Iordan. O proiskhozhdenii i deianiiakh getov. Getica.* St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, 508 p.
35. Kadieva A.A., Demidenko S.V. Zolotye ukrasheniia s polikhromnoi inkrustatsiei iz kniazheskogo pogrebeniia vtoroi poloviny V – VI v. v mogil'nike Zaiukovo-3 (Kabardino-Balkarskaia Respublika). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAS*, 2019, Vol. 256, pp. 47–57.
36. Kazakov E.P. Kominternovskii II mogil'nik v sisteme drevnostei epokhi tiurkskikh kaganatov. Stashenkov D.A. (Ed.), *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii)*, Samara, 1998, pp. 97–150.
37. Kazanskii M.M. Khronologiia nachal'noi fazy nekropolia Diurso. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh,* 2001, Vol. 7, pp. 41–58.
38. Kazanskii M.M. Rannevizantiiskie mechi s inkrustirovannoi gardoi. Zasetskaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu*, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, pp. 122–141.
39. Kazanskii M.M. Drevnosti postgunnskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy i angiskiry. *Scripta Antiqua*, 2011, Vol. 1, pp. 27–49.
40. Kazanskii M.M. Arkheologicheskaia situatsiia v Srednem Podneprov'e v VII v. Oblomskii A.M. (Ed.), *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov,* Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2014, pp. 45–137.
41. Kazanskii M.M. Vooruzhenie i konskoe snariazhenie slavian V–VII vv. *Stratum plus*, 2015, No. 5, pp. 43–95.
42. Kazanskii M.M. Onogury v post-gunnskoe vremia na Donu. *Divnogorskii sbornik*, 2016, Vol. 6, pp. 96–111.

43. Kazanskii M.M. Priazovskie khunugury, mekhovaia torgovlia i vodnye puti. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti – tovary – otnosheniia"*, Simferopol, Kerch, 2017, pp. 218–229.
44. Kazanskii M.M. Pogrebeniia i «pominal'niki» voinskikh predvoditelei postgunnskogo vremeni v pontiiskikh stepiakh. Korom A. (Ed.), *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér*, Budapest, 2018, pp. 393–408.
45. Kazanskii M.M. Tsentry vlasti u gunno-bolgar Prichernomor'ia v postgunnskoe vremia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 100–119.
46. Kazanskii M.M. Prestizhnye nakhodki i tsentry vlasti postgunnskogo vremeni v Podneprov'e. *Stratum plus*, 2018, No. 4, pp. 83–118.
47. Kazanskii M.M. Khronologicheskie indikatory stepnykh drevnostei postgunnskogo vremeni v Vostochnoi Evrope. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 2019, T. 18, No. 2, pp. 105–124.
48. Kazanskii M.M. O poiavlenii ostrogotov i gepidov v Krymu i na Tamani v VI veke. Alekseenko N.A. (Ed.), *Miry Vizantii. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*, Simferopol, 2019, pp. 15–34.
49. Kazanskii M.M. Gunnskaia diadema s gory Mitridat i ee kul'turno-istoricheskii kontekst. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XXI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob"ekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste"*, Simferopol, Kerch, 2020, pp. 152–159.
50. Kazanskii M.M., Mastykova A.V. «Tsarskie» gunny i akatsiry. Furas'ev A.G. (Ed.), *Gunny, goty, sarmaty mezhdu Volgoi i Dunaem*, St-Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, pp. 114–126.
51. Kazanskii M.M., Mastykova A.V. Khronologicheskie indikatory drevnostei postgunnskogo vremeni na Severnom Kavkaze. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik*, 2010, Vol. 5, pp. 93–104.
52. Kazanskii M.M., Mastykova A.V. Zhenskie mogily znati postgunnskogo vremeni v pontiiskikh stepiakh i konstantinopol'skaia moda. *Materialy nauchnoi konferentsii "IV «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza"*, Krasnodar, Traditsiia Publ., 2014, pp. 97–108.
53. Kazanskii M.M., Peren P. Mogila Khil'derika (481/482 g.): sostoianie issledovanii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAS*, 2005, Vol. 218, pp. 24–42.
54. Kaposhina S.I. Zolotye ser'gi iz Ol'vii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1950, Vol. 33, pp. 103–109.
55. Kozhemiako P.N., Kozhomberdiev I. Katakombnoe pogrebenie v ushchel'e Shamsi. Bolelov S.V., Kol'chenko V.B. (Eds.), *Arkheologiia Tsentral'noi Azii: arkhivnye materialy*, T. II, Samarkand, Mezhdunarodnyi Institut Tsentral'noaziatskikh issledovanii publ., 2015, pp. 130–157.
56. Komar A.V. Kutrigury i utigury v Severnom Prichernomor'e. *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2004, pp. 169–200.
57. Komar A.V. Pamiatniki tipa Sukhanovo: k voprosu o kul'ture bolgar Severnogo Prichernomor'ia vtoroi poloviny VI – nachala VII v. *Sugdeiskii sbornik*, 2008, Vol. III, pp. 87–117.
58. Kostiukov V.P. Rannesrednevekovye kurgany mogil'nika Kamennyi Ambar-5. Ageev B.B. (Ed.), *Kurgany kochevnikov Iuzhnogo Urala*, Ufa, Gilem Publ., 1995, pp. 151–160.
59. Kropotkin V.V. *Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1962, 64 p.
60. Kruglikova I.T. Pogrebenie IV–V vv. n.e. u der. Aivazovskoe. *Sovetskaia arkheologiia*, 1957, No. 2, pp. 253–257.
61. Kubarev G.V., Zhuravlev D.V. Dospekh iz katakombnogo pogrebeniia s Gospital'noi ulitsy goroda Kerchi (iz raskopok 1891 goda professora Iu.A. Kulakovskogo). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, T. 11, Vol. 5, pp. 135–146.
62. Tairov A.D. (Ed.), *Kurgan s «usami» Solonchanka I.* Cheliabinsk, Cheliabinskii universitet Publ., 1999, 152 p.
63. Levina L.M. *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vypusk IV. Dzhetyasarskaia kul'tura. Chast' 3–4. Mogil'niki Altynasar 4.* Moscow, Institut etnologii i antropologii RAS Publ., 1994, 312 p.

64. Limberis N.Iu., Marchenko I.I. Pogrebeniia iz kurganov stepnogo Prikuban'ia. Sharov O.V. (Ed.), *Peterburgskii Apokrif. Poslanie ot Marka,* St-Petersburg, Kishinev, Vysshaia antropologicheskaia shkola Publ., 2011, pp. 417–442.
65. Liakhov S.V., Miachin S.V. Kochevnicheskoe pogrebenie «postgunnskogo» vremeni v s. Tuguluk Stavropol'skogo kraia. *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi stepi*, 2010, Vol. 8, pp. 225–230.
66. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI v. n.e.* Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 2009, 502 p.
67. Mastykova A.V. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-maiatskoi kul'tury Verkhnego Dona. *Divnogorskii sbornik*, 2016, Vol. 6, pp. 241–254.
68. Mastykova A.V. Tsentral'no-aziatskie zerkala u kochevnikov postgunnskogo vremeni v Vostochnoi Evrope. Korom A. (Ed.), *Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér*, Budapest, 2018, pp. 409–418.
69. Mastykova A.V., Zemtsov G.L. «Kniazheskoe» zhenskoe pogrebenie na poselenii Mukhino-2 gunnskogo vremeni na Verkhnem Donu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAS*, 2014, Vol. 234, pp. 200–222.
70. Mastykova A.V., Kazanskii M.M., Saprykina I.A. *Pashkovskii mogil'nik № 1. Tom 2. Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika № 1.* Moscow, St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, 372 p.
71. Moshkova M.G., Fedorova-Davydova E.A. Raboty Tsimlianskoi ekspeditsii 1970 goda. Moshkova M.G., Shelov D.B. (Eds.), *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Podon'ia.* T. I, Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 21–127.
72. Nesterov S.P. *Kon' v kul'takh tiurkoiazychnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia.* Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 143 p.
73. Nikonorov V.P. Voennoe delo evropeiskikh gunnov v svete greko-latinskoi pis'mennoi traditsii. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva,* 2002, Vol. I (XXVI), pp. 223–323.
74. Oblomskii A.M. Antropomorfnye amulety iz verkhov'ev r. Voronezh. K voprosu o iuzhnykh sviaziakh naseleniia regiona v VI–VII vv. Vasil'ev A.D. (Ed.), *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka.* T. 1, Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, pp. 212–217.
75. Palamarchuk S.V., Fokeev M.M. Veshchevoi kompleks Ialpugskogo klada. *Drevnee Prichernomor'e,* 2011, T. IX, pp. 366–382.
76. Pigulevskaia N.V. *Siriiskaia srednevekovaia istoriografiia. Issledovaniia i perevody.* St-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2011, 832 p.
77. Pletneva S.A. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonomernostei.* Moscow, Nauka Publ., 1982, 190 p.
78. Podosinov A.V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii.* Moscow, Indrik Publ., 2002, 488 p.
79. Prisk Paniiskii. Gotskaia istoriia. Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Tom I. Grecheskie pisateli.* St-Petersburg, 1890, pp. 810–847.
80. *Prokopii iz Kesarii. Voina s gotami.* Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 516 p.
81. Prokopii Kesariiskii. Voina s persami. *Prokopii Kesariiskii. Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia.* St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 7–144.
82. Prokopii Kesariiskii. Voina s vandalami. *Prokopii Kesariiskii, Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia.* St-Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 147–258.
83. Ravennskii Anonim. Kosmografiia. Podosinov A.V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii.* Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 161–286.
84. Ratner I.D., Kostiuk L.I. *Drevnosti Khersonshchiny.* Simferopol, Tavriia Publ., 1989, 110 p.
85. Rashev R. *Prab"lgarite prez V–VII vek.* Veliko Tarnovo, Faber Publ., 2000, 192 p.
86. Romashov S.A. Istoricheskaia geografiia Khazarskogo kaganata (V–XIII vv.). *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 2001, T. 11, pp. 219–338.

87. *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh. Tom I. (I–VI vv.).* Moscow, Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAS Publ., 1994, 472 p.
88. Skalon K.M. Izobrazhenie drakona v iskusstve IV–V vekov. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha,* St-Petersburg, 1962, Vol. 27, pp. 40–43.
89. Skarbovenko V.A. Pogrebenie rannesrednevekovogo vremeni v Kuibyshevskom Zavolzh'e. Basin S.G. (Ed.), *Drevniaia istoriia Povolzh'ia*, Kuibyshev, 1979, pp. 164–174.
90. Skarbovenko V.A., Lifanov N.A. Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy rannesrednevekovykh kochevnikov iz Vostochnogo Priazov'ia (po materialam raskopok mogil'nikov Lebedi IV i Lebedi VIII v 1980 g.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma,* 2012, Vol. IV, pp. 22–46.
91. Stoliarik E.S. *Ocherki monetnogo obrashcheniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v pozdnerimskoe i vizantiiskoe vremia.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, 128 p.
92. Tolstoi I., Kondakov N. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vypusk tretii. Drevnosti vremen pereseleniia narodov.* St-Petersburg, 1890, 158 p.
93. Trever K.V., Lukonin V.G. *Sasanidskoe serebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 156 p.
94. Treister M.Iu. Kitaiskie «importy» v pogrebeniiakh kochevnikov Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine I tys. do n.e. – pervykh vekakh nashei ery. *Stratum plus*, 2018, No. 4, pp. 153–200.
95. *Feofilakt Simokatta. Istoriia*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1957, 224 s.
96. Feofan Ispovednik. Khronografiia. Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: «Khronografiia» Feofana, «Breviarii» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarii.* Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 17–144.
97. Furas'ev A.G., Shablavina E.A. *Kontseshti: kniazheskoe pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniia narodov.* St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2019, 244 p.
98. Khrapunov I.N., Kazanskii M.M. Pogrebeniia epokhi pereseleniia narodov v mogil'nike Neizats. Khrapunov N.I. (Ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). II. Dvadtsat' let issledovanii mogil'nika Neizats*, Simferopol, Nasledie tysiacheletii Publ., 2016, pp. 194–229.
99. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments. Bálint C. (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert,* Budapest, Napoli, Roma, Archäologisches Insititut der UAW Publ., 2000, pp. 13–70.
100. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle. Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle,* Saint-Germain-en-Laye, Asaociation française d'archéologie mérovingienne Publ., 1995, pp. 207–216.
101. Altheim F. *Attila et les Huns.* Paris, Payot Publ., 1952, 230 p.
102. Anke B. *Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts.* Wessbach, Beier & Beran Publ., 1998, Teil I, 222 p.; Teil II, 156 p.
103. Arrhenius B. *Merovingian Garnet Jewellery.* Stockholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1985, 230 p.
104. Anazawa W., Manome J. The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Wetern Connections. Balint C. (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert,* Budapest, Napoli, Roma, Archäologtisches Institut der UAW Publ., 2000, pp. 71–87.
105. Baldini L.I., Pinar G.J. Osservazioni sul tesoro di Reggio Emilia. Ebanista C., Rotil M. (Eds.), *L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI,* Cimitile, Tavolario edizioni Publ., 2010, pp. 113–128.
106. Bărbulescu M. *Mormântul princiar germanic de la Turda.* Cluj-Napoca, Tribuna Publ., 2008, 388 p.
107. Bavant B., Ivanišević V. Catalogue des objets des fouilles anciennes. Bavant B., Ivanišević V. *Caričin Grad IV. Catalogue des fouilles anciennes et autres études.* Rome, Belgrade, Ecole française de Rome Publ., Institut archéologique de Belgrade Publ., 2019, pp. 1–298.
108. Bierbrauer V. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien.* Spoleto, Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo Publ., 1975, 380 p.
109. Bóna I. *Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles.* Paris, Errance Publ., 2002, 240 p.
110. Bugarski I. A Contribution to the Study of Lamellar Armours. *Starinar*, 2005, T. LV, pp. 161–179.

111. Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 1988, Bd. 21, pp. 65–210.
112. Dentzer-Feydy J., Teixidor J. *Les antiquités de Palmyre au Musée du Louvre.* Paris, Réunion des Musées Nationaux Publ., 1993, 256 p.
113. Wieczorek A., Perin P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.), *Die Franken. Wegbereiter Europas*, Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 1996, 1143 p.
114. Doxiadis E. *The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt.* London, Thames & Hudson Publ., 1995. 248 p.
115. Fingerlin G. Eine Schnalle mediterraner Form aus de Reihengräberfeld Güttingen, Ldkrs. Konstanz. *Badische Fundberichte,* 1967, Bd. 23, pp. 159–184.
116. Garam E. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts.* Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2001, 250 p.
117. Hagberg U.E. *The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement of Öland, Sweden.* Sotckholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1967, 152 p.
118. Harmatta J. The Golden Bow of the Huns. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae,* 1951, T. 1, pp. 107–151.
119. Haussig H.W. *Histoire de la civilisation byzantine.* Paris, Librairie Jules Tallandier Publ., 1971, 462 p.
120. Henriksen M.B., Horsnæs H.W. Guldskatten fra Boltinggård Skov på Midtfyn. *Fynske Minder*, 2004, pp. 123–151.
121. Johannis Antiocheni. Frangmenta. Müller C. (Ed.), *Fragmenta Historicorum Graecorum IV*, Paris, 1851, pp. 534–622.
122. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. *Archéologie Médiévale*, 1994, Vol. XXIV, pp. 137–198.
123. Kazanski M. *Qal'at Sem'an. IV: Rapport final. 3: Les objets métalliques.* Beyrout, Institut français du Proche-Orient Publ., 2003, 152 p.
124. Kazanski M. *Archéologie des peuples barbares.* Bucarest, Brăila, Editura Academiei Române Publ., 2009, 489 p.
125. Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle. Theune C., Biermann F., Struwe R., Jeute G.H. (Hrsg.), *Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag,* Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010, pp. 225–238.
126. Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars. Lazaris S. (Ed.), *Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales,* Turnhaut, Brepols Publ., 2012, pp. 193–199, 287–296.
127. Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation. Aparaschivei D., Bilavschi G. (Eds.), *Studia Romana et Mediævalia Europæensia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*, Bucureşti, Brăila, Editura Academiei Române Publ., Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I" Publ., 2018, pp. 169–187.
128. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare. *Eurasia Antiqua,* 1999, Bd. 5, pp. 523–573.
129. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne. Tejral J. (Hrsg.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum*, Brno, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky Brno Publ., 2002, pp. 159–194.
130. Kazanski M., Périn P. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives. *Revue Archéologique de Picardie*, 1988, Vol. 3–4, pp. 13–38.
131. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné. *Antiquités Nationales*, 1996, Vol. 28, pp. 203–209.
132. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? *Travaux et Mémoires*, 2005, Vol. 15, pp. 287–298.

133. Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. *Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, 1998, Bd. 45, pp. 571–598.
134. Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea). *Archäologisches Korrespondenzblatt,* 1999, Bd. 29, pp. 407–423.
135. Kovrig I. Das Diadem von Csorna. *Folia Archaeologica*, 1985, T. XXXVI, pp. 107–145.
136. Laszlo G. The Significance of the Hun Golden Bow. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae,* 1951, T. 1, pp. 91–104.
137. Legoux R., Périn P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine.* Saint-Germain-en-Laye, Association frnaçaise d'archéologie mérovingienne Publ., 2016, 72 p.
138. Levada M., Saveliev O. Découverte "princière" de l'époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danube). Note préliminaire. *Přehled výzkumů*, 2017, Vol. 58-1, pp. 85–89.
139. *L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001.* Paris, Éditions de la Réunion des musées nationaux Publ., 2000, 223 p.
140. Overlaed B. (Ed.), *Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224–642).* Bruxelles, Musées royaux d'Art et d'Histoire Publ., 1993, 310 p.
141. Paulsen P. *Alamnnische Adelsgräber von Niederstotzingen (Kreis Heidenheim).* Stuttgart, Verlag Müller & Gräff, 1967, 246 p.
142. Périn P. Les tombes des "chefs" du début de l'époque mérovingienne. Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle,* Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne Publ., 1995, pp. 247–300.
143. Périn P., Kazanski M. Das Grab Childerichs Männerkleudung und Bawaffnung im Wandel der Zeit. Wieczorek A., Perin P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.), *Die Franken. Wegbereiter Europas*, Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 1996, pp. 173–182, 707–711.
144. Pilet C., Buchet L., Kazanski M. Derniers vestiges culturels des "peuples barbares". La mode "danubienne". Pilet C. et al. *La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados).* Paris, CNRS Editions, 1994, pp. 96–111.
145. *Paul Diacre. Histoire des Lombards.* Tournhaut, Brepols Publ., 1994, 208 p.
146. Prichodnjuk O.M., Chardaev V.M. Hunnenzeitlicher Schmuck aus der Shatzkammer des Höhlenklosters "Pečerskaja Lavra" in Kiev (Ukraine). *Eurasia Antiqua*, 2004, Bd. 10, pp. 333–358.
147. Quast D. Byzantinisch-gepidische Kointakte nach 454 im Spiegel der Kleinfunde. Istvánovits E., Kulcsár V. (Eds.), *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D.* Aszód-Nyíregyáza, Jósa András Museum Publ., 2001, pp. 431–452.
148. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzance: Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. *Acta Praehistorica et Archaeologica,* 2007, Bd. 39, pp. 35–64.
149. Ross M.C. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection.* Volume Two. Washington, Dumbarton Oaks Center or Byzantine Studies Publ., 1965, 144 p.
150. *Sozomène. Histoire ecclésiastique. Livres VIII–IX.* Paris, Cerf Publ., 1996, 488 p.
151. Tejral J. *Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung.* Brno, Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno Publ., 2011, 466 p.
152. Victor Tonnannensis episcopi chronca a. CCCCXL–DCXII. Mommsen T. (Hrsg.), *Chronica minora II. Saec. IV.V.VI.VI*, Berlin, Weidmann Publ., 1894.
153. Vierck H. *Imitatio imperii* und *interpretatio Germanica* vor der Wikingerzeit. Zeitler R. (Ed.), *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance),* Uppsala, Almqvist & Wiksell International Publ., 1981, pp. 64–113.
154. Vizcaíno Sánchez J. Early Byzantine Lamllar Armour from Carthago Spartaria (Cartagena, Spain). *Gladius*, 2008, T. XXVIII, pp. 195–210.
155. von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia. *Germania*, 1995, Bd. 73/1, pp. 151–155.

156. von Carnap-Bornheim C. Germanische Rangabzeichen im reiternomadischen Milieu des 4. und 5. Jahrhunderts – oder ist eine “Gotisierung” der “Hunnen” archäologisch nachweisbar? *Antaeus*, 1999, T. 24, pp. 127–147, 645–650.
157. Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches.* München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. A. Textteil, 138 p.; B. Tafelteil, 74 Taf.
158. Werner J. *Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea.* München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1988, 20 p.
159. Zaseckaja I.P. To the Dating of the Dagger from Borovoye-Lake find in Kazakhstan. Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle,* Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne Publ., 1993, pp. 437–443.
160. *Zosime. Histoire nouvelle. Livre V.* Paris, Les Belles Lettres Publ., 1986, 422 p.

Информация об авторе

Казанский М. М. – доктор хабилитет (docteur habilité), ведущий научный сотрудник, Национальный центр научных исследований (CNRS), исследовательская лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье» (UMR 8167 «Orient et Méditerranée»), Коллеж де Франс, Researcher ID: N-9288-2015.

Information about the author

Kazanski M. – Doctor Habilitat of Archaeology, Leading Researcher at the National Centre for Scientific Research (CNRS; UMR-8167 “Orient et Méditerranée”), Researcher ID: N-9288-2015.